

**САМАРСКИЙ
ПОЛИТЕХ**
Опорный университет

ISSN 2658-7750 (Print)
ISSN 2782-4268 (Online)

<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

ВЕСТНИК

Самарского Государственного
Технического Университета

Серия «Философия»

VESTNIK

of Samara State
Technical University

Series «Philosophy»

Том
Volume **5**

№
No. **1**

2023

ВЕСТНИК Самарского Государственного Технического Университета Серия «ФИЛОСОФИЯ»

2023
Том 5
№ 1

Научный рецензируемый журнал по философии
Издается с 2019 года. Выходит 4 раза в год

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Самарский
государственный технический
университет»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного насле-
дия, свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС 77-75250 от 07.03.19

Индексация:

РИНЦ (Science Index)
Cyberleninka

Контакты:

Адрес: 443100, г. Самара,
ул. Молодогвардейская, 244,
главный корпус

E-mail: : vestnik.filosofii@yandex.ru
Тел.: +7 (846) 339-14-95
<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

Распространяется по подписке:
Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» — И 41340

Формат 70 × 108/16. Усл.-печ. л. 8,93.
Тираж 500 экз. Цена свободная

Оригинал-макет изготовлен
ООО «Эко-Вектор Ай-Пи»,
191186, Санкт-Петербург,
Аптекарский переулок, 3А, 1Н

Редактор С.В. Фокина
Вып. редактор Ю.А. Петропольская
Компьютерная верстка А.Г. Хуторовской

Отпечатано в типографии Самарского госу-
дарственного технического университета.
443100, Самара, ул. Молодогвардейская,
244. Тел.: +7 (846) 339-14-95. Заказ № 73
Подписано в печать 26.03.2023
Дата выхода в свет 04.04.2023

Полное или частичное воспроизведение
материалов, содержащихся в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения редакции, ссылка на журнал
обязательна

© Авторы, 2023

© ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет», 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.А. Шестаков, д-р филос. наук, проф. (Самара, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В.Б. Малышев, д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Р.О. Исаев, канд. филос. наук, доцент (Самара, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Голубев — д-р филос. наук (Уральск, Республика
Казахстан)

И.И. Докучаев — д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург,
Россия)

В.В. Костецкий — д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург,
Россия)

В.И. Кудашов — д-р филос. наук, проф. (Красноярск, Россия)

А.Ф. Кудряшев — д-р филос. наук, проф. (Уфа, Россия)

В.И. Миськевич — канд. филос. наук, доц. (Минск, Республика
Беларусь)

В.П. Филатов — д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)

Л.М. Фридман — д-р тех. наук, проф. (Мехико, Мексика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. Шестаков — д-р филос. наук, проф. (Главный редактор)
(Самара, Россия)

Е.В. Бакиштова — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

Б.Л. Губман — д-р филос. наук, проф. (Тверь, Россия)

И.В. Демин — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

В.Б. Малышев — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

А.Ю. Нестеров — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

В.А. Нехамкин — д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)

Э.А. Тайсина — д-р филос. наук, проф. (Казань Россия)

В.Т. Фаритов — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

А.А. Хамидов — д-р филос. наук, проф. (Алма-Ата, Республика Казахстан)

М. Чарноцкая — Ph.D., Prof. (Варшава, Республика Польша)

М.В. Юсупова — Ph.D. (Ланкастер, Соединенное Королевство
Великобритании и Северной Ирландии)

М. Накамура — Ph.D. Prof. (Осака, Япония)

М.Р. Дисько-Шуман — канд. филос. наук, доц. (Минск,
Республика Беларусь)

VESTNIK of Samara State Technical University

2023
Volume 5
No. 1

Series «PHILOSOPHY»

SCIENTIFIC PUBLICATION. Published since 2019. Four issues a year

Founders

Samara State Technical University

Registered in the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology and Mass
Communications (Roskomnadzor).
ПИ №ФС77-75250 of March 7, 2019

Indexation

Russian Science Citation Index
Cyberleninka

Editorial contact

Address: 244, Molodogvardeyskaya st.,
Samara, 443100,
Russian Federation

E-mail: vestnik.filosofii@yandex.ru
Тел.: +7 (846) 339-14-95
<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

Subscription

Open Access for all users on website.
Print version is available via "Russian
Post" service with index И 41340

Publisher

LLC "Eco-Vector IP"
Aptekarskiy lane 3, A,
office 1H, Saint Petersburg,
Russia, 191186
Phone: +7(812)648-83-67

EDITOR-IN-CHIEF

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Samara, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITOR

V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Ass. (Samara, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY OF THE EDITORIAL BOARD

R.O. Isaev, Ph. D. (Samara, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

A.V. Golubev, Dr. of Sciences (Uralsk, Republic of Kazakhstan)

I.I. Dokuchaev, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)

V.V. Kostetsky, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)

V.I. Kudashov, Dr. of Sciences, Prof. (Krasnoyarsk, Russia)

A.F. Kudryashev, Dr. of Sciences, Prof. (Ufa, Russia)

V.I. Miskevich, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk, Republic of Belarus)

V.P. Filatov, Dr. of Sciences, Prof. (Moscow, Russia)

L.M. Friedman, Dr. of Sciences, Prof. (Mexico City, Mexico)

EDITORIAL BOARD

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Editor-in-chief) (Samara, Russia)

E.V. Bakshutova, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

B.L. Gubman, Dr. of Sciences, Prof. (Tver, Russia)

I.V. Dyomin, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

A.Y. Nesterov, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

V.A. Nehamkin, Dr. of Sciences, prof. (Moscow, Russia)

E.A. Taysina, Dr. of Sciences, prof. (Kazan, Russia)

V.T. Faritov, Dr. of Sciences, Assoc. (Ulyanovsk, Russia)

A.A. Khamidov, Dr. Sciences, prof. (Alma-Ata, Republic of Kazakhstan)

M. Czarnocka, Ph. D., Prof. (Warsaw, Republic of Poland)

M.V. Yusupova, Ph. D., (Lancaster, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland)

M. Nakamura, Ph. D., Prof. (Osaka, Japan)

M.R. Dysko-Shuman, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk, Republic of Belarus)

СОДЕРЖАНИЕ

■ ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ЧЕЛОВЕК

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ 5

А.Д. Криволап

УТОПИЯ КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ 11

Е.А. Тюгашев

■ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

«БОРЬБА С КОСМОПОЛИТИЗМОМ» В ФИЛОСОФИИ: ГОРЬКОВСКИЙ СЛУЧАЙ 21

С.Н. Корсаков

■ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

О ТОМ, КАК НАПИСАТЬ НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: РЕКОМЕНДАЦИИ БРУНО ЛАТУРА 41

М.И. Пантькина

■ ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР: РЕФЛЕКСЫ КАРТИНЫ МИРА 48

В.В. Костецкий

■ НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.А. КУТЫРЕВА

«ЧЕЛОВЕК ТЕХНОЛОГИЙ, ФИЛОСОФИЯ ФАЛЬШИЗМА» 53

В.М. Маслов

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С.Ю. КОЛЧИГИНА

«ПЕРЕД СВЕТОМ (ОЧЕРК ФИЛОСОФИИ РОССИИ XIX–XXI ВЕКОВ)» 59

В.Т. Фаритов

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.А. БАЖАНОВА

«КУЛЬТУРНЫЙ МОЗГ – НЕЙРОНАУКА – МАТЕМАТИКА. ПРИСЛУШИВАЯСЬ К И. КАНТУ» ... 65

Р.О. Исаев

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА В.С. СТЕПИНА. МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В МИНСКЕ 69

М.Р. Дисько-Шуман

■ ТРИБУНА АСПИРАНТА

ПУБЛИЧНОЕ И ПРИВАТНОЕ В РЕАЛЬНОМ И ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 75

А.В. Почикаева

КОНСТРУКТ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА 83

Э.Б. Савенков

ВЛИЯНИЕ МЕДИА НА СОВРЕМЕННУЮ РЕАЛЬНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

МЕДИАФИЛОСОФИИ И МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ 87

С.В. Ромаданова

CONTENTS

■ SOCIETY. CULTURE. PERSON

AESTHETIC DIMENSION OF THE CREATIVE INDUSTRIES 5

A.D. Krivolap

UTOPIA AS A FORM OF SOCIAL CONSCIOUSNESS: THE PROBLEM OF DEMARCATION 11

E.A. Tyugashev

■ ACTUAL PROBLEM OF RUSSIAN PHILOSOPHY

“FIGHT AGAINST COSMOPOLITISM” IN PHILOSOPHY: GORKOVSKY CASE 21

S.N. Korsakov

■ PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

ABOUT HOW TO WRITE A SCIENTIFIC TEXT: BRUNO LATOUR’S RECOMMENDATIONS 41

M.I. Pantykina

■ FOREIGN PHILOSOPHY: HISTORY AND MODERNITY

MARTIN HEIDEGGER: REFLEXES OF THE PICTURE OF THE WORLD 48

V.V. Kostetckii

■ SCIENTIFIC LIFE. REVIEWS.

THE REVIEW OF THE MONOGRAPH BY V.A. KUTYREV.

MAN IS THE AGE OF TECHNOLOGIES, THE PHILOSOPHY OF FALSEHOOD 53

V.M. Maslov

THE REVIEW OF THE MONOGRAPH BY S.Yu. KOLCHIGIN “BEFORE THE LIGHT

(ESSAY ON THE PHILOSOPHY OF RUSSIA OF THE 19TH – 21ST CENTURIES)” 59

V.T. Faritov

THE REVIEW OF THE MONOGRAPH BY V.A. BAZHANOV

“CULTURAL BRAIN – NEUROSCIENCE – MATHEMATICS. LISTENING TO I. KANT” 65

R.O. Isaev

IN MEMORY OF ACADEMICIAN V.S. STEPIN. MINSK INTERNATIONAL CONFERENCE 69

M.R. Dzisko-Schumann

■ GRADUATE STUDENT TRIBUNE

PUBLIC AND PRIVATE IN THE REAL AND VIRTUAL SPACE 75

A.V. Pochikaeva

THE CONSTRUCT IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF THE MODERN PICTURE OF THE WORLD .. 83

E.B. Savenkov

THE INFLUENCE OF MEDIA ON MODERN REALITY: THEORETICAL ASPECTS

OF MEDIA PHILOSOPHY AND MEDIA REALITY 87

S.V. Romadanova

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

А.Д. Криволап

Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск,
Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 30.11.2022

В окончательном варианте: 20.12.2022

■ Для цитирования: Криволап А.Д. Эстетическое измерение деятельности креативных индустрий // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.1>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению темы переосмысления советского культурного наследия средствами современных креативных индустрий. Предложен возможный подход к работе с проявлениями советских культурных практик средствами креативных индустрий как стремление к обнаружению новой эстетики. В качестве теоретической основы используются концепция эстетических форм Г. Маркузе, а также подход Б. Гройса, согласно которому советскость понимается как большой стиль. Представленные данные очерчивают возможности креативных индустрий в процессе переосмысления советских эстетических форм на примере современной белорусской городской культуры.

Ключевые слова: культурная идентичность; эстетика; переосмысление; принцип реальности.

AESTHETIC DIMENSION OF THE CREATIVE INDUSTRIES

A.D. Krivolap

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 30.11.2022

Revision submitted: 20.12.2022

■ For citation: Krivolap A.D. Aesthetic Dimension of the Creative Industries. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.1>

Abstract. The article deals with the topic of rethinking the Soviet cultural heritage by means of creative industries. It offers a possible approach to working with manifestations of Soviet cultural practices by means of creative industries as a desire to discover a new aesthetics. The theoretical basis is the concept of aesthetic forms by H. Marcuse, as well as the approach of B. Groys, according to which the Sovietness is understood as a great style. The presented data outlines the possibilities of creative industries in the process of rethinking of the Soviet aesthetic forms on the example in the modern Belarusian urban culture.

Keywords: cultural identity; aesthetics; reinterpretation; reality principle.

Все проявления культуры так или иначе связаны с определенными социальными нормами и установлениями. Попытки редизайна пространства бывших советских городов неизбежно приводят к проблемам работы с исторической памятью, возможностям ее реинтерпретации и переосмысления. И дело не только в смене указателей с названиями улиц и площадей, но и в определении новых функций и возможностей для использования социального пространства.

В ходе одного из исследований городских креативных индустрий Беларуси достаточно неожиданно был затронут вопрос об эстетике. Обычно, когда говорят о новых медиа или IT, можно услышать что-то о юзабилити, дизайне интерфейсов и иных прикладных вещах, но без их осмысления эстетическими категориями. По мере разворачивания исследования эксперты неоднократно обращались к теме эстетического переосмысления, отказа от тех или иных культурных канонов и от того, что противоречит их эстетическим чувствам. В результате стало понятно, что трансформация пространства бывших советских городов неизбежно рассматривается как эстетическая трансформация.

Цель статьи можно сформулировать следующим образом — продемонстрировать возможности креативных индустрий для интерпретации городского пространства эстетическими средствами. Вопросы эстетики и по сей день остаются актуальными и волнуют не только создателей культуры, но и ее носителей и потребителей. Эстетика выступает составной частью любого образа жизни.

Оригинальное исследование роли и места эстетических форм искусства можно найти в работе Б. Гройса «Gesamtkunstwerk Сталин», в которой предпринимается радикальная попытка рассмотрения советского как нового великого стиля или целостного эстетического канона. Этот новый большой стиль стремился к всеобъемлющему переопределению всех аспектов жизни общества, он не может быть редуцирован до социалистического реализма или каких-то иных художественных приемов. *Gesamtkunstwerk* — в переводе с немецкого языка — законченное целостное произведение искусства, затрагивающее все аспекты и сферы культурной деятельности.

В отличие от многих текстов, посвященных теории социалистического реализма, концепция Б. Гройса предлагает метаописание и интерпретацию механизмов ее функционирования. Социалистический реализм рассматривается как результат политизации эстетики или одновременно эстетизации политики. «Сталинская эстетика и практика основывались на той же концепции воспитания, формирования масс, для чего Сталин использовал метафору: “Писатели — инженеры человеческих душ”» [1, с. 60]. Б. Гройс высказывает предположение, что границей между эстетикой авангарда и эстетикой социалистического реализма может быть отношение к классическому культурному наследию, возможность репрезентации действительности и задача создания нового (советского) человека. Соцреализм возник не в результате отказа от авангарда, а как его максимально возможная радикализация: «Социалистический реализм ориентируется на то, чего еще нет, но что должно быть создано, и в этом он наследник авангарда, для которого эстетическое и политическое также совпадают» [1, с. 78]. Собственно, в этом и можно увидеть ту самую утопическую эстетическую форму, освободиться от которой достаточно проблематично. Простое

отрицание и игнорирование не решает проблему. Дойти до возможности отчуждения и эксплуатации можно, только приняв проблему как наследство и пройдя через все стадии принятия. Прежде сакральные вещи оказываются вовлеченными в систему обмена. Это приходит с пониманием идеи, что прошлое (как и вся культура) может быть коммодифицировано и выставлено на продажу. Масштабная эксплуатация прежних эстетических форм и канонов креативными индустриями (от стилизации упаковки до компьютерных игр) не просто рутинна в поиске возможностей для извлечения прибыли. *Эстетическое действие всегда социально*, даже если оно осуществляется без необходимого уровня рефлексии. Эстетическое высказывание может рассматриваться как манифестация личной точки зрения и утверждение себя в качестве субъекта.

Как отмечает Г. Маркузе, первоначально «эстетическое» понимается «как форма отзывчивости и как форма конкретного мира человеческой жизни». При таком понимании «эстетического» намечается сближение технологии и искусства, работы и игры» [2, с. 23], что позволяет посмотреть на деятельность креативных индустрий, используя оптику Г. Маркузе в части его интерпретации психоанализа. В работе «Эрос и цивилизация» Г. Маркузе развивает психоаналитическую версию происхождения культуры и ее необходимости как победу принципа реальности над принципом удовольствия. Цивилизация, которая построена на практиках подавления и вытеснения, оказывается в тотальном подчинении принципу реальности: «Цивилизация движется к самоуничтожению, так как ее основой является отказ от удовлетворения потребностей» [3, с. 78]. Это относится не только к определенной культуре, но и экстраполируется на всю современную цивилизацию, которая построена на противостоянии и замене принципа удовольствия принципом реальности.

Принцип реальности оказал существенное влияние на развитие философии, которая строится на доминировании рациональности и логики, вытесняя чувственные порывы в сферу теории и практики искусства: «Истина искусства заключается в освобождении чувственности путем ее примирения с разумом: это центральное понятие классической идеалистической эстетики» [3, с. 160].

Но эстетика для Г. Маркузе не столько про прекрасное и отвратительное, сколько про стремление к свободе, которая независима от диктата принципа реальности. Эстетика в целом предлагает чувственное постижение реальности, когда стимулом является не экономическая необходимость, а удовольствие: «Царство свободы видится как лежащее по ту сторону царства необходимости: свобода — не внутри, но за пределами “борьбы за существование”» [3, с. 169].

Дискурс креативных индустрий возвращает нас к проблеме различения творчества и креативности, которые очень близки и похожи на первый взгляд. Однако при рассмотрении механизмов деятельности креативных индустрий можно отметить, что они в значительной степени алгоритмизированы и рационально подчинены задаче экономической целесообразности: предложить эффективное решение задач, которые были сформулированы заказчиком. Когда же речь идет о творчестве, то тут в первую очередь отмечается важность авторской позиции (я художник и я так вижу), которая не обязана учитывать вкусы потенциальных потребителей. Это то самое чистое искусство, которое может существовать ради искусства. «Именно эстетическое измерение по-прежнему сохраняет свободу выражения, позволяющую писателю и художнику называть

людей и вещи своими именами — давать название тому, что не может быть названо другим способом» [3, с. 506].

Парадокс эстетики креативных индустрий в том, что для концепции Г. Маркузе именно свободное творчество может быть тем ключом, который откроет перед человечеством закрытые двери в мир нерепрессивной культуры, где культура будет не только сублимацией либидо, но и чем-то большим. Эстетическое, или чувственное, познание мира может вернуть утраченные позиции в соперничестве с рациональным познанием окружающего мира: «Эстетика — “сестра” и одновременно соперница логики» [3, с. 159]. Но креативные индустрии во многом рационализированы и эффективны с точки зрения экономической целесообразности и логики прибыли, а значит, подчинены принципу реальности.

При этом они могут спровоцировать в качестве обратной связи попытки творческой активности как мимесис новых культурных потребительских практик, что имеет все шансы предложить новые чувственные формы прекрасного, модного, привлекательного и т. п. сначала как образов для потребления, а потом как новую практику постижения социальной реальности, которая не будет подчинена принципу рациональности. Дизайнерские продукты креативных индустрий могут быть настолько необычны, что мы не можем их не купить. И в этом случае потребители руководствуются не рациональной функциональностью, а импульсивным желанием удовольствия.

Эстетика креативных индустрий заслуживает отдельного изучения. С одной стороны, в ней можно увидеть тот самый механизм «культурной гегемонии» (А. Грамши), которая побеждает в схватке за сознание индивидов. С другой — это диалектическая борьба «философии жизни» (Г. Зиммель), когда новые культурные формы стараются пробить себе дорогу через асфальт доминирующей культуры и расчистить место для создания новой культуры. Освоение и переосмысление заброшенных индустриальных площадок не прихоть креативных индустрий, а вынужденная мера и форма рационального поведения.

В книге «Эстетическое измерение: к критике марксистской эстетики», которая пока еще не переведена на русский язык, Г. Маркузе размышляет о марксистской концепции культуры. Он отстаивает право культуры в самом широком смысле не быть лишь второстепенной частью надстройки, полностью зависящей от базиса. Для него искусство само по себе, в своих эстетических формах имеет потенциал для социальных преобразований. И особая роль в этом процессе отводится автономии искусства и творца. Политический потенциал искусства заключается только в его собственном эстетическом измерении, которое Г. Маркузе называет эстетической формой, «удаляющей искусство от реальности классово-борьбы — от реальности чистой и простой. Эстетическая форма составляет автономию искусства по отношению к «данности» [4, с. 8]. В то же время «эстетическая форма не противостоит содержанию даже диалектически. В художественном произведении форма становится содержанием и наоборот» [4, с. 41].

В целом критикуя марксистскую концепцию культуры, Г. Маркузе предлагает собственное видение возможности автономии искусства: «Автономия искусства отражает несвободу людей в несвободном обществе. Если бы люди

были свободны, то искусство было бы формой и выражением их свободы. Искусство остается отмеченным несвободой; противореча ему, искусство достигает своей автономии» [4, с. 72–73]. Особую роль в этом играют воображение и другие процессы, связывающие сознание и подсознание, когда «мимесис переводит реальность в память. В этой памяти искусство узнавало, что есть и что может быть в общественных условиях и вне их» [4, с. 67], что, в свою очередь, открывает возможности для создания эстетических форм утопических проектов, которые будет очень сложно отличить от реальных. Если реальность зависит от воспоминаний, которые не являются неизменными, то возникает опасность манипуляций и злоупотреблений. «Утопия в большом искусстве — это никогда не простое отрицание принципа реальности, а ее трансцендентное сохранение, в котором прошлое и настоящее отбрасывают свою тень на осуществление. Настоящая утопия основана на воспоминаниях» [4, с. 73]. Но связь воспоминаний, утопий и эстетической формы создает невероятные возможности для работы с обществом и культурой, что достаточно активно используется в современных массмедиа. Тем не менее, какой бы привлекательной не выглядела утопия, она «не может освободить Эрос от Танатоса» [4, с. 72], тогда как только «искусство представляет конечную цель всех революций: человеческую свободу и счастье» [4, с. 69]. Как бы утопично это не звучало.

Работа креативных индустрий с прошлым постоянно актуализирует вопрос проекта будущего. Принятие настоящего не означает освобождение от прошлого. Трансформация невостребованных производственных площадей в креативные пространства не свидетельствуют об оригинальности творческой мысли их владельцев, скорее, речь идет о рациональности и заимствовании новых форм организации пространства. Но будучи преобразованными и адаптированными для новых вариантов использования, креативные индустрии провоцируют новые модели поведения и потребления в этих пространствах. Таким образом, работая с прошлым, креативные индустрии создают возможные стратегии развития культурных форм будущего, хотя при этом и не ставят для себя подобных благородных задач.

Выводы

Переосмысление советского может начаться не с политических, экономических либо каких-то иных факторов, а непосредственно на уровне эстетики. Когда интерпретация современной белорусской городской культуры сталкивается с проявлениями советских культурных канонов, конфликт с советским эстетическим каноном проявляется не только в понимании прекрасного или того, что имеет право называться прекрасным и ограничивается им. Вопрос гораздо глубже. Возможность совмещения и творческой проработки воспоминаний и утопий, которые могут обрести собственную эстетическую форму, создает невероятные возможности для работы с обществом и культурой по его трансформации. Воспоминания, утопия и эстетические формы — плодотворная триада для работы креативных индустрий с советским эстетическим канон, когда трансформируется не объект, а отношение к нему субъекта. Сфера приложения усилий креативных индустрий может быть ограничена объектами, которые вписаны в пространство города. Но результат и последствия

данных усилий будет заметен и на действующих субъектах (актерах) в данном городском пространстве. Эстетические действия являются социальными.

Сфера креативных индустрий пытается присоединиться к интерпретации советского под видом редизайна и в сфере визуальных репрезентаций. Но это не только смена логотипа и сокращение названий, но и попытка переосмыслить роль и функции эстетических форм в обществе. Новая культура формируется на основе действий отдельных лиц, системность которых свидетельствует о появлении новой практики. Возможно, нового эстетического канона.

Показательным примером тут может быть хорошо известный с советских времен граненый стакан. Именно граненый стакан может претендовать на статус культового артефакта культуры повседневности, без которого сложно представить ни партсобрание, ни чаепитие в поезде. Но в XXI в. граненые стаканы представлены на прилавках ИКЕА по всему миру. Однако теперь они воспринимаются не как образец советской эстетики, а как проявление современного минималистичного скандинавского дизайна.

Список литературы

1. Гройс Б. *Gesamtkunstwerk* Сталин. Москва: Ad Marginem, 2013. 168 с.
2. Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. № 6. С. 18–23.
3. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. Москва: Изд-во АСТ, 2003. 526 с.
4. Marcuse H. *The aesthetic dimension: Toward a critique of Marxist aesthetics*. Boston: Beacon Press, 1978. 88 p. DOI: 10.1007/978-1-349-04687-4

References

1. Grois B. *Gesamtkunstwerk Stalin*. Moscow: Ad Marginem, 2013. 168 p. (In Russ.)
2. Marcuse G. *Konets utopii*. Logos. 2004;(6):18–23. (In Russ.)
3. Marcuse G. *Ehros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek: Issledovanie ide-ologii razvitogo industrial'nogo obshchestva*. Moscow: Izd-vo AСТ, 2003. 526 p. (In Russ.) (Marcuse H. *Eros and Civilization: A Philosophical Inquiry into Freud*. Boston: Beacon Press, 1955. 277 p.)
4. Marcuse H. *The aesthetic dimension: Toward a critique of Marxist aesthetics*. Boston: Beacon Press, 1978. 88 p. DOI: 10.1007/978-1-349-04687-4

Информация об авторе

Алексей Дмитриевич Криволап — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: email2krivolap@gmail.com

Information about the author

Alexei D. Krivolap — Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities of the Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: email2krivolap@gmail.com

УТОПИЯ КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ

Е.А. Тюгашев

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия

Поступила в редакцию: 10.12.2022

В окончательном варианте: 25.12.2022

■ Для цитирования: Тюгашев Е.А. Утопия как форма общественного сознания: проблема демаркации // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 11–20. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.2>

Аннотация. На основе типологического подхода обоснована интерпретация утопии как самостоятельной формы общественного сознания. По мировоззренческому статусу утопия сравнима с искусством, мифологией, наукой, религией и философией. В типологии форм общественного сознания утопия идентифицируется как внешняя рефлексия права («юридическое мировоззрение»).

Ключевые слова: утопия; утопизм; утопическое сознание; общественное сознание; юридическое мировоззрение.

UTOPIA AS A FORM OF SOCIAL CONSCIOUSNESS: THE PROBLEM OF DEMARCATION

E.A. Tyugashev

Novosibirsk national research state university, Novosibirsk, Russia

Original article submitted: 10.12.2022

Revision submitted: 25.12.2022

■ For citation: Tyugashev E.A. Utopia as a form of Social Consciousness: the Problem of Demarcation. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):11–20. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.2>

Abstract. Based on the typological approach, the interpretation of utopia as an independent form of social consciousness is substantiated. In terms of worldview status, utopia is comparable to art, mythology, science, religion and philosophy. In the typology of forms of social consciousness, utopia is identified as an external reflection of law (“legal worldview”).

Keywords: utopia; utopianism; utopian consciousness; social consciousness; legal worldview.

Введение

В философии утвердилось понимание утопии (утопизма) как особого типа сознания, имеющего ряд отличительных характеристик. Наряду с этим высказывается мнение о том, что утопия — это уникальное социокультурное явление европейского модерна, не имеющее аналогов в других культурах. Поскольку феномены утопического сознания в обществах Востока и Запада выделяются и эмпирически фиксируются, то в данной статье будет уделено внимание методологическим основам типологической идентификации утопии.

Тип без типологии

Понимание утопии как типа сознания в методологическом плане проблематично тем, что не приводится типология, в рамках которой утопия выделяется по существенным и сопоставимым признакам как особый тип среди других типов сознания. В итоге утопия оказывается типом без типологии, а насколько существенны ее признаки, остается неясным.

Проблема усугубляется тем, что в социально-философском учении об общественном сознании отсутствует сколько-нибудь устойчивая традиция выделения его типов (в отличие от форм, видов, уровней общественного сознания). Поэтому неясно, с какой типологией сознания следует соотносить утопию хотя бы гипотетически.

Кроме того, в социально-философских представлениях об общественном сознании утопия, как правило, не фиксируется в качестве сколько-нибудь значимого компонента. Так, например, белорусские исследователи Ч.С. Кирвель и О.А. Романов при описании структуры духовной жизни общества утопическое сознание не выделяют [5, с. 122–123], но говоря о постижении будущего, его характеристике посвящают отдельный раздел своего учебного пособия. Примечательно, что утопию они определяют как особую форму духовно-ценностного освоения социальной реальности [5, с. 377], а другие формы освоения этой реальности не упоминают.

На мой взгляд, утопизм как тип мышления необходимо выделять в рамках конкретной типологии мышления. В парадигмальном поле социальной философии это наиболее удобно делать в рамках учения об общественном сознании, разработанном в историческом материализме.

В кругу форм общественного сознания

Итак, при структурировании общественного сознания утопическое сознание не выделяют. Возможно, феномен утопии не настолько эмпирически значим и системно необходим для общества, как искусство, наука или религия. Но, с другой стороны, именно сопоставления утопии с различными формами общественного сознания довольно распространены. Так, Ч.С. Кирвель ранее сравнивал утопию с наукой [4], а С.М. Поздеева и И.В. Фролова — с мифологией, религией, наукой, художественной литературой, футурологией, идеологией, социальной теорией [12, с. 38–65]. Художественная литература относится к художественной деятельности, то есть к искусству. Футурология и социальная теория являются дисциплинарными областями науки. Поскольку искусство,

мифологию, религию и науку традиционно относят к формам общественного сознания, то представляется допустимым включение утопии в качестве особой формы в типологии форм общественного сознания мировоззренческого уровня.

Напомню, что с точки зрения развитого в историческом материализме принципа единства деятельности, общественных отношений и общественного сознания необходимо различать формы и виды общественного сознания. Виды общественного сознания выступают внутренней рефлексией видов общественных отношений (например, правовые отношения — правовое сознание, политические отношения — политическое сознание и т. п.). Формы общественного сознания являются внешней рефлексией видов общественных отношений, то есть проекцией этих отношений на мир (религия — внешняя рефлексия нравственных отношений, мифология — семейно-родственных отношений и т. п.). В качестве внешней рефлексии формы общественного сознания имеют мировоззренческий статус. Каждый вид общественного сознания может функционировать в научной, религиозной, художественной и иных формах.

Установка на противопоставление науки и утопии, а также трудности дифференциации утопии от мифологии, религии, фантастики и эзотеризма демонстрируют принадлежность утопии к кругу форм общественного сознания мировоззренческого уровня. Действительно, признается универсальность утопического сознания, его существование во все исторические эпохи и во всех культурах. В утопологии развиваются представления об утопическом миромоделировании (мировоззрении, мироотношении). Отмечается внутренняя сложность утопического сознания, функционирующего на теоретическом, специализированном и массовом уровнях [7]. Признано, что на специализированном уровне утопического сознания на основе фундаментальных эмпирических и теоретических описаний окружающей действительности разрабатываются утопические проекты, апробируемые на практике в утопических экспериментах или реализуемые в общегосударственных масштабах. Таким образом, по своей духовно-практической структуре утопическая деятельность изоморфна художественной, религиозной, научной и другим видам духовной деятельности и внешне мало отличается от них.

Трудности демаркации утопической деятельности

Феномен утопической деятельности в его специфике характеризуется многогранно. Но некоторые эмпирически выделяемые характеристики утопизма, с одной стороны, слишком абстрактны и редко позволяют отличить утопию от других форм общественного сознания, а с другой стороны, являются продуктом недостаточно полной генерализации.

Так, нереализуемость давно перестала рассматриваться в качестве признака утопических идей. Многие утопии, особенно архитектурно-ландшафтные, хотя бы ненадолго реализовались. Поскольку критерий «истинность — ложность» относим к любому знанию как содержанию сознания, то не всякие ложные намерения, идеи и проекты следует квалифицировать как утопические.

Проективность и нормативность также присущи всем формам общественного сознания в рамках реализации их регулятивно-прикладной функции. Перфектибизм необходим в искусстве и эзотерике. Трансцендентность утопического сознания объединяет его с мифологией, религией и эзотерикой. Критическую функцию с успехом выполняет и философия.

Е. Шацкий считал утопистом каждого революционера, которому неизвестно понятие переходного периода [14, с. 37]. Но обстоятельные концепции переходного периода предлагали утописты В. Вейтлинг [1, с. 360–431], Т. Дезами [2, с. 458–476], Э. Кабе [3, с. 98–120].

Не все утопии ориентированы на организацию совершенного, завершившего свое развитие и статичного общества. Например, В. Вейтлинг, видя в прогрессе единственный закон общества, был убежден, что общество будет непрерывно совершенствоваться и человечество никогда не достигнет высшего идеала совершенства [1, с. 226].

Таким образом, внешние сравнения утопии с другими видами духовно-практической деятельности не ведут к фиксации ее специфики. Поскольку утопия возникает из практики, то необходимо установить вид практики, определяющий способ отражения действительности, присущий утопии.

«Антиюридизм» утопий

Идентифицируя утопию как форму общественного сознания, необходимо ответить на вопрос о том, внешней рефлексией какого вида общественных отношений она является. Ранее я предложил рассматривать ее как внешнюю рефлексия правовых отношений [13]. Иначе говоря, утопия есть проекция права на мир, миромоделирование сквозь призму права или правовое миропонимание. Данное соотнесение однозначно решает проблему демаркации утопии среди других форм общественного сознания.

Вместе с тем оно не кажется удовлетворительным по ряду причин.

Во-первых, идентификация форм общественного сознания по генетической связи с конкретным видом общественной практики (например, философии — с политикой) не вполне привычна. Особенно тесные связи такого рода широко признаются (например, религии и нравственности), но существенными не считаются.

Во-вторых, различные описания эмпирически выделяемых содержательных инвариантов утопического сознания (архетипов, констант, топосов, характеристик и т. п.) не указывают непосредственно на правовые отношения как источник средств для репрезентации действительности.

В-третьих, высказывается мнение о принципиальном антиюридизме утопии: «Немногочисленность и лаконичность законов, заметим, — одна из общих черт утопических проектов, начиная с “Утопии” Томаса Мора. Утопическое мышление вообще “антиюридично”. Реальное законодательство с его подробностями, непонятными простому обывателю, как правило, не нравится утопистам. Поэтому в утопических проектах нет места адвокатам и нотариусам» [6, с. 111].

Приведенные суждения взаимосвязаны. «Юридизм» утопий должен быть достаточно наглядно представлен в их содержании даже и в том случае, если

они не содержат элементов правового дискурса. Соответствующий способ миромоделирования должен быть опознаваемым в утопических произведениях на любую тему. Кроме того, маркеры утопизма должны быть выделены так, чтобы регистр утопического мышления можно было выявлять в памятниках любой формы общественного сознания.

Гиперюридизм утопий

Процитированное выше утверждение Н.А. Кравцова об «антиюридизме» утопий следует воспринимать, на наш взгляд, с учетом шкалы авторской оценки. Да, возможно, в каких-либо утопических проектах адвокатов и нотариусов нет. Но в обществе, представленном в романе «Икозамерон, или История Эдуарда и Элизабет, которые провели двадцать пять лет у Мегамикров, аборигенов Протокосма, что внутри Земли, переведенная с английского Жаком Казановой» (1788), есть многоуровневая правовая система, в которой имеются юриспруденция, кодексы законов, адвокаты и судьи, инквизиционный процесс. В утопии Джакомо Казановы правовая система даже усложнена.

Например, в суде присутствуют три адвоката. Суды состоят из нескольких семейных пар судей, которые должны голосовать одинаково. Судьи, оказавшиеся в меньшинстве, штрафуются [6, с. 113]. Таким образом, утопия Казановы, комментируемая Н.А. Кравцовым, наоборот, отличается гиперюридизмом.

Это не удивительно и не случайно. Например, заключительная четвертая часть произведения Морелли «Кодекс природы или истинный дух ее законов» имеет показательное название «Образец законодательства, согласного с намерениями природы» [9]. Т. Дезами посвятил «Кодекс общности» изложению различных отраслей законодательства [2]. А английский утопист Р. Оуэн разработал не только основанную на неизменных законах природы универсальную рациональную конституцию [11, с. 208–267], но и конституцию основанной в 1826 году общины «Новая гармония» [10, с. 276–283]. В. Вейтлинг предложил «Конституцию великого семейного союза человечества» [1, с. 465–484].

Гиперюридизм утопий не удивителен потому, что сам основатель европейской утопической традиции Т. Мор был юристом, активно участвовавшим в судебных процессах. Первая книга его «Утопии» посвящена описанию недостаточной справедливости многочисленных законов, а вторая книга излагает обычаи и законы утопийцев. «У меня нет никакого сомнения в том, что весь мир с легкостью давно бы уже перенял законы утопийского государства...» — заключал свою профессиональную мечту автор [8, с. 277].

Утопия как юридическое мировоззрение

Текст «Утопии» можно было бы интерпретировать как юридическую публицистику с элементами юридической фантастики. Но ее и другие утопии объединяет, на мой взгляд, юридическое мировоззрение, то есть особый способ миромоделирования, сопоставлявшийся Ф. Энгельсом и К. Каутским с теологическим (католическим мировоззрением) [15].

Суть юридического мировоззрения обычно видят в признании права основной общественной жизни. Но мировоззрение все же является взглядом

на мир, а не только на общество. Проекция права на мир формирует особую картину мира, который воспринимается как справедливый и подчиняющийся законам.

Описание мира как подчиненного законности предполагает выделение в нем (в горизонте юридического мировоззрения) и иного по отношению к законам. Таким иным выступает природа. Первые законы установлены природой. Это были естественные законы, действовавшие в естественном состоянии общества. Затем законодатели отклонились от естественного права и создали искусственные законы, паллиативные и изменчивые [9, с. 119].

Противопоставление природы и законов, противопоставление естественных законов и искусственных («протиестественных») законов — устойчивые бинарные оппозиции, характерные для классических утопий Нового времени. Очевидно, что они основываются на идеях естественного права. В утопиях не всегда ясно, в чем различие между законом природы и естественным законом. Позитивное право может отклоняться от законов природы вплоть до того, что действующие институты (государство, собственность, брак) оцениваются утопистами как преступления.

Замысел утопии заключается в том, чтобы принять верховенство природы и привести законодательство общества в соответствие с законодательством природы. Так, Т. Дезами писал: «Конституционные законы, или конституции, являются делом политики; они подвергаются изменениям и носят временный характер. Основные законы, напротив, вечны и неизменны; они возникли раньше любого политического строя и более совершенны, ибо исходят от самой природы. Миссия законодателя состоит только в том, чтобы их изыскать, распознать и затем предать гласности» [2, с. 83].

Соответственно, закон (в том числе закон природы) понимается в утопиях не в научном или философском смысле, а в собственно юридическом смысле — как закон, которому можно не следовать, его можно извращать, обходить, нарушать и даже разрушать до развалин [2, с. 89]. Таким образом, утопическое мировоззрение оказывается вполне юридическим по своему содержанию.

Бинарные оппозиции в утопическом мышлении

Одним из инструментов описания содержания мировоззрений являются бинарные оппозиции идеологем. В мифологии выделяются парные мифологемы «хаос — порядок», «старое — новое», «чистота — скверна» и др. В философии оперируют парными категориями «Инь — Ян», «пространство — время», «необходимость — случайность» и др. Противопоставления законов и природы, естественного и искусственного в утопическом мышлении можно интерпретировать как использование бинарных оппозиций.

Базовые утопемы находятся в рефлексивной взаимосвязи. Так, законы противопоставлены природе, но природа обладает собственными «естественными» законами. Позитивное право может быть «натурализовано», то есть приведено в соответствии с естественным правом. Но и стихии природы получают от общества предписания («повеления») и становятся в утопиях объектом регуляции. Так, например, Утоп отделил каналом от материка будущий остров Утопию.

Расхождение между природой и законом рефлексивируется в утопическом мышлении как различие сущего и должного. Это еще одна бинарная оппозиция утопом. Несомненно, она типична для юридического мировоззрения, которое фиксирует разницу между законом и действительностью живого права. Показательное название работы В. Вейтлинга «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть» [1] демонстрирует важность данной бинарной оппозиции для утопий.

Разрыв сущего и должного является отправным пунктом утопической деятельности. Данный разрыв преодолевается двумя путями — исправлением и воспитанием. Исправляются не только природа и общественный организм. По требованиям сенсимонистов, приводимым Э. Кабе, необходимо «честолобие каждого свести к тому, чтобы не отставать от лучших и исправлять худших» [3, с. 408]. В отношении воспитания В. Вейтлинг писал: «Цель воспитания заключается в том, чтобы направлять обмен способностями и страстями в соответствии с естественными законами природы, пустить их по тому необходимому естественному пути, который поведет человечество ко всеобщему счастью и гармонии, или, другими словами, равное распределение труда и потребления по одним и тем же законам и искоренение и лечение человеческих слабостей и болезней, которые препятствуют этому естественному направлению» [1, с. 242].

Утопемы воспитания и исправления ориентируют на бинарную оппозицию механицизма и органицизма: исправляют механизмы, а воспитывают (так и учил позже Т.Д. Лысенко) организмы. Утописты воспринимали мир и как механизм (машину), и как организм. Например, для Т. Дезами «природа — это абсолютный организм» [2, с. 422]. В то же время мир «можно принять за разумную машину, имеющую свои колеса, свои приводные ремни, свои блоки, свои пружины и свои веса [2, с. 423].

Морелли так описывал функционирование социальной машины: «Все размерено, все взвешено, все предусмотрено в чудесном автомате общества: его колеса, его противовесы, его пружины, его работа. Если видишь в нем противоположность сил, то это лишь колебание без толчков или равновесие без насилия, все в нем влекомо, все стремится к одной общей цели» [9, с. 78]. Неумелые машинисты, как полагал Морелли, разрушают детали механизма и выводят его из состояния равновесия [9, с. 88].

А между тем, как учил Т. Дезами, управляющее всеми вещами совершенное равновесие есть равенство [2, с. 80]. В связи с этим вспоминается юридическая метафора «весов правосудия». Утописты охотно признают разнообразие мира и природное неравенство. Но полагают возможным его учесть в социальном неравенстве или достичь социального равенства. Здесь важно понимать, что равенство утописты интерпретируют как равновесие и сбалансированность, ведущие к величайшей гармонии. Именно так понимаемые неравенство и равенство составляют еще одну бинарную оппозицию утопического мышления.

Практически важная необходимость поддержания различных балансов в экспериментальных утопических сообществах породила сложную проблему сочетания их закрытости и открытости по различным параметрам. Утопическое общество часто описывают как автаркичное, закрытое и изолированное.

Но все проекты идеальных обществ не исключают интенсивных внешних контактов. В научно-философском плане понятно, что абсолютно открытых или закрытых объектов не существует. Поэтому «открытость — закрытость» нам представляется еще одной бинарной оппозицией, маркирующей утопическое сознание.

Заключение

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что утопическое сознание действительно имеет типологическую определенность. Утопия — это не уникальное явление интеллектуальной истории Европы, а форма общественного сознания мировоззренческого уровня. Утопическая деятельность сопоставима с искусством, мифологией, наукой, религией по духовному потенциалу и структурной организации. В этом отношении она не сравнима с правовым сознанием, нравственным сознанием (моралью), эстетическим и экономическим сознанием, которые являются видами, а не формами общественного сознания. Поэтому утопии могут быть экономическими, нравственными, политическими и др.

Содержательно утопическое мышление маркируется использованием типичных для него бинарных оппозиций: «природа — законы», «естественное — искусственное», «равенство — неравенство», «открытое — закрытое». Генезис данных маркеров позволяет идентифицировать утопию как внешнюю рефлексию правовых отношений, моделирующую мир в категориях права. На этом основании утопия может быть интерпретирована как «юридическое мировоззрение».

Список литературы

1. Вейтлинг В. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. 584 с.
2. Дезами Т. Кодекс общности. Москва: Изд-во АН СССР, 1956. 546 с.
3. Кабе Э. Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман. Часть вторая и третья. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. 518 с.
4. Кирвель Ч.С. Утопия как форма освоения социальной реальности. Ленинград: ЛГУ, 1989. 117 с.
5. Кирвель Ч.С., Романов О.А. Социальная философия: учебное пособие. Минск: Высшая школа, 2011. 495 с.
6. Кравцов Н.А. Утопия в литературном творчестве Казановы. Утопические проекты в истории культуры // Сборник материалов всероссийской (с международным участием) междисциплинарной научной конференции: «Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию «Утопии» Т. Мора)». Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2017. С. 110–117.
7. Леонтьев Г.Д. Траектория утопического: от должного к сущему // Социодинамика. 2017. № 4. С. 126–136. DOI: 10.7256/2409-7144.2017.4.22751
8. Мор Т. Утопия. Москва: Наука, 1978. 415 с.
9. Морелли. Кодекс природы / пер. М.Е. Ландау. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1956. 304 с.
10. Оуэн Р. Избранные сочинения в 2-х томах. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР, 1950. 416 с.

11. Оуэн Р. Избранные сочинения в 2-х томах. Т. 2. Москва: Изд-во АН СССР, 1950. 355 с.
12. Поздьяева С.М., Фролова И.В. Социальная утопия: тип сознания, идеал и эксперимент. Уфа: Изд-е Башкирского ун-та, 1997. 150 с.
13. Тюгашев Е.А. Формы общественного сознания: опыт системной типологии // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2020. Т. 2, № 2. С. 137–149.
14. Шацкий Е. Утопия и традиция. Москва: Прогресс, 1990. 456 с.
15. Энгельс Ф., Каутский К. Юридический социализм. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. 2-е изд. Москва: Госполитиздат, 1957. С. 495–516.

References

1. Veitling V. *Garantii garmonii i svobody. Chelovechestvo, kak ono est' i kakim ono dolzhno bylo by byt'*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1962. 584 p. (In Russ.) (Weitling W. *Garantien der Harmonie und Freiheit*. 1842. (In German))
2. Dezami T. *Kodeks obshchnosti*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1956. 546 p. (In Russ.) (Dezamy T. *Code de la communauté*. Paris: Prévost, Rouannet, 1842. (In French))
3. Kabe Eh. *Puteshestvie v Ikariyu. Filosofskii i sotsial'nyi roman. Chast' vtoraya i tret'ya*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948. 518 p. (In Russ.)
4. Kirvel' ChS. *Utopiya kak forma osvoeniya sotsial'noi real'nosti*. Leningrad: LGU, 1989. 117 p. (In Russ.)
5. Kirvel' ChS, Romanov OA. *Sotsial'naya filosofiya: uchebnoe posobie*. Minsk: Vysshaya shkola, 2011. 495 p. (In Russ.)
6. Kravtsov NA. Utopiya v literaturnom tvorchestve Kazanovy. Utopicheskie proekty v istorii kul'tury. Proceedings of the All-Russian (with international participation) cross-disciplinary science conferences: «Utopicheskie proekty v istorii kul'tury (k 500-letiyu «Utopii» T. Mora)». Rostov-on-Don: Izd-vo Fond nauki i obrazovaniya, 2017. P. 110–117. (In Russ.)
7. Leontyev GD. Trajectory of the utopic: from obligatory to essential. Sociodynamics. 2017;(4):126–136. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-7144.2017.4.22751
8. Mor T. *Utopiya*. Moscow: Nauka. 1978. 415 p. (In Russ.) (More T. *Utopia*. More, 1516. 359 p.)
9. Morelli. *Kodeks prirody*. Translate by Landau ME. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956. 304 p. (In Russ.)
10. Ouehn R. *Izbrannye sochineniya v 2-kh tomakh*. Т. 1. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1950. 416 p. (In Russ.)
11. Ouehn R. *Izbrannye sochineniya v 2-kh tomakh*. Т. 2. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1950. 355 p. (In Russ.)
12. Pozdyaeva SM, Frolova IV. *Sotsial'naya utopiya: tip soznaniya, ideal i ehksperiment*. Ufa: Izd-e Bashkirskogo un-ta, 1997. 150 p. (In Russ.)
13. Tyugashev EA. Formy obshchestvennogo soznaniya: opyt sistemnoi tipologii. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2020;2(2):137–149. (In Russ.)
14. Shatskii E. *Utopiya i traditsiya*. Moscow: Progress, 1990. 456 p. (In Russ.)
15. Ehngel's F, Kautskii K. Yuridicheskii sotsializm. Marks K, Ehngel's F. *Sochineniya*. Т. 21. 2-е изд. Moscow: Gospolitizdat, 1957. P. 495–516. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгений Александрович Тюгашев — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Новосибирск, Россия. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

Information about the author

Evgeny A. Tyugashev — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

«БОРЬБА С КОСМОПОЛИТИЗМОМ» В ФИЛОСОФИИ: ГОРЬКОВСКИЙ СЛУЧАЙ

С.Н. Корсаков

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

Поступила в редакцию: 26.01.2023

В окончательном варианте: 22.02.2023

■ Для цитирования: Корсаков С.Н. «Борьба с космополитизмом» в философии: горьковский случай // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 21–40. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.3>

Аннотация. В статье на примере случившегося с нижегородским философом И.Б. Лиогоньким рассматриваются основные составляющие практики кампании по «борьбе с космополитизмом», проводившейся в послевоенном Советском Союзе по указанию Сталина. И.Б. Лиогонький — первый защитивший диссертацию кандидат философских наук в городе Горьком (Нижнем Новгороде). В 1949 г. он был уволен из Горьковского университета и подвергнут необоснованным преследованиям в рамках кампании по «борьбе с космополитизмом». В этом были заинтересованы коллеги И.Б. Лиогонького, которые заняли его место. Декларации кампании по «борьбе с космополитизмом» разошлись с реальной практикой кампании, которая приняла антисемитский характер. Опосредованным результатом этого стала эрозия коммунистической идеологии в Советском Союзе.

Ключевые слова: советская философия; космополитизм; философский факультет МГУ; Горьковский университет; И.Б. Лиогонький; И.П. Белоусов; В.И. Фомин.

“FIGHT AGAINST COSMOPOLITISM” IN PHILOSOPHY: GORKOVSKY CASE

S.N. Korsakov

Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russia

Original article submitted: 26.01.2023

Revision submitted: 22.02.2023

■ For citation: Korsakov S.N. “Fight Against Cosmopolitanism” in Philosophy: Gorkovsky Case. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):21–40. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.3>

Abstract. In the article, using the example of what happened to the Nizhny Novgorod philosopher I.B. Liogonkiy examines the main components of the practice of the campaign for the “fight against cosmopolitanism” carried out in the post-war Soviet Union at the direction of Stalin. I.B. Liogonkiy is the first candidate of philosophical sciences who defended his dissertation in the city of Gorky (Nizhny Novgorod). In 1949, he was fired from Gorky University and subjected to unjustified persecution as part of a campaign to “fight against cosmopolitanism”. The colleagues of I.B. Liogonkiy were interested in this, who took his place. The declarations of the campaign to “fight against cosmopolitanism” diverged from the actual practice of the campaign, which took on an anti-Semitic character. The indirect result of this was the erosion of communist ideology in the Soviet Union.

Keywords: Soviet Philosophy; cosmopolitanism; Faculty of Philosophy; Moscow State University; Gorky University; I.B. Liogonkiy; I.P. Belousov; V.I. Fomin.

Кампания по «борьбе с космополитизмом», развернувшаяся в конце сталинского правления, затронула и философию. Этот аспект событий тех лет уже рассматривался в литературе [1, 2, 29]. Нашел он отражение и в сборнике архивных документов по теме [31]. Понятно, что в этих публикациях в качестве объекта исследования взяты столичные сюжеты. Мы же обратимся к тому, как она отразилась на региональном уровне, в частности, в Горьковском университете. Подобная исследовательская оптика, во многом, позволяет вычлнить изучаемый процесс «в чистом виде». В отличие от столицы, где в дело примешиваются многие факторы, в регионе любое общественное явление выступает обнаженно, в своих основных типических чертах, персонажах и их мотивах. В свою очередь, такой «лабораторный» уровень анализа позволяет определить реальный смысл исследуемого общественного явления.

Оговорим также сразу, что мы закавычили название данной идеологической кампании, потому что в сталинской системе пропаганды термин «космополитизм», как и термин «троцкизм» применялись произвольно к различным лицам или событиям и выполняли функцию негативной оценки именно в силу неопределенности своего содержания. Поэтому не может иметь четкого определения и «борьба с космополитизмом»: деятельность персонажей, избранных объектами борьбы, могла вовсе не иметь отношения к космополитизму как к некоторому наднациональному, универсалистскому мировоззрению.

Советский период нашей истории отличается тем, что политические и идеологические события проносились как ураган, погребая под собой людей вне всякой прямой связи с намерениями и действиями этих людей. Так случилось и с горьковским философом Лиогоньким. В 1949 г. кандидат философских наук, доцент Горьковского университета Израиль Борисович Лиогонький был подвергнут проработке, ему были предъявлены идеологические обвинения в космополитизме, он был уволен и вскоре под влиянием случившегося с ним умер. Несправедливые обвинения способствовали тому, что со временем это имя затерялось в потоке истории. О фигуре И.Б. Лиогонького упоминал только А.А. Касьян в работах по истории советской философии [9, 10]. Между тем искания и творческие устремления философа не должны оказаться перечеркнутыми по причинам внешнего характера, и его имя в истории подлежит восстановлению. С другой стороны, анализ случившегося с И.Б. Лиогоньким наводит на выводы и размышления общего характера. В сборе документов и воспоминаний для настоящей статьи участвовали дети философа М.И. Лиогонький, Т.И. Лиогонькая и его внук Т.Б. Попов, за что я выражаю им глубокую благодарность.

Израиль Борисович Лиогонький родился 22 февраля 1905 г. в Минске. Отец — маляр, мать — булочница. По окончании начальной школы в марте 1917 г. поступил рабочим на частный кожевенный завод Гольдберга. С осени 1920 г. учился в профтехшколе кожевников. В августе 1921 г., не окончив школу, вернулся на кожевенный завод № 1. В июле 1924 г. переехал в г. Богородск, где поступил на кожевенный завод им. Калинина. В январе 1925 г. по комсомольской мобилизации направлен на работу секретарем сельской комсомольской ячейки, затем инструктором волостного политпросвета, с 1926 г. зав. отделом агитации и пропаганды Богородского уездного комитета комсомола, в 1927 г. инструктором Павловского уездного комитета ВЛКСМ. В сентябре

1927 г. был командирован на учебу в Нижегородскую губернскую совпартшколу II ступени. По окончании совпартшколы работал помощником зав. орготделом Нижегородского крайкома ВКП(б), а с сентября 1929 г. инструктором Нижегородского краевого промкредитсоюза (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 99. № 0321625 (1936)). В августе 1930 г. был командирован на учебу в Нижегородский филиал Института красной профессуры подготовки кадров, позже переименованный в Нижегородский Институт марксизма-ленинизма. Во время учебы в 1930–1932 гг. работал преподавателем кафедры философии Горьковского пединститута, в 1932–1935 гг. доцент кафедры философии Горьковского института инженеров водного транспорта (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 30–31 об.). По окончании ИМЛ с 1935 г. работал директором райкомвуза в г. Балахна, а с 1936 г. директором Всесоюзных курсов руководящих банковских работников в Горьком. С 1937 г. И.Б. Лиогонький преподавал философию в Горьковском строительном техникуме, а с 1940 г. — в Горьковском инженерно-строительном институте (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. Р-3. Оп. 340. Д. 21.15; Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 3–3 об.). В июне 1941 г. добровольно пошел в военкомат, но его не взяли в армию: в детстве он перенес менингит и в результате осложнения левым глазом не видел [14, с. 128]. В августе 1941 г. его назначили комиссаром оборонных работ по защите г. Горького от налетов немецкой авиации, присвоили звание старшего политрука. Сын философа Б.И. Лиогонький вспоминал: «Отца я увидел лишь через три месяца изможденным, обросшим. В течение нескольких лет войны он был комиссаром городского отряда обороны. Читал лекции в военных училищах и других оборонных организациях [14, с. 130]. В 1942 г. И.Б. Лиогонький был награжден грамотой за стахановскую работу. В 1946 г. был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1941 гг.» (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 27 об.).

В феврале 1942 г. И.Б. Лиогонький перешел на работу старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма Горьковского университета и был избран секретарем парторганизации университета, а затем в течение долгого времени был первым заместителем секретаря партбюро (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 6). По совместительству преподавал также в Горьковском пединституте [12, с. 52].

И.Б. Лиогонький был жизнерадостным, открытым и дружелюбным человеком, прекрасно играл в волейбол, в преферанс, занимался моржеванием. Он всегда оказывался в центре внимания, к нему тянулись люди [14, с. 128–129]. К нему домой нередко приходили коллеги-преподаватели и ректор университета А.Н. Мельниченко. В свое свободное время они обсуждали научные проблемы, и И.Б. Лиогонький проявлял в этих беседах эрудицию в области социальных и естественных наук [14, с. 131]. Коллегам было с ним интересно. И.Б. Лиогонький был в большой дружбе с заведующим Горьковским областным отделом народного образования, а потом секретарем обкома партии М.И. Родионовым, репрессированным в 1949 г. по «ленинградскому делу». Соседом И.Б. Лиогонького одно время был дядя писателя Льва Кассиля, и когда писатель как-то посетил своего родственника вместе с полярником Эрнстом Кренкем,

они позвали И.Б. Лиогонького в гости, а его сыну Борису Кассиль подарил свои книги «Кондуит и Швамбрания» и «Вратарь республики» [14, с. 129].

И.Б. Лиогонький всегда тщательно готовился к лекциям, конспектируя в толстые тетради первоисточники Гегеля, Фейербаха, Энгельса. Старший его сын вспоминал о военных годах: «Я понял уже тогда, что мой отец является очень целеустремленным человеком. Поздней ночью, иногда просыпаясь, я видел отца сидящим за письменным столом. Тогда я не догадывался, что он делает. Однако потом он мне рассказал, что он пишет философский труд на тему «К вопросу о роли субъективного фактора в войне». В доме все наши книжные шкафы были заставлены философской литературой. Папа брал в библиотеке книги философов — крупнейших теоретиков войны» [14, с. 130]. К 1946 г. диссертация была написана.

7 мая 1948 г. И.Б. Лиогонький защитил на философском факультете МГУ кандидатскую диссертацию «К вопросу о роли субъективного фактора в войне». 1 июля 1948 г. он был утвержден в ученой степени Ученым советом МГУ (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 28).

В диссертации И.Б. Лиогонького приверженность положениям марксизма-ленинизма сочеталась с самостоятельностью мышления. И.Б. Лиогонький проводил в диссертации мысль о том, что победа в войне зависит в конечном счете не только и не столько от армии, сколько главным образом, от того, какую роль в войне играет сам народ — подлинный субъективный фактор в войне [19, с. 3]. Он берет известное сталинское положение о постоянно действующих факторах войны и делает вывод, что среди них первенствующее значение имеет субъективный фактор [19, с. 39].

И.Б. Лиогонький критикует в диссертации немецкие концепции войны (Г. Гегель, К. Клаузевиц, Г. Дельбрюк). Гегель преувеличивал значение объективных факторов в войне, по отношению к которым историческая личность выступала лишь функцией. Клаузевиц недооценивал значение духа народа в войне. Дельбрюк фетишизировал субъективный фактор в войне в лице выдающихся полководцев, а потому их поражения объяснял случайными причинами. Далее диссертант подробно разбирал военно-исторические сочинения Энгельса и Меринга.

Согласно И.Б. Лиогонькому, марксизм-ленинизм преодолевает крайности субъективизма (абсолютизация роли гениальных личностей) и объективизма (войны как проявления движения в истории надындивидуального духа человечества и народов) в объяснении хода и исхода войн. Любая война может быть правильно понята в строгом соответствии с тем историческим этапом, на котором она становится возможной, с тем социально-политическим строем, который ее породил, с той политической целью, ради которой определенный класс ведет войну [19, с. 125]. Война — форма борьбы за осуществление классовых интересов независимо от того, осознают ее их участники или нет, а успешность в борьбе определяется степенью осознания этих интересов, то есть уровнем развития субъективного фактора в лице народных масс и выдающихся личностей. Политические цели, которые выдвигают лидеры, являются фактором, способствующим или препятствующим победе, ибо в прямой зависимости от этого находится отношение народных масс к войне и, соответственно,

сила субъективного фактора [19, с. 131]. Сознательная борьба за свои прогрессивные интересы реализует историческую необходимость даже в случае, если непосредственные цели не были достигнуты (восстание Спартака).

Философское изучение войн — это выявление диалектики свободы и необходимости, цели и средств, возможности и действительности, масс и личностей. Возможность превращается в действительность в результате борьбы. В Великой Отечественной войне, писал И.Б. Лиогонький в своей диссертации, имелась возможность отразить фашистскую агрессию, но реализация этой возможности требовала особых условий, среди которых решающая роль принадлежит субъективному фактору — массам и личностям. Выдвижение в истории гениального полководца — новатора военного искусства — обусловлено потребностями исторической эпохи. Но отсутствие в решающий период истории нужного великого человека может вызвать либо отсрочку решения назревшей в обществе задачи, либо ее половинчатое решение [19, с. 85].

И.Б. Лиогонький считал, что на вопрос, поставленный в диссертации, ответить верно можно прежде всего на основе разумного учета самой истории войн [19, с. 37]. Наполеоновские войны были успешны благодаря сочетанию объективных факторов — появления в результате Великой французской революции новых социальных условий буржуазного развития, открывших путь к созданию массовых национальных армий, — и субъективного фактора — личности Наполеона, который осознал свое историческое значение в качестве выразителя интересов нового господствующего класса и радикально перестроил стратегию, тактику и организацию армии в соответствии с новыми условиями.

И.Б. Лиогонький анализирует высказывания Толстого об Отечественной войне 1812 г. и, критикуя нигилизм Толстого в отношении роли Наполеона в создании новой системы военного искусства, расценивает как гениальную формулу Толстого: дух войска есть множитель на массу, дающий произведение силы [19, с. 130]. В народной войне, когда сам народ решает свою судьбу с оружием в руках, роль субъективного фактора, полагал И.Б. Лиогонький, возрастает, так как от него зависит степень осознания целей и решимость в их достижении. В Отечественной войне 1812 г. полководческая гениальность Кутузова и источник достигнутых под его командованием успехов — в его опоре на силу морально-политического подъема народа. Кутузов осознал, развернул и использовал мощь этой силы. Этим объясняется полководческая смелость Кутузова, проявленная им при принятии стратегических решений.

В Гражданской войне в России 1918–1921 гг. нельзя сказать, писал И.Б. Лиогонький, что у белых генералов не было возможностей для победы. Но они в силу ограниченности своего классового интереса не сумели решить ни одного коренного социально-экономического вопроса. Ориентация на помощь со стороны различных иностранных держав обесмысливала выдвинутый белыми лозунг «единой и неделимой России» и не могла обеспечить белым ни единства действий, ни своевременного определения направления главного удара. Напротив, у красных руководство единой партии в условиях Советской власти явилось необходимым и решающим фактором сплочения и единства классовых и общенародных интересов.

Во Второй мировой войне действия фашистских государств выражали интересы наиболее реакционных сил империализма, находившиеся в противоречии

с интересами народов. Выдвижение в качестве цели победы «расы господ» привело к применению бесчеловечных средств и не могло обеспечить агрессорам единства действий субъективного фактора. Коренный интерес народов в такой войне — национальная независимость и демократия. Советский Союз как социалистическое государство осознал этот интерес и стал лидером в освобождении человечества от фашизма. Англия и США также боролись за эти цели, но, поскольку внутри этих стран имелись противоположные классовые интересы, они не могли достичь советского уровня морально-политического единства в борьбе с фашизмом. Сила субъективного фактора победы в Великой Отечественной войне была обусловлена руководящей ролью Коммунистической партии и ее вождя Сталина — делал вывод диссертант.

В июне 1947 г. И.Б. Лиогонький ездил от Горьковского университета на знаменитую Всесоюзную дискуссию по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», которая проходила в Москве в здании ЦК ВКП(б) и на которой выступал А.А. Жданов. По возвращении в Горький И.Б. Лиогонький выступил с рассказом о философской дискуссии на партийном собрании в ГГУ [9, с. 32] и других университетских заседаниях [9, с. 33–34]. 4 сентября 1948 г. И.Б. Лиогонький вслед за ректором ГГУ выступил на траурном митинге в связи со смертью А.А. Жданова и поделился воспоминаниями о своих встречах с покойным во времена, когда А.А. Жданов возглавлял Нижегородский крайком ВКП(б) [32]. В январе 1948 г. И.Б. Лиогонький сделал сообщение на кафедре марксизма-ленинизма об увязке учебного процесса с итогами философской дискуссии [9, с. 34]. В своем сообщении он рекомендовал проводить изучение философского материала так, чтобы изложение марксистской философии было научным — основанным на фундаменте современных достижений; изложение марксистской философии должно быть не схоластичным, а творчески-действенным, непосредственно связанным с задачами современности, должно подводить слушателей к их уяснению и намечать перспективы дальнейшего развития; существенным требованием при этом должно быть решительное разоблачение современной реакционной идеалистической и вульгарно-материалистической теорий [10, с. 79]. 16 сентября 1948 г. И.Б. Лиогонький выступил на совместном заседании кафедры марксизма-ленинизма и кафедры русской литературы с рассказом о философской дискуссии 1947 г. [3].

После защиты диссертации решением Министерства высшего образования СССР от 19 февраля 1949 г. И.Б. Лиогонькому было присвоено ученое звание доцента (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 23). В характеристике, составленной на И.Б. Лиогонького после утверждения в должности доцента и подписанной ректором и секретарем партбюро университета, говорилось: «Опытный и авторитетный преподаватель. Принимает широкое участие в идейно-политическом воспитании студентов. Активно участвует в общественно-политической работе университета, является заместителем секретаря партбюро университета. Используется в качестве лектора на философские темы. Идеологически устойчив, дисциплинирован» (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 32).

И.Б. Лиогонького можно назвать своего рода политической «звездой» Горьковского университета первых послевоенных лет. Как первый заместитель

секретаря партбюро он отвечал за агитационно-пропагандистскую работу и систему политического просвещения в университете. Все важные общественно-политические мероприятия (лекции, беседы, консультации) в университете происходили при его организаторском участии. Он регулярно выступал с лекциями на политические и философские темы перед преподавателями и студентами. Партбюро утвердило его старшим консультантом по вопросам партийной учебы и политического просвещения в университете [26]. Вторым консультантом, напарником, помогавшим И.Б. Лиогонькому, был преподаватель А.И. Песикин. И.Б. Лиогонький организовывал постоянно действующие философские семинары — как общеуниверситетские, так и по факультетам — которые посещали по несколько десятков преподавателей, и где он сам нередко выступал докладчиком и принимал участие в обсуждении докладов [21]. В феврале 1948 г. И.Б. Лиогонький выступил с докладом «“Манифест Коммунистической партии” и материалистическое понимание истории» на состоявшейся в университете юбилейной сессии к столетию этой книги Маркса и Энгельса [33].

И.Б. Лиогонький организовал в университете циклы публичных научно-популярных лекций по философии для преподавателей, сотрудников, аспирантов, студентов и всех желающих. Лекции читались в течение 1948/1949 учебного года. И.Б. Лиогонький открыл этот публичный курс 9 октября 1948 г. лекцией «Возникновение философии по произведению “Манифест Коммунистической партии”», на которой присутствовало свыше 60 человек [13]. В декабре 1948 г. И.Б. Лиогонький выступал на совместном заседании кафедр марксизма-ленинизма и политической экономии при обсуждении вопроса о методике проведения семинарских занятий по общественным наукам [7]. В апреле 1949 г. проводил консультацию со студентами-дипломниками по книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» [6].

Во время летних каникул 1949 г. И.Б. Лиогонький во время отпуска прочитал по линии Общества «Знание» одиннадцать лекций по философии в районах области: «Марксизм-ленинизм и религия», «О коммунистической морали» и др. [30]. После каникул И.Б. Лиогонький возобновил цикл лекций по философии для всех желающих в стенах ГГУ [22]. 3 октября 1949 г. он прочитал в актовом зале Университета начальную лекцию цикла «Исторический материализм как наука», а А.И. Песикин — лекцию «Марксизм и национальный вопрос» [25]. В зале было 120 слушателей, которым были розданы примерная тематика лекционного курса и списки литературы [20].

И.Б. Лиогонький писал в автобиографии, что «за время пребывания в партии никаких колебаний не имел и ни к каким оппозициям никогда не примыкал» (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 31–31 об.). Эта запись вполне правдива, хотя, трудно сказать, как он воспринимал события 30-х годов (он, например, высоко отзывался о руководителе кафедры философии Института марксизма-ленинизма, где он учился, хотя этот зав. кафедрой был репрессирован). Факт назначения И.Б. Лиогонького секретарем партийной организации университета достаточно весомое подтверждение этой приверженности. Еще одним свидетельством того, что его деятельность всегда была согласована с линией партии, является его участие в обсуждении деятельности крупнейшего ученого генетика С.С. Четверикова, которое произошло в ГГУ непосредственно сразу

после завершения Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Не имея специальных познаний в области биологии и уж тем более генетики, но, опираясь на решение сессии ВАСХНИЛ и компетентность сотрудников биологического факультета во главе с ректором ГГУ биологом А.Н. Мельниченко, И.Б. Лиогонький не только голосовал «за», но и, как член парткома, выступал с осуждением С.С. Четверикова на расширенном заседании Ученого совета ГГУ, пропагандировал решения Августовской сессии ВАСХНИЛ на страницах университетской газеты [18]. Ректор предложил С.С. Четверикову отказаться от своих взглядов и в обмен на это быть уволенным с формулировкой «по состоянию здоровья». Но С.С. Четвериков отказался, и поэтому было проведено публичное осуждение. Считается, что само это осуждение было предпринято ректором «на упреждение», чтобы меньше пострадали и сам С.С. Четвериков, и ректорат.

И.Б. Лиогонький регулярно публиковал установочные передовые статьи по идеологическим вопросам в университетской газете «За Сталинскую науку» [15–18]. Более того, передовые статьи И.Б. Лиогонького в университетской газете вполне укладывались в стандарты кампании по «борьбе с космополитизмом». В них он подверг критике профессора Я.Л. Шапиро и доцента И.И. Гордона за то, что те остаются в стороне от общественно-политической жизни университета [17], а профессора Г.С. Горелика — за «физический идеализм» [16]. В январе 1949 г. на отчетно-выборном собрании парторганизации университета И.Б. Лиогонький был вновь избран первым заместителем секретаря партбюро Н.Н. Миронова. Вторым заместителем был избран А.И. Песикин [27].

В жизни И.Б. Лиогонького все шло по нарастающей. Защищена диссертация. Присвоено ученое звание. Он пользуется уважением в коллективе. В семье растут пятеро детей. 27 ноября 1949 г. на отчетно-выборном собрании партийной организации университета он переизбирается первым заместителем секретаря партбюро [24]. Поэтому так тяжело И.Б. Лиогонький воспринял неожиданно разразившуюся катастрофу. Вот протокол заседания партбюро ГГУ в конце ноября 1949 г.:

«Слушали. Об ошибке доцента Лиогонького, допущенной им в лекции 23 сентября 1949 года по теме «Всеобщая связь и обусловленность явлений в природе и обществе», прочитанной студентам 4-го курса химфака (доклады-вает зав. кафедрой философии т. Фомин.)

т. Фомин: Суть дела состоит в следующем: т. Лиогонький в лекции о всеобщей связи и обусловленности явлений в природе и в обществе, прочитанной студентам 4-го курса химфака, разбирая вопрос о диалектике необходимости и случайности, привел пример о В.И. Ленине. Он сказал, что рождение Ленина в России — случайное явление, но это рождение оказало свое воздействие на весь ход исторических событий: «Рождение Ленина в России случайно, но рождение Ленина оказало свое воздействие на весь последующий ход исторических событий» (конспект студентки Змечинской); «Случайно Ленин родился у нас, но дальнейшая его жизнь привела к новому развитию общества. Случайность приводит к необходимости» (конспект студента Туманова). Он далее пустился в неуместные, неуместные и совсем ненужные разговоры и криво-толчки о том, случайно или не случайно родился Ленин в России. В чем причина подобных минусов в работе Лиогонького? Я хорошо знаю его как лектора, мне немало приходилось бывать у него на лекциях, я читал стенограммы его

лекций и знаю о его лекциях не только у нас в ГГУ, но и в других местах. Мне известны также многочисленные отзывы о его работе. Я должен со всей серьезностью заявить о том, что мне и не приходилось встречаться с такими ошибками, как те, которые мы обсуждаем. Лиогонький мог бы значительно лучше читать лекции, чем он их читает. В его лекциях много пафоса, эмоций, шума, но теоретическая глубина и форма его лекций очень часто обладает большими недостатками. Объясняется это тем, что он читает невероятно много лекций.

Вопрос: Признал ли свою ошибку Лиогонький на заседании кафедры и согласился ли с решением кафедры по этому вопросу?

Ответ: С решением кафедры согласился за исключением формулировки «Признать политически вредной».

т. Лиогонький: С решением кафедры по этому вопросу согласен в той части, что мною допущена теоретическая ошибка, но не считаю свое выступление политически вредным, а считаю, что оно принесло пользу.

т. Рыбаков (проректор ГГУ): т. Лиогонький неправильно оценивает допущенную им ошибку в лекции, что он не только не допустил политическую ошибку, но будто его пояснение вопроса принесло студентам пользу. Бестактные по отношению к В.И. Ленину разговоры о том, если бы Ленин был убит и т. д. Я процитирую вам записи студентов (читает). Вы видите, какая тут написана чепуха. Проверкой установлено, это не единственная запись. Почти у всех записано так, слова различны, а суть одна. Все это выяснилось на семинаре у преподавателя Белоусова. Белоусов правильно указал т. Лиогонькому на допущенную ошибку, и я считаю, он правильно разъяснил этот вопрос на семинаре. Но т. Лиогонький вместо того, чтобы принять меры и исправлять ошибки, стал обвинять Белоусова и сваливать вину с больной головы на здоровую. Я считаю, что здесь Лиогонький допустил грубую теоретическую и политическую ошибку. Ошибка не в том, что он привел пример с Лениным, а в том, что он сделал это небрежно, безграмотно и безответственно, в том, что все это породило среди студентов.

В последнее время имеются факты, когда враги народа, пробравшиеся на социально-экономические кафедры, в отдельных случаях пытаются приуменьшить роль Ленина и Сталина, пытаясь изобразить их как явления случайные в истории нашей страны, нашей партии. В этом же плане существо ошибки т. Лиогонького. Товарищ Лиогонький пытается обвинить Белоусова в том, что благодаря ему стал обсуждаться вопрос о его лекции.

Как обстояло дело? Я посетил лекцию т. Белоусова на химическом факультете. После лекции Белоусов заявил мне, что у него имеются разногласия с Лиогоньким по вопросу об оценке роли великих личностей в истории, в частности по вопросу о случайности или не случайности появления Ленина в России, что этот вопрос Лиогонький в лекции на химическом факультете объяснил неправильно.

Я сказал Белоусову, что вопрос о лекции Лиогонького необходимо обсудить на кафедре философии. Затем мною об этом было дано указание заведующему кафедрой философии т. Фомину. Обсуждение этого вопроса на заседании кафедры, следовательно, было сделано по указанию учебной части. Т. Белоусову постановку этого вопроса следует поставить не в вину, а в заслугу. Белоусов — беспартийный преподаватель, политически правильно поставил этот вопрос.

т. Фомин: Нужно считать, что объяснение в лекции на химфаке Лиогоньким вопроса о якобы случайном рождении Ленина в России является теоретически ошибочным и политически вредным.

т. Николаев: В изложении т. Лиогонького получилась путаница, которая привела к сомнительным и, следовательно, политически вредным разговорам вокруг имени Ленина.

т. Мельниченко: Я считаю, что т. Рыбаков дал совершенно правильную оценку всем этим ошибочным и политически вредным рассуждениям Лиогонького о гениальном основателе нашей партии и Советского государства.

Принять: решение зав. кафедрой Фомина о том, чтобы максимально разгрузить т. Лиогонького от его работы в других местах и тщательно готовиться к лекциям.

Постановили: Рекомендовать партийному собранию вывести т. Лиогонького из состава партбюро ГГУ (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. Р-275. Оп.1Б. Д. 24(291)-25(208). Л. 158-160).

И.Б. Лиогонький длительное время был единственным преподавателем философии на кафедре марксизма-ленинизма Горьковского университета, а затем — единственным преподавателем философии, получившим ученую степень [9, с. 19]. В августе 1949 г. на кафедре появился еще один кандидат философских наук, беспартийный на тот момент И.П. Белоусов. До Горького И.П. Белоусов работал в пединституте в Новозыбкове, где поместил в районной газете статью о «русской классической философии» [5], затем в Петрозаводске. Он почти сразу включился в кампанию пропаганды и изучения истории русской философии, которую начал и проводил в те годы в Москве М.Т. Иовчук.

По аналогии с немецкой классической философией М.Т. Иовчук пользовался термином «русская классическая философия». Также М.Т. Иовчук выдвинул положение о двух источниках ленинизма. Наряду с западным источником — марксизмом, вторым источником ленинизма М.Т. Иовчук провозгласил воззрения русских революционных демократов. Позже это положение М.Т. Иовчука было расценено в ЦК ВКП(б) как отступление от ленинизма, так как потенциально допускало возможность его трактовки как одной из национальных моделей социалистической идеологии, а не учения, имеющего всемирно-историческое значение. Патриотам от философии пришлось поэтому отказаться и от термина «русская классическая философия». Но на тот момент в разгар кампании по «борьбе с космополитизмом» было иначе.

В августе 1949 г. из кафедры марксизма-ленинизма выделилась самостоятельная философская кафедра — кафедра диалектического и исторического материализма (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 304935). Заведовать ей был назначен переведенный из Горьковского пединститута В.И. Фомин, который за несколько месяцев до этого защитил кандидатскую диссертацию [23, с. 34]. Выразительную характеристику В.И. Фомина давал в своих воспоминаниях В.П. Киселев: «В.И. Фомин почти ничего не писал, не публиковал, а лектор был превосходный, остроумный и веселый человек. Не потому Фомин не написал докторскую, что был ленив, а потому что боялся: время было такое, боялся доносов. Мне запомнились два его кредо, которые характеризуют отнюдь не только его одного, скорее, это было типичное умонастроение. Не думайте, говорил он нам, что мы тут

в Горьком можем развивать философию, сказать в ней что-то новое, свое. Развитием марксистской науки занимаются там, в Москве, в ЦК или около него, скажем, в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Мы только пропагандисты, потребители и распространители идей, поступающих оттуда, сверху. Имелся в виду, прежде всего, если не исключительно, И.В. Сталин, пока он был жив. В.И. Фомин и многие вместе с ним искренне считали, что у нас нет права на новое слово в философии. Всякая наша попытка сказать новое слово в философии вылилась бы в так называемую отсебятину, а она считалась грехом или даже партийным проступком. Ведь преподаватель Лиогонький уволен был из Горьковского университета всего лишь за то, что в своей лекции, объясняя тему “необходимость и случайность”, соизволил самого Ленина как конкретную личность квалифицировать как нечто случайное по отношению к необходимому историческому процессу в России. И хотя Лиогонький в данном случае рассуждал вполне научно, его жестоко наказали: ведь никто сверху появление Ленина на исторической арене не называл “случайностью”, ни в одном учебнике этого не было. Второе кредо В.И. Фомина, связанное с первым, относилось к пониманию нашей учебной и пропагандистской работы. Среди нас, особенно молодых, начинающих, многим казалось, что они открыли в философии что-то свое, новое, и спешили внедрить это в ткань своих лекций, так или иначе обнародовать. В.И. Фомин же ограничивался в преподавании изложением мыслей классиков философии» [11, с. 258–259].

В научном и педагогическом отношении И.Б. Лиогонький превосходил двух других преподавателей философской кафедры ГГУ. Тем более опасным он был конкурентом в силу искренней приверженности государственной идеологии и своих организационных позиций первого заместителя секретаря партбюро. Конкурент был устранен с «волчьим билетом».

В произошедшем с И.Б. Лиогоньким, действительно, случайность стала «формой проявления и дополнения необходимости». Практика проводить проработки преподавателей по конспектам студентов — обычная практика сталинского времени. В таком случае важно заранее быть уверенным, что компромат в студенческих записях будет обнаружен. Старший сын И.Б. Лиогонького вспоминал, что в самой лекции отца такого иллюстративного примера с Лениным не было, но лектор был спровоцирован и втянут в обсуждение вопроса о случайности рождения Ленина и Сталина в России с помощью провокационного вопроса из зала [14, с. 131]. И.Б. Лиогонький как подлинный философ увлекся размышлением о диалектике случайности и необходимости, в соответствии с которой прогрессивная тенденция пробивает себе путь в тех или иных конкретно-исторических формах (отдельные события и люди), а сами эти формы, в свою очередь, определяют характер осуществления тенденции. Вполне объяснимо, почему именно это его высказывание вызвало реакцию И.П. Белоусова и тех, кого он представлял. Для патриотического лагеря в советской философии подобные рассуждения представляли угрозу, входили в прямое противоречие с тезисом о неизбежности появления ленинизма в России из русской классической философии, т. к. показали бы искусственность и надуманность тезиса, от которого позже отказались сами его пропагандисты. Тем более что выступил с этими рассуждениями еврей. Высказыванию И.Б. Лиогонького был придан нигилистический смысл, которого он в него

не вкладывал. Само обсуждение высказывания И.Б. Лиогонького в этом ключе выглядит нелепо. Кажется непонятным, как можно все это всерьез обсуждать. С учетом ортодоксального прошлого и настоящего И.Б. Лиогонького никаких других причин для осуждения, кроме его национальности, не существовало.

Не было бы этого высказывания, исказили бы другое. Вполне вероятно, что разбирательство в отношении И.Б. Лиогонького не просто совпадает, но, по существу, связано с организационными преобразованиями по созданию в ГГУ специализированной философской кафедры. Проблема И.Б. Лиогонького была в его политической правоте и научной успешности. «Роль субъективного фактора» в истории с И.Б. Лиогоньким в том, что он мог попасть под антисемитскую кампанию, но мог и не попасть и просуществовать дальше сравнительно благополучно, как то было с рядом советских философов-евреев в это время и в Москве и в провинции. Это уже зависело от конкретной ситуации и отношения окружающих начальников и коллег. Надуманный характер обвинений, предъявленных И.Б. Лиогонькому (в которые не верили и те, кто их выдвигал), выражал антисемитскую направленность, которую приняла кампания «по борьбе с космополитизмом», и вместе с тем выход этой кампании, да и самих коммунистических партийных структур, которые ее вели, за рамки собственно коммунистической идеологии.

Кампания по «борьбе с космополитизмом», как она провозглашалась официально в выступлениях А.А. Жданова, не заявлялась как антисемитская, так как это вошло бы в противоречие с теорией марксизма-ленинизма в национальном вопросе. Но фактически, в силу антисемитизма И.В. Сталина и личной заинтересованности значительного числа руководителей и сотрудников в системе идеологии, пропаганды, науки и культуры, проводилась как антисемитская. В каждом конкретном случае находилось заинтересованное лицо, которое обеспечивало свои карьерные устремления, пользуясь расхождением между официальной целью и реальной направленностью кампании, и находились руководители, которые видели свою безопасность и успешность в том, чтобы реализовывать такую направленность. Официально декларируемая цель кампании — перевоспитание советской интеллигенции для избавления ее от такой архетипической черты, как принижение своего и ориентация на зарубежное. Сама постановка вопроса о «перевоспитании воспитателей» не противоречила социалистической модели общества, которое не развивается стихийно, а строится сознательно. Потому в нем допустимы организованные действия по формированию общественных настроений в заданном направлении.

В действительности организаторы и участники кампании не занимались перевоспитанием ни еврейской, ни русской части советской интеллигенции. В отношении еврейской части советской интеллигенции имело место простое вытеснение с занимаемых должностей вне связи с позициями, действиями и высказываниями изгоняемых. Реальной целью было занять освободившиеся места. Поэтому и нужен был тезис о том, что государственная идеология ленинизма — это русская национальная идеология. Тогда русские по национальности приобретали прерогативу выступать от ее имени. На деле вместо перевоспитания советской интеллигенции, русской ее части выдавалась индульгенция об идеологической правоте точно так же вне связи с реальными позициями, действиями и высказываниями ее представителей, степени их приверженности коммунистической идеологии, а у большинства еврейской

интеллигенции сформировался мировоззренческий перелом, в результате которого оно стало воспринимать Советское государство не в рамках приверженности коммунистической идеологии, а в дискурсе «тоталитарной машины».

Во всей этой ситуации показательное поведение И.Б. Лиогонького. Было известно, что тот, кто хочет максимально обезопасить себя в условиях идеологической или политической кампании, должен только каяться, если ему предъявлены обвинения, но не оправдываться и тем более не пытаться отстоять свою позицию по существу. И.Б. Лиогонький поступил именно так. Он мыслил ситуацию в категориях ученого: считал, что своим примером на лекции лучше помогал студентам усвоить материалистическую диалектику. Поэтому предъявленное идеологическое обвинение не укладывалось у него в голове, воспринималось несвязанным с реальным содержанием его лекции. Ситуация архетипическая для философии: Сократ, как известно, в ответ на вопрос о возможной мере наказания за его поучения молодежи сказал, что за сделанное им общество должно не наказывать его, а выразить ему признательность. Подобный вызов обвинителям и общественности — отказ «разоружиться» по терминологии того времени — означал «вторичное впадение в ересь» и подлежал уже суду «светской власти».

«Материал Заседания бюро Горьковского областного комитета ВКП(б). 15 декабря 1949 г.

Слушали: о т. Лиогоньком (т.т. Рюриков, Лиогонький, Морозов, Зимин, Мельниченко, Фомин, Рыбаков, Песикин, Киреев).

т. Киреев: Бюро Обкома ВКП(б) отмечает, что доцент ГГУ т. Лиогонький в ходе чтения лекции по диалектическому материализму совершил грубую политическую ошибку, заявив, что рождение Ленина было в России случайным и, кроме того, допустил невежественные и вредные рассуждения вокруг Ленина. Несмотря на критику со стороны партбюро не признал свою ошибку и не дал ей правильную оценку.

Кафедра философии и партбюро ГГУ не вскрыли вовремя грубую ошибку Лиогонького и приняли половинчатое решение, не дав указанной ошибке должной политической характеристики и не сделав необходимых выводов из установленных фактов.

Ректорат ГГУ (т. Мельниченко) не обеспечил контроль за идейным содержанием лекций, благодаря чему в течение длительного времени вредные измышления Лиогонького не были опровергнуты студентам.

Отметив, что партбюро и кафедра философии ГГУ проявили либерализм в решении вопроса об ошибке Лиогонького, предупредить зав. каф. философии Фомина, что он несет ответственность за недостаточно принципиальное решение кафедрой вопроса о Лиогоньком.

Предложить партбюро ГГУ провести собрание преподавателей общественных наук университета с обсуждением вопроса о повышении идейного качества преподавания общественных наук.

Надо решить вопрос о партийности т. Лиогонького.

Я думаю, не стоит говорить о существовании вопроса, оно ясно. Надо ли оставлять Лиогонького в партии? Товарищи проектируют объявить ему строгий выговор с предупреждением с занесением в учетную карточку. Я считаю это — как минимум, ибо он заслуживает исключения из партии. Нет других предложений?

С мест: Нет.

Песикин: Лиогонький на лекции допустил грубейшую политическую ошибку. Лиогонький и раньше допускал политические ошибки в лекциях. Лиогонький имел строгий выговор от областного комитета ВКП(б) в 1935 году.

Принимается: В результате тщательного обсуждения вопроса бюро обкома ВКП(б) на заседании 15 декабря 1949 года приняло следующее решение.

Лиогонькому объявить строгий выговор в личное дело. Отстранить Лиогонького от чтения лекций по курсу «Диалектический и исторический материализм». Полностью запретить т. Лиогонькому чтение лекций в других учреждениях.

Ректору Мельниченко предложить усилить контроль за идейно-теоретическим содержанием лекций.

Надо немедленно отстранить т. Лиогонького от преподавания в ГГУ, в областной партийной школе, запретить Лиогонькому выступать где бы то ни было с лекциями.

Надо указать Мельниченко на слабый контроль с его стороны за качеством преподавания общественных наук и отметить, что партбюро и кафедра философии ГГУ либерально подошла к этому вопросу. Предупредить лично т. Фомина об ответственности за то, что этот факт не был своевременно вскрыт и не сделал должной оценки.

Надо провести собрание преподавателей кафедр общественных наук, на котором обсудить эти ошибки и принять необходимые меры, чтобы предупредить других» (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. Оп. 1. Д. 7035. Л. 123–124; Ф. 3. Оп. 1. Д. 7036. Л. 82–83).

Поясним: Киреев — первый секретарь обкома партии. Морозов и Зимин — член и кандидат в члены бюро обкома. Рюриков — известный функционер в сфере литературы и культуры, работавший тогда в Горьком.

Песикин на тот момент не только секретарь партбюро ГГУ, но и консультант по вопросам партийного просвещения парторганизации химфака ГГУ. То есть именно от его, так сказать, экспертного заключения зависела квалификация высказывания И.Б. Лиогонького на лекции студентам-химикам. В экспертном выступлении А.И. Песикина приведено еще одно компрометирующее И.Б. Лиогонького обвинение — о принадлежности в 1935 г. к троцкистско-зиновьевскому блоку. Оно прозвучало и на партийном собрании в Университете. Но в партийных документах И.Б. Лиогонького упоминание о таком факте отсутствует. О том же свидетельствовал и старший сын И.Б. Лиогонького Б.И. Лиогонький в своих воспоминаниях: «На партийном собрании в Университете выступавшие пытались приписать ему участие в троцкистско-зиновьевском блоке. Я точно знаю, что папа не имел к этому блоку никакого отношения. Он свято верил в В.И. Ленина. На собрании, по моим сведениям, некоторые выступали против такого обвинения» [14, с. 131]. Тем не менее оно было произведено на заседании бюро обкома партии и сыграло свою роль.

16 декабря 1949 г. был подписан приказ по ГГУ об увольнении И.Б. Лиогонького «за допущенные им в процессе преподавания грубейшие теоретические и политические ошибки» (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 33). Из воспоминаний Б.И. Лиогонького: «Отец лишился работы, и семья — пять человек детей — оказалась без средств к существованию. Продавать было нечего, так как, когда папа уезжал в Москву на Всесоюзное совещание, посвященное книге

Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», в одну из ночей в его отсутствие нас полностью ограбили» [14, с. 131–132].

И.Б. Лиогонький подходил к случившемуся с ним как ученый, с рациональных позиций. Он не мог принять иррациональности происходящего и продолжил и в этих условиях бороться за свое доброе имя, что было нарушением неписанных правил функционирования в системе и имело последствия. После оправдательных писем к Сталину и Молотову в 1950 г. он был вызван в Москву в Комитет партийного контроля к М.Ф. Шкирятову и исключен из партии.

С трудом ему удалось устроиться заведующим учебной частью ремесленного училища швейников. Одновременно он преподавал там «Историю СССР». В училище его все любили, он снова стал жизнерадостным и иногда с сотрудниками училища ездил на рыбалку. Но поздно вечером 17 апреля 1952 г. случился пожар на складах училища. И.Б. Лиогонькому позвонили домой, он срочно выехал на место происшествия и принял участие в тушении пожара. Но после произошедшего его стали подозревать в организации пожара, с ним случился инсульт, и через два дня 19 апреля 1952 г. в возрасте 47 лет он скончался, оставив многодетную семью практически без средств к существованию.

Вспоминает М.И. Лиогонький: «Моя сестра Татьяна Израилевна переписала все об отце, что оказалось доступным в Областном партийном архиве. Процесс переписки оказался довольно длительным, так как сестра могла работать с документами не каждый день, и этот процесс сопровождался непрерывными слезами. Признаюсь, что, когда я перепечатывал ее записи, мои глаза были тоже не всегда сухими. Передо мной раскрывался процесс морального, точнее, даже физического убийства нашего отца.

1949 год — год разгула кампании по борьбе с космополитизмом с дополнительной антисемитской окраской. На фоне недавней защиты диссертации, на фоне присвоения звания доцента, избрания в должности доцента, удар, нанесенный отцу в конце этого года, был для него совершенно неожиданным.

Наш покойный брат Борис (в будущем известный доктор химических наук) и я, и моя сестра заканчивали ГГУ, и нам приходилось общаться с теми преподавателями, которые гнобили нашего отца. Тяжелее всего пришлось нашему брату Борису, который в 1949 году только поступил на химический факультет, на котором в то время развернулись все события, приведшие к увольнению отца в декабре 1949 года из Университета.

Я поступил в ГГУ на мехмат в 1959 году. Общественную дисциплину (не помню, как называлась, по-моему, «История КПСС») преподавал доцент А.И. Песикин. Он же вел в нашей группе семинары. На первом семинаре, знакомясь по журналу со студентами, Песикин, прочитав фамилию Лиогонький, обратился к носителю этой фамилии, то есть ко мне, с вопросом “не являюсь ли я сыном Израиля Борисовича?” На мой утвердительный ответ Песикин сказал “хороший был человек”. В конце занятия он поинтересовался, есть ли комсорг в нашей группе. Услышав: “Еще нет”, произнес “Лиогонький, будешь комсоргом”. Когда я рассказал об этом маме, она с горечью сказала: “Был с отцом в друзьях, а выступал против”. Теперь, ознакомившись с протоколами, я увидел тому подтверждение.

И брату, и мне, и моей сестре приходилось сдавать экзамены В.И. Фомину, одному из инициаторов гнусного разбирательства, упрекавшего отца, что он не признал своей ошибки, не очень тщательно готовится к лекциям и что его

общение с аудиторией излишне наполнено эмоциями. Возвращаясь мысленно к тем годам со знанием того, с чем я ознакомился, не думаю, что общение с упомянутыми лицами было бы с моей стороны безэмоциональным.

Когда умер наш отец, мне еще не было десяти лет. Вспоминаю, как мы с папой ходили в баню, а потом мы заходили в рядом расположенный магазин, где он покупал мне стакан газированной воды с сиропом, а себе брал кружку пива и увлекался разговорами с любителями пива.

Дома все мы слышали разговоры о происходившем. У меня в памяти отложились фамилии буквально всех лиц, фигурирующих в протоколах, которые с яростью произносились родителями, но роль каждого из участников этой расправы (мне приходится именно так воспринимать происходящее) ни мне, ни моей сестре была неизвестна.

В памяти отложились также домашние разговоры о том, что все произошло из-за того, что папа на одной из лекций сказал о случайности рождения Ленина в России. Сейчас обыгрывание этой «фразы-ошибки» коллегами и влиятельными партийными работниками, среди которых были и те, которые не далее как в 1942 утвердили отца секретарем партбюро университета, вызывает у меня полное недоумение (почему я и употребил ранее слово «расправа»). Число всевозможных вариаций прилагательных к слову «ошибка» зашкаливает, но ни одного здравого объяснения, в чем состояла эта ошибка, ни в одном из протоколов заседаний я не обнаружил. Мне кажется в диссертации под названием «К вопросу о роли субъективного фактора в войне», защищенной в МГУ, в том числе в широком объеме должна была раскрываться роль личности в истории и там наверняка давалась оценка этой роли таким личностям, как Ленин и Сталин. Поэтому упрек беспартийного Белоусова в адрес Лигонького в его якобы недооценке роли великих личностей в истории был бесосновательным, но оказался, как мне кажется, «полезным» в период разгула в 1949 года борьбы с космополитизмом.

Философию отец рассматривал с марксистско-ленинских позиций. В подтверждение я могу привести собрание папиных книг, которые я бережно сохранил в квартире, где мы все раньше жили и где теперь живет моя сестра. Среди них полное, 3-е издание собрания «Сочинений» В.И. Ленина, полное собрание «Сочинений» Маркса и Энгельса, книги Гегеля, Фейербаха и другие. Был конечно и многотомник Сталина, но я его вынес в сарай, где он и исчез вместе с сараем.

В отличие от случая с С.С. Четвериковым, которому был закрыт путь где-либо устроиться на работу и который остался просто без средств к существованию, папе после увольнения из Университета удалось устроиться заведующим учебной частью профтехучилища, что, мне кажется, без содействия каких-то влиятельных, в том числе и партийных, кругов было бы невозможным. Под каким влиянием могла оказаться молодежь, да и сотрудники при общении с человеком, которого исключили из партии? Уже по тому снимку, который присутствует в наших фотодокументах, и по маминим рассказам, отец в силу своей общительности и доброжелательности вписался в коллектив. Я помню какие-то фотографии коллективных поездок с учащимися и поездок с сотрудниками на рыбалку. И все-таки травма от лишения любимой преподавательской работы, исключения из партии оказалась неизлечимой.

Эта травма усугублялась еще и тем, что мы жили в центре города, в переулке, который раньше назывался Мышкиным, затем Комсомольским, а теперь Университетским, потому что в нем находится здание университета, которое раньше считалось главным, в котором в те времена располагались и ректорат, и практически все факультеты. Наш дом находился в двухстах метрах от университета, и траектория любого выхода из дома обязательно проходила мимо места прежней папиной работы, где встречались и знакомые студенты, и сотрудники. Были среди них и те, с которыми встречи были приятны, и те, с которыми встречи были похожи на вскрытие незаживающей раны. Мама рассказывала, что перед той ночью, когда у папы случился инсульт, произошла одна из таких встреч, после которой он очень расстроился.

Передо мной отец предстает как очень добрый, общительный, коммунистических (в лучшей интерпретации) убеждений человек, строго придерживающийся в своей деятельности линии партии, членом которой он являлся. Опишу случай, подтверждающий, что память о моем отце даже в конце семидесятых годов еще сохранялась в Горьком. В июне 1970 г. года у меня предстояла защита диссертации в Совете Горьковского университета. И я должен был разносить авторефераты членам Ученого совета. Иду на квартиру к члену совета профессору Горьковского института инженеров водного транспорта М.И. Фейгину. Дверь открыл сам профессор. Я представился и объяснил причину моего прихода. Прочитав первый лист автореферата, он позвал свою жену со словами: «Познакомься, это сын Израиля Борисовича. Он будет защищаться в нашем Совете».

После увольнения И.Б. Лиогонького события в Горьковском университете стали развиваться по вполне предсказуемому сценарию. В 1950 г. И.П. Белоусов — уже и.о. зав. кафедрой диалектического и исторического материализма [10, с. 86]. В июне 1950 г. началась кампания в связи со статьей И.В. Сталина о языкознании. В начале 1950/1951 учебного года на расширенном заседании ученого совета ГГУ был заслушан доклад И.П. Белоусова как и.о. зав. кафедрой диалектического и исторического материализма «О работах т. Сталина по вопросам языкознания» [10, с. 86]. После чего в октябре 1950 г. в университете была проведена теоретическая конференция по сталинской работе. В октябре 1950 г. А.И. Песикин объявил о начале нового учебного года в университетской сети партийного просвещения и сообщил, что старшим консультантом по циклу философии партбюро университета утвердило И.П. Белоусова [28]. Установочные статьи по марксизму-ленинизму в университетской газете стал публиковать теперь также И.П. Белоусов [5]. В течение 1950 г. Горьковский университет сотрясала кампания проработки, которой подвергся физик профессор Г.С. Горелик. И.П. Белоусов выступил на заседании Ученого совета ГГУ с осуждением Г.С. Горелика [28].

В 1956 г. старший сын и старшая дочь И.Б. Лиогонького хлопотали о реабилитации отца, и после XX съезда КПСС он был посмертно реабилитирован в партийном отношении.

Горьковский случай кампании по «борьбе с космополитизмом» демонстрирует основные компоненты практики этой кампании: надуманное обвинение, искажающее смысл осуждаемого высказывания и имеющее смысл только в превращенном дискурсе; активный интересант, это обвинение выдвигающий; руководители учреждения — самоустранившиеся либо карьеристы;

идеологическое руководство, пользуясь случаем проявить себя в отношении подвернувшейся жертвы в соответствии с неписанной логикой кампании.

Мы не всегда задумываемся об отдаленных последствиях исторических событий и их сложных причинно-следственных связях. Мне представляется, что разрушение СССР было предопределено по крайней мере тремя событиями, происходившими задолго до того: 1) сталинскими репрессиями, 2) косыгинской реформой, 3) кампаний по «борьбе с космополитизмом». Здесь не место вдаваться в аргументацию. Выскажусь тезисно. Ни один буржуазный режим не уничтожил столько коммунистов, причем наиболее убежденную и пассионарную их часть. На смену им в советской элите пришли циники, управляемые методом «кнута и пряника». А третье поколение советской элиты, входившее в жизнь в 70-е гг., в значительной своей части уже относилось с презрением к Советской стране и принимало как свой западный образ жизни. Косыгинская реформа, внесшая начала прибыли в плановую экономику, была подобна песку, брошенному в работающий мотор, привела к экономическим и социальным диспропорциям развития, к дефициту и в итоге к остановке «мотора». Реальным результатом кампании по «борьбе с космополитизмом» стала запрограммированная смена основного идеологического водораздела в стране с социального («красные» и «белые») на национальный, то есть, по существу, отказ от марксизма-ленинизма как социоцентрической доктрины. К началу 1970-х гг. идеологические, научные и культурные учреждения, вузовские кафедры и редакции журналов стали объектом борьбы «либералов» и «почвенников», а коммунистическая идеология ушла из реальной идеологической повестки. Когда в перестройку встал вопрос о жизни и смерти социалистического строя в стране, его не собирались защищать ни те, ни другие.

Список литературы

1. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник РАН. 1993. Т. 63, № 2. С. 149–150.
2. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Пятый пункт основного вопроса философии: Эпизоды 40-х гг. // Человек. 1993. № 3. С. 109–118.
3. Бедняев Г. Памяти А.А. Жданова // За Сталинскую науку. 1948. 20 сентября.
4. Белоусов И.П. На занятиях по марксистско-ленинской философии // За Сталинскую науку. 1950. 21 января.
5. Белоусов И.П. Об основных особенностях русской классической философии // Ударник. 1947. 4 января.
6. Беляев М.Н. Работа со студентами-дипломниками // За Сталинскую науку. 1949. 26 апреля.
7. Борьба за качество преподавания // За Сталинскую науку. 1948. 13 декабря.
8. За творческое развитие советской науки // За Сталинскую науку. 1950. 7 октября.
9. Касьян А.А. Философский фронт. Идеология и наука. Москва: Наука, 2008. С. 11–44.
10. Касьян А.И., Куревина С.В., Петрова Н.Е. Затухающий сигнал: идеологические дискуссии в советской науке середины XX века в региональном контексте // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. Т. 31, № 3. С. 76–95.
11. Киселев В.П. Прошло полвека. Философия в российской провинции. Москва: Наука, 2003. С. 256–267.

12. Куревина С.В. Кафедра философии Нижегородского педагогического института. Философия в российской провинции. Москва: Наука, 2003. С. 46–71.
13. Лекции в сети партийного просвещения // За Сталинскую науку. 1948. 9 октября.
14. Лиогонький Б.И. Воспоминания об отце. Евреи Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 1995. С. 128–132.
15. Лиогонький И.Б. Бессмертное творение марксистско-ленинской науки // За Сталинскую науку. 1949. 2 июня.
16. Лиогонький И.Б. Выше идейный уровень идеологической работы // За Сталинскую науку. 1949. 24 сентября.
17. Лиогонький И.Б. Выше качество идеологической работы // За Сталинскую науку. 1949. 23 февраля.
18. Лиогонький И.Б. Выше уровень идеологической работы // За Сталинскую науку. 1948. 4 октября.
19. Лиогонький И.Б. К вопросу о роли субъективного фактора в войне: дис. ... канд. философ. наук. Горький, 1946. 272 с.
20. Лиогонький И.Б. Первый день учебы в сети партийного просвещения // За Сталинскую науку. 1949. 8 октября.
21. Лиогонький И.Б. Философский семинар // За Сталинскую науку. 1948. 22 апреля.
22. Миронов Н.Н. Организованно начать учебный год в сети партийного просвещения // За Сталинскую науку. 1949. 30 сентября.
23. Мишин В.И. Философия в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Философия в российской провинции. Москва: Наука, 2003. С. 32–45.
24. Новый состав партбюро // За Сталинскую науку. 1949. 9 декабря.
25. Объявления // За Сталинскую науку. 1949. 30 сентября.
26. Овладеем теорией большевизма // За Сталинскую науку. 1948. 13 ноября.
27. Отчетно-выборное партийное собрание университета // За Сталинскую науку. 1949. 10 января.
28. Песикин А.И. Новый учебный год в сети партийного просвещения // За Сталинскую науку. 1950. 7 октября.
29. Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке. Москва: Наука, 2011. 662 с.
30. Сорок шесть лекций // За Сталинскую науку. 1949. 3 сентября.
31. Сталин и космополитизм: документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953 / сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. Москва: Материк, 2005. 765 с.
32. Траурные митинги // За Сталинскую науку. 1948. 4 сентября.
33. Юбилейная сессия // За Сталинскую науку. 1948. 28 февраля.

References

1. Batygin GS, Devyatko IF. Evreiskii vopros: khronika sorokovykh godov. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 1993;63(2):149–150. (In Russ.)
2. Batygin GS, Devyatko IF. Pyaty punkt osnovnogo voprosa filosofii: Ehpizody 40-kh gg. *Chelovek*. 1993;(3):109–118. (In Russ.)
3. Bednyaev G. Pamyati A.A. Zhdanova. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 20 Sept. (In Russ.)
4. Belousov IP. Na zanyatiyakh po marksistsko-leninskoi filosofii. *Za Stalinskuyu nauku*. 1950. 21 Jan. (In Russ.)
5. Belousov IP. Ob osnovnykh osobennostyakh russkoi klassicheskoi filosofii. *Udarnik*. 1947. 4 Jan. (In Russ.)
6. Belyaev MN. Rabota so studentami-diplomnikami. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 26 Apr. (In Russ.)
7. Bor'ba za kachestvo prepodavaniya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 13 Dec. (In Russ.)

8. Za tvorcheskoe razvitie sovetsoi nauki. *Za Stalinskuyu nauku*. 1950. 7 Oct. (In Russ.)
9. Kas'yan AA. Filosofskii front. *Ideologiya i nauka*. Moscow: Nauka, 2008. P. 11–44. (In Russ.)
10. Kas'yan AA, Kurevina SV, Petrova NYe. The waning signal: ideological discussions in mid-20th century soviet science in regional context. *Studies in the history of science and technology*. 2010;31(3):76–95. (In Russ.)
11. Kiselev VP. Proshlo polveka. *Filosofiya v rossiiskoi provintsii*. Moscow: Nauka, 2003. P. 256–267. (In Russ.)
12. Kurevina SV. Kafedra filosofii Nizhegorodskogo pedagogicheskogo instituta. *Filosofiya v rossiiskoi provintsii*. Moscow: Nauka, 2003. P. 46–71. (In Russ.)
13. Leksii v seti partiinogo prosveshcheniya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 9 Oct. (In Russ.)
14. Liogon'kii BI. Vospominaniya ob ottse. *Evrei Nizhnego Novgoroda*. Nizhny Novgorod: DEKOM, 1995. P. 128–132. (In Russ.)
15. Liogon'kii IB. Bessmertnoe tvorenie marksistsko-leninskoi nauki. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 2 Jun. (In Russ.)
16. Liogon'kii IB. Vyshe ideinyi uroven' ideologicheskoi raboty. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 24 Sept. (In Russ.)
17. Liogon'kii IB. Vyshe kachestvo ideologicheskoi raboty. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 23 Feb. (In Russ.)
18. Liogon'kii IB. Vyshe uroven' ideologicheskoi raboty. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 4 Oct. (In Russ.)
19. Liogon'kii IB. *K voprosu o roli sub'ektivnogo faktora v voine* [dissertation]. Gorky, 1946. 272 p. (In Russ.)
20. Liogon'kii IB. Pervyi den' ucheby v seti partiinogo prosveshcheniya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 8 Oct. (In Russ.)
21. Liogon'kii IB. Filosofskii seminar. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 22 Apr. (In Russ.)
22. Mironov NN. Organizovanno nachat' uchebnyi god v seti partiinogo prosveshcheniya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 30 Sept. (In Russ.)
23. Mishin VI. *Filosofiya v Nizhegorodskom gosudarstvennom universitete im. N.I. Lobachevskogo*. *Filosofiya v rossiiskoi provintsii*. Moscow: Nauka, 2003. P. 32–45. (In Russ.)
24. Novyi sostav partbyuro. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 9 Dec. (In Russ.)
25. Obyavleniya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 30 Sept. (In Russ.)
26. Ovladeem teoriei bol'shevizma. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 13 Nov. (In Russ.)
27. Otchetno-vybornoie partiinoe sobranie universiteta. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 10 Jan. (In Russ.)
28. Pesikin AI. Novyi uchebnyi god v seti partiinogo prosveshcheniya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1950. 7 Oct. (In Russ.)
29. Sonin AS. Bor'ba s kosmopolitizmom v sovetsoi nauke. Moscow: Nauka, 2011. 662 p. (In Russ.)
30. Sorok shest' leksii. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 3 Sept. (In Russ.)
31. Nadzhafov DG, Belousova ZS, editors. Stalin i kosmopolitizm: dokumenty Agitpropa TSK KPSS, 1945–1953. Moscow: Materik, 2005. 765 p. (In Russ.)
32. Traurnye mitingi. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 4 Sept. (In Russ.)
33. Yubileinaya sessiya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 28 Feb. (In Russ.)

Информация об авторе

Сергей Николаевич Корсаков — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт философии РАН, Москва, Россия. E-mail: snkorsakov@yandex.ru

Information about the author

Sergey N. Korsakov — Ph.D, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Philosophy of PAS, Moscow, Russia. E-mail: snkorsakov@yandex.ru

О ТОМ, КАК НАПИСАТЬ НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: РЕКОМЕНДАЦИИ БРУНО ЛАТУРА

М.И. Пантыкина

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

Поступила в редакцию: 20.12.2022

В окончательном варианте: 01.02.2023

■ Для цитирования: Пантыкина М.И. О том, как написать научный текст: рекомендации Бруно Латура // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 41–47. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.4>

Аннотация. В статье ставится проблема необходимости актуализации методологии написания научных текстов в условиях трансформации современной науки. Предлагается решение этой проблемы с использованием теоретико-методологических возможностей акторно-сетевой теории. На основе анализа работ родоначальника этой теории Б. Латура представлена система методических приемов: метод контroversь, описание, объяснение и перевод, которые обеспечивают интеграцию процессов проведения исследования и написания научных текстов. В результате делается вывод о необходимости последовательного развития методологии Б. Латура и ее апробации при подготовке научных кадров.

Ключевые слова: Б. Латур; акторно-сетевая теория; научный текст; метод контroversь; описание; объяснение; перевод.

ABOUT HOW TO WRITE A SCIENTIFIC TEXT: BRUNO LATOUR'S RECOMMENDATIONS

M.I. Pantykina

Togliatti State University, Togliatti, Russia

Original article submitted: 20.12.2022

Revision submitted: 01.02.2023

■ For citation: Pantykina M.I. About How to Write a Scientific Text: Bruno Latour's Recommendations. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):41–47. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.4>

Abstract. The article raises the problem of the need to update the methodology of writing scientific texts in the context of the transformation of modern science. A solution to this problem is proposed using the theoretical and methodological capabilities of the actor-network theory. Based on the analysis of the works of the founder of this theory B. Latour, a system of methodological techniques is presented: the method of controversy, description, explanation and translation, which ensure the integration of the processes of conducting research and writing scientific texts. As a result, a conclusion is made about the need for consistent development of B. Latour's methodology and its approbation in the preparation of scientific personnel.

Keywords: B. Latour; actor-network theory; scientific text; method of controversy; description; explanation; translation.

---

*«Что я вам и говорил: вас учат плохо!
Не учить докторантов-социологов писать диссертации –
все равно что не учить химиков проводить
лабораторные эксперименты. Вот почему я теперь учу только одному:
писать».*

*Б. Латур «Пересборка социального:
введение в акторно-сетевую теорию»*

За последние сорок лет появилось немало исследований, посвященных пересмотру парадигмальных оснований классической науки. Признавая необходимость их актуализации, приходится признать, что критика позитивистской научной программы не всегда является конструктивной. В частности, в имеющийся науковедческой литературе практически отсутствуют предложения, касающиеся обновления методов проведения исследований и содержательно-логических требований к написанию научных текстов. Как следствие, проблема формирования соответствующих профессиональных навыков пока остается без должного внимания со стороны представителей научных школ и образовательных институций. Поскольку эти навыки осваиваются начинающими учеными спонтанно, под влиянием случайных обстоятельств, то не приходится удивляться тому, что все чаще диссертации представляют собой рефераты всем известных текстов. А «стыдливым эвфемизмом для таких рефератов служит канцелярская формула “квалификационная работа”» [1, с. 8]. С целью поиска путей решений заявленной проблемы обратимся к наследию Б. Латура, одному из немногих современных ученых, обосновавших значение обучения написанию научных текстов и предложивших проверенную на практике систему методических приемов.

Заметим, что разработанная Б. Латуром методология «производства» научных текстов основана на акторно-сетевой теории (далее — АСТ), а сам он является одним из ее создателей. Поскольку отсутствует общепринятое определение этой теории, то предложим следующую ее трактовку: «Акторно-сетевая теория — это программа исследования социотехнических систем, направленная на изучение распределенных в пространстве и времени человеческих и нечеловеческих акторов-актантов, которые идентифицируются и описываются посредством связи (ассоциации) друг с другом» [6, с. 160]. Выбор данной теории в качестве основания методологии написания научных текстов объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, АСТ, будучи одним из направлений научно-исследовательской программы «Исследования науки и технологий» (STS), ориентирована на изучение актуальных научно-технических практик, которые содержат в себе потенциал открытия, инновационности, имеют эмпирический характер и нацелены на отрицание (критику) традиционных, рутинных и безгласных объектов [5, с. 114]. Очевидно, что описание таких практик предполагает особую организацию научно-исследовательской работы и актуализацию требований к написанию научных текстов. Неслучайно Б. Латур отстаивал тезис о том, что модель науки как теории должна быть заменена на модель науки как практики, в которой тексты выполняют функцию «инсценировки» научных практик. Во-вторых, феноменологический призыв «Назад к вещам!» в АСТ трансформировался в признание того, что люди и не-люди (вещи, технологии, технические инструменты, здания, машины и пр.) подобны

и взаимозаменяемы. Заметим, что этот, на первый взгляд, провокационный призыв вполне соответствует процессам киборгизации и гибридизации, происходящим в современном обществе под влиянием информационных, биологических, социальных и когнитивных технологий [2]. В-третьих, определение акторов и сетей в качестве основных элементов АСТ позволило Б. Латуру сформулировать критерий оценки «хорошего текста»: «Хороший с точки зрения АСТ отчет — это нарратив, или описание, или высказывание, в котором все акторы не сидят сложа руки, а что-то делают. Каждая точка в таком тексте может стать точкой бифуркации, событием или источником нового перевода вместо того, чтобы переносить эффекты, не трансформируя их» [5, с. 114]. Думается, что этот критерий может быть вполне применен для оценки качества научных текстов.

В контексте представленной выше специфики АСТ следует понимать утверждение Б. Латура о том, что после того как теоретическая наука перестала быть символом прогресса, ее место заняли практико-ориентированные исследования. При этом тексты, репрезентирующие их результаты, должны выполнять функции акторов, то есть производить действия, влекущие за собой трансформацию других акторов, формировать отличия и моделировать новые значения. Возникает вопрос: «Как следует писать такие тексты?» В работах Латура содержится если не развернутый ответ на вопрос, то предпосылки к нему. Так, согласно его мнению, приступать к исследованию и «производству» научного текста нужно с метода контроверз или разногласий. Их следует искать как в научных дискуссиях, так и в собственной «жизни» текстов и фактов. При этом готовые объяснительные схемы, количество которых, как правило, ограничено, Латур считал «плохой наукой». А то, что ее действительно развивает, — это разногласия. Ведь «вводимые силы никогда не будут представлены просто как фактические реалии, но всегда как реалии дискуссионные, со своими способами изготовления и ясно видимыми стабилизационными механизмами» [5, с. 119]. Даже если кажется, что найдено сильное, убедительное доказательство, необходимо поставить его под сомнение и выявить опровергающие его аргументы.

В результате такое исследование будет соответствовать одному из двух типов текстов. Первый тип представлен текстами с фактами и текстами с артефактами. Так, текст с фактами должен содержать положение, выражающее какой-либо факт, поэтому «нужно вставить его как законченное, определенное и жестко сформулированное утверждение-предпосылку, ведущее к каким-то другим, менее определенным, менее очевидным, менее жестким и не таким однородным последствиям» [4, с. 52]. Тексты с артефактами отличаются тем, что они «возвращают к своему истоку, к рукам и ртам тех, кто их породил...» [4, с. 52]. Различия между этими видами научных текстов столь велики, что они заставляют ученых проектировать разные исследования и двигаться параллельными путями. При этом, как это не парадоксально, тексты с фактами и тексты с артефактами имеют общий признак: они вынуждают исследователей обращаться к исходным стадиям конституирования научных фактов.

Следующий тип текстов — это цитирующие и цитируемые тексты. Каждый из них «усиливается» за счет привлечения союзников автора и опровержения

возможных возражений. По мнению Б. Латура, такое существование текстов-акторов порождает хаос, провоцирует новые контroversы, так как «отдельные устойчивые утверждения вновь и вновь подхватываются все новыми работами, но даже в этих редких случаях они постепенно размываются, теряют первоначальную форму, упаковываются во множество чужих утверждений и становятся настолько известными и привычными, что превращаются в часть повседневной практики и полностью скрываются из вида» [4, с. 81]. Для того чтобы выйти из состояния неопределенности, порожденного цитирующими и цитируемыми текстами, ученому приходится писать еще одну работу и решать проблему, которая стала причиной разногласий.

После того как ученый выявил контroversы и зафиксировал траектории их развития, он может перейти к описанию. Подчеркнем, что к этому этапу исследования и написания текста следует подходить без готовых гипотез или объяснительных схем, чтобы сохранить непосредственное наблюдение проявлений акторов или сети акторов. Это методологическое требование выражено в призыве Б. Латура «Следовать за актерами!», предполагающем «большую свободу акторов и малую свободу исследователя» [7, с. 200]. В этом контексте описание можно определить как письменное воспроизведение следов, оставляемых актерами в процессе их спонтанной активности. Если актеры не оставили следов, то это значит, что о них нет информации, а следовательно, они не могут стать предметом исследования. А если свидетельства действий акторов обнаруживаются, то «мы должны прочертить непрерывные связи от локального взаимодействия к другим местам, временам и силам, побуждающим локальную инстанцию что-либо делать» [5, с. 243].

Для упорядочения процедуры описания Б. Латур предлагает работать с четырьмя записными книжками. Первая из них будет выполнять функцию «важного журнала» исследования. В нее можно вносить любые нестандартные впечатления, идеи, возникшие в ходе наблюдения за актером, тезисы обсуждений, впечатления коллег, новые источники и т. д. Такие записи даже спустя многие годы помогут быстро реконструировать замысел исследования, его ход и конечный результат. Вторая записная книжка должна представлять собой каталог основных тем и подтем с библиографией. Он позволит удерживать содержательно-смысловые связи текста, а также переходить с одной теоретической позиции на другую. Заметим, что Б. Латур считал, что если какая-то теоретико-методологическая позиция не оправдала себя, то не следует ее упорно отстаивать, а нужно уметь быстро найти другую систему отчета. Третья книга для записей может хранить все что угодно: любые идеи, параграфы, метафоры и тропы, которые могут появляться у ученого во время исследования. Их произвольность следует рассматривать как противодействие автоматическому письму с общими местами, клише, переносимыми определениями, идеальными типами, то есть всем тем, что разрушает изнутри хороший текст [5, с. 189]. Наконец, четвертая записная книжка — это собственно описание полевого исследования, то есть фиксация следов акторов. Эту книжку, по мнению Латура, надо особенно бережно хранить, так как может потребоваться возобновление, казалось бы, законченного исследования, и тогда можно будет проследить «воздействие написанного отчета на акторов, чьи миры были либо развернуты, либо унифицированы» [5, с. 189].

Возникает вопрос: при каких условиях записи этих книжек преобразуются в текст? Латур полагает, что эти условия задаются извне. Например, описание действий актора или актор-сети может стать текстом отчета, если соблюдать ограничение по количеству страниц, задаваемому издательством. Такой ответ вызывает следующий вопрос: будет ли незавершенный или вырванный из контекста текст иметь научную значимость? По мнению Латура, правильно подготовленное описание следов акторов самодостаточно. Оно будет востребовано другими исследователями без дополнительных, привнесенных соображениями автора, объяснений, так как «практические детали наличной ситуации сами дают объяснение тому контексту, посредством которого предполагалось объяснить ситуацию. Сама бактерия Пастера вдруг оказывается объяснением... изрядной доли того, что во Второй империи Франции считалось “социально обусловленным”» [5, с. 151]. Целью описаний является «захват» сетей, то есть расширенная и многослойная фиксация взаимодействий авторов и положений дел. Эта фиксация должна служить объяснением, а не предметом объяснений.

Представленная критика причинно-следственных объяснений и иных готовых абстрактных конструкций, а также последовательное отстаивание дескрипций является свидетельством релятивистской позиции Б. Латура и АСТ в целом. Для того чтобы эта позиция не привела к крайностям и не поставила под сомнение результаты исследований, Б. Латур предусматривает некоторые исключения. Во-первых, он не склонен рассматривать объяснение как когнитивное действие, направленное на установление связи между тем, кому объясняют, и объясняющим. По его мнению, такое действие является не объяснением, а сопоставлением. Латур утверждает, что «политика объяснения в общем виде может быть описана следующим образом: если вы владеете элементом x из списка A , вы также овладеваете элементами x' , y' списка B . Это общее определение власти, понимаемой как в политическом, так и в логическом смысле... Один элемент может “заменить”, “представить”, “символизировать” все остальные элементы, которые на деле стали второстепенными, дедуцируемыми, подчиненными или незначительными» [3, с. 117]. То есть объяснение проявляется в тех редких случаях, когда для одного человека, которому нужно что-либо объяснить, находятся несколько объясняющих. Тогда текст превращается из «обычной линейной прозы в, так сказать, хорошо организованную систему нескольких линий обороны, что является верным признаком научности рассматриваемого текста» [4, с. 88]. Что касается контекстуальных объяснений, то они могут использоваться только как краткий код, заполняющий смысловые лакуны. При этом надо помнить, что «контекст смердит» (Р. Коляхаас), поскольку он останавливает описание, ничего не добавляя к имеющемуся знанию.

Определяя описание в качестве базового метода исследования, Б. Латур утверждает, что этот метод не снижает степень научности текста, не превращает его в рассказ или развлекательную историю. Текст, направленный на ложные цели, а не на «захват» акторов и образуемую ими сеть, более всего напоминает лабораторию как место испытаний и экспериментов. Однако описание само по себе, даже произведенное должным образом, не гарантирует, что текст не останется «откровенно мертвым» (Б. Латур). Чтобы этого не произошло, описание должно управляться методом перевода. Этот метод нужно применять

в процессе подготовки и на первых этапах исследования, когда ученый принимает установку АСТ о том, что все акторы (люди и вещи), вступая в ассоциации, заставляют других акторов трансформироваться. Другими словами, вступая в деятельностные отношения, акторы изменяются как таковые, образуют новые связи и различия. Преобразования, происходящие с ними в процессе порождения ассоциаций, перенос, распространение информации об их новом состоянии в сети, а также описание этих процессов в ходе исследования и называется переводом.

Успешность применения перевода в качестве метода определяется точностью описания перевода как формата активности акторов и сети. Для того, чтобы избежать возможные неудачи, Б. Латур предлагает несколько советов. Прежде всего, нельзя путать ассоциации и причинно-следственные связи. Первые отличает эмерджентность, а вторые — рутинность и предсказуемость. Кроме того, следует исключать из описаний формальные акторы, которые функционирует в цепи причин и следствий стандартно, анонимно и без порождения различий. Следующая рекомендация Б. Латура: исследователь должен помнить, что «написанный им текст сам может стать точкой бифуркации, событием и источником нового перевода» [5, с. 181]. Это возможно в том случае, если текст побудит других акторов к трансформации, создаст сеть союзников или критиков. Как отмечает Латур, «хотя Дизель и работал в интересах множества людей, которых он вовлек в свой проект путем перевода и переплавки их общих интересов в нечто неразрывно связанное, в конце концов ему пришлось заставлять их признать его научную идею в качестве того путеводного сигнала, за которым они следовали» [4, с. 194]. В этом контексте перевод предстает как метод преодоления неопределенности путем поиска новых средств достижения поставленной цели.

Таким образом, предлагаемые Б. Латуром методы контроверз, описание, объяснение и перевод представляют собой и методологию проведения исследования, и приемы формирования отчета, и этапы написания научных текстов. Думается, что идея их конгруэнтности является продуктивной, способствующей достижению целей, которые АСТ ставит перед современной наукой. Что касается наследия Б. Латура, то оно требует дальнейшего изучения и использования в разработке методик подготовки научных кадров.

Список литературы

1. Касавин И.Т. STS: опережающая натурализация или догоняющая модернизация? // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 39, № 1. С. 5–17. DOI: 10.5840/eps20143911
2. Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее / пер. Т. Мамедова, Ю. Константинова. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 347 с.
3. Латур Б. Политика объяснения: альтернатива // Социология власти. 2012. № 8. С. 113–143.
4. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.
6. Пантыкина М. Блокчейн и социальные концепты: экспозиция проблемного поля // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18, № 1. С. 158–187. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-1-158-185

7. Широков А. Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура: как писать инфрарефлексивные тексты // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 186–217. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-1-186-217

References

1. Kasavin IT. STS: operezhayushchaya naturalizatsiya ili dogonyayushchaya modernizatsiya? *Epistemology and Philosophy of Science*. 2014;39(1):5–17. (In Russ.) DOI: 10.5840/eps20143911
2. Kelli K. *Neizbezhno. 12 tekhnologicheskikh trendov, kotorye opredelyayut nashe budushchee*. Translate by Mamedova T, Konstantinova Yu. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2017. 347 p. (In Russ.) (Kelly K. *The Inevitable: Understanding the 12 Technological Forces That Will Shape Our Future*. London: Penguin Books, 2017. 336 p.)
3. Latur B. Politika ob'yasneniya: al'ternativa. *Sociology of power*. 2012;(8):113–143. (In Russ.)
4. Latur B. *Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 414 p. (In Russ.)
5. Latur B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ehkonomiki, 2020. 384 p. (In Russ.)
6. Pantykina M. Blockchain and Social Concepts: Exposure of the Problem Field. *Russian Sociological Review*. 2019;18(1):158–187. (In Russ.) DOI: 10.17323/1728-192x-2019-1-158-185
7. Shirokov A. The Politics of Explanation and Strategy of Description of Bruno Latour: How to Write Infra-reflexive Texts. *Russian Sociological Review*. 2019;18(1):186–217. (In Russ.) DOI: 10.17323/1728-192x-2019-1-186-217

Информация об авторе

Марина Ивановна Пантыкина — доктор философских наук, доцент, заместитель директора гуманитарно-педагогического института по учебно-методической работе ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», Тольятти, Самарская область, Россия. **E-mail:** pantikina@tltsu.ru

---

Information about the author

Marina I. Pantykina — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Deputy Director of the Humanitarian and Pedagogical Institute for Educational and Methodological Proceedings Togliatti, Samara Region, Russia. **E-mail:** pantikina@tltsu.ru

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР: РЕФЛЕКСЫ КАРТИНЫ МИРА

В.В. Костецкий

Санкт-Петербургский государственный академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина при Российской академии художеств, Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию: 09.01.2023

В окончательном варианте: 01.02.2023

■ Для цитирования: Костецкий В.В. Мартин Хайдеггер: рефлекс картины мира // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 48–52. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.5>

Аннотация. В эссе опровергается мысль М. Хайдеггера о том, что его будут понимать лет через двести. Тексты Хайдеггера достаточно однообразны по стилю, при этом их отличает глубокая укорененность в малоизвестных тонкостях аристотелевской мысли, с одной стороны, и забота о состоянии современной науки, с другой стороны. Хайдеггер намеренно соединяет в себе культуру античного философского мышления с эрудицией филологических и физико-математических наук, что порой требует от читателя доли иронии при наличии собственных компетенций.

Ключевые слова: Хайдеггер; апории Зенона; время; картина мира; бог; физика.

MARTIN HEIDEGGER: REFLEXES OF THE PICTURE OF THE WORLD

V.V. Kostetckii

St. Petersburg state academic Institute of painting, sculpture and architecture named after I.E. Repin at the Russian Academy of arts, Saint Petersburg, Russia

Original article submitted: 09.01.2023

Revision submitted: 01.02.2023

■ For citation: Kostetckii V.V. Martin Heidegger: Reflexes of the Picture of the World. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):48–52. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.5>

Abstract. The essay refutes the idea of M. Heidegger that he will be understood in two hundred years. Heidegger's texts are quite monotonous in style; at the same time, they are distinguished by a deep rootedness in the little-known intricacies of Aristotelian thought, on the one hand, and concern for the state of modern science, on the other hand. Heidegger deliberately combines the culture of ancient philosophical thinking with the erudition of philological and physical and mathematical sciences, which sometimes requires a share of irony from the reader in the presence of his own competencies.

Keywords: Heidegger; Zeno's aporia; time; picture of the world; god; physics.

---

*«Время – честный человек»
(Пьер Бомарше)*

Техника философской мысли М. Хайдеггера чрезвычайно загадочна, любопытна, занимательна и литературно восхитительна. В докладе 1962 года «Время и бытие», прочитанном в актовом зале Фрайбургского университета в обстановке благоговейного почитания, Хайдеггер продемонстрировал лучшие образцы своего метода. Уже название доклада погружает в ступор: почему время и бытие, а не пространство и время, почему «бытие», а не привычное после Гегеля «становление»? Собственно, сам термин «бытие» давно перешел из философии в литературу: библейскую, марксистскую, поэтическую. Хайдеггер намеренно и демонстративно восходит к античному истоку этого термина — Пармениду.

Парменид (рубеж VI–V веков до н.э.) из города Элея был законодателем, и для него резонно звучала альтернатива «что может быть — чего не может быть никогда». Отсюда его знаменитый тезис «небытия нет»: чего не может быть, того и нет. Фраза не так банальна, как выглядит. Не может быть, например, вечного двигателя, поэтому правильно делают, когда изобретателям указывают на неочевидную ошибку. Точно так же не может теплота от холодного тела переходить к горячему — бесполезны попытки нарушать закон энтропии своими «изобретениями».

Во времена Парменида ни об энтропии, ни о вечном двигателе ничего не знали, поэтому нашли другой пример: «движения не может быть» — странный теоретический вывод, которому противоречит любое наблюдение. В таком случае должно признать, что движения нет, а видимые движения — иллюзия, например, иллюзия времени. Очевидно, что в любое мгновение времени, когда время «остановилось», движения нет, само же время не является движением. Эту мысль высказал последователь Парменида Зенон, «изобретатель диалектики» по свидетельству Аристотеля, в своих знаменитых апориях. Современному читателю не обязательно погружаться в «апории Зенона», достаточно вспомнить о «бегущей строке» рекламы: мы видим движение, которого нет, нет бега букв или бега светящихся лампочек.

Современной физике до мысли о том, что «движения нет», еще далеко: электроны, дескать, «крутятся» вокруг ядра. Лишь в квантовой механике пришлось признать, что электроны в атоме меняют орбиты «скачком», без этого самого «движения» (раскручивания). Между прочим, Г. Гегель в своей диссертации «Об орбитах планет» тоже требовал признания за орбитами планет статуса стационарности, причем с прямым указанием на то, что орбиты планет не обусловлены «законом всемирного тяготения». Очевидная для Гегеля мысль о квантованности орбит планет солнечной системы современным астрономам пока в голову не приходит. Отсутствие философской рефлексии погружает астрономическую науку в домыслы, мифологичности которых нет предела: от «теории большого взрыва» до открытия «темной материи». А что, интересно, мешает электрону в атоме «перескакивать» с орбиты на орбиту, как не «темная материя»? Нас же не удивляет, что в каменном доме мы не проходим сквозь стены в нужном нам направлении, а ходим строго по уровням-этажам или по коридорам-комнатам. Как бы мы отнеслись к человеку, который, хлопнув себя

по голове, заявил: «Ба! Эврика!! Между этажами и комнатами темная материя! Ее даже больше, чем мебели!».

Но Мартин Хайдеггер не физик; он полагает, что анализ античного «бытия» способен внести свою лепту в построение «картины мира». Как опытный оратор, в начале своего доклада Хайдеггер делает предупреждение: его мысли так же трудно понимать, как уравнения квантовой механики или абстрактные произведения поэтов и художников. Согласимся: замечательное представление себя публике. Далее идет погружение аудитории в античную терминологию: все существующее будет называться «сущим», а факт существования сущего будет выражаться термином «бытие». Например, Сократ — сущее, Сократ есть бытие. В обычной жизни и в классической науке сущее и бытие не различаются, однако «попытка мыслить бытие без сущего становится необходимой» [1, с. 391].

Далее немецкий философ пишет: «Что дает повод назвать *рядом* время и бытие?» — обращается он к аудитории, которая уже озадачена этим вопросом и терзается страхом остаться с вопросом наедине. Но нет, маэстро готов рассеять все сомнения. Для начала ему надо чуть подправить смысл бытия: «Бытие от раннего начала западноевропейской мысли до сего дня значит то же, что присутствие» [1, с. 392]. Замечательно, не так ли? *Бытие* равно *присутствие*. При переходе к оригиналу языков равенство «бытие равно присутствие» будет выглядеть так: *ειναι* равно *Dasein*. *Бытие* — понятие древнегреческой мысли, *присутствие* — калька с немецкого слова *Dasein*, предложенная квалифицированным переводчиком В.В. Библихиным. Правда, разные авторы переводят в различных контекстах по-разному: «вот-бытие», «здесь-бытие», хотя личные пристрастия переводчиков, по сути, дело не меняют. Зазор смыслов не трудно иметь в виду.

Правда, такого отождествления бытия и присутствия никогда не было в истории западной мысли, но одно, действительно, не исключает другого. Зачем Хайдеггер так категорично их отождествляет, становится ясным, когда он в *присутствии* обнаруживает *время*: прошлое и будущее отсутствуют, а настоящее присутствует. Конкретная драма абстрактных идей уже намечена автором. Если настоящее как время наличествует в присутствии бытия, то возникает вопрос: прошлое и будущее в отношении бытия тоже являются присутствующими?

Вопрос коварен; Хайдеггер обходит трудности введением различия «потаенно присутствующего» и «непотаенно присутствующего». Настоящее время непотаенно присутствует в бытии, а прошлое с будущим потаенно. Логично, даже тавтологично. Но на сцену, меж тем, незаметно выведены два новых персонажа: потаенное и непотаенное. Труппа абстрактных персонажей почти вся в сборе и готовится к постановке «Божественной комедии»; занавес раскрыт.

На пустую сцену выходит Парменид с монологом: «*εστι γαρ ειναι*» («есть, собственно, бытие»). Затем на сцене появляется двойник Парменида в лице Хайдеггера, который переводит *бытие* как *присутствие*. Вновь повисает вопрос, каким образом прошлое и будущее присутствуют в бытии. Следует короткий монолог Хайдеггера о времени под названием «Оно нам неизвестно» [1, с. 396], в силу чего прошлое и будущее присутствуют в бытии, только с каким-то «недостатком присутствия» [1, с. 397]. Удивительное откровение поражает зрителей своей простотой.

На самом деле, докладчик не оговорился. Разве отсутствие не может само выступать в роли присутствия? Например, отсутствие болезни означает присутствие здоровья. Не таким ли образом присутствие одного из трех видов времени обусловлено отсутствием двух других? Этот вопрос — ключ к картине мира, которую строит Хайдеггер. «Эта взаимная игра, — пишет он, — оказывается особенным, в собственном времени разыгравшимся протяжением, то есть как бы четвертым измерением... Собственно время четырехмерно» [1, с. 400]. Выражение «четвертое измерение», скорее, дань популизму, отсюда «как бы», но мысль выражена конкретно: то, что является временем «на самом деле», за пределами настоящего, прошедшего и будущего.

Так называемое сущее (мир вещей) существует в прошлом, настоящем и будущем, но временем является ни то, ни другое, ни третье — только их взаимная игра в присутствие-отсутствие, которая и фиксируется «бытием». В этой логике тезис Зенона из Элеи «движения нет», однозначно, верен: движение есть иллюзия на основе присутствия-отсутствия. Двигаться в действительности означает попеременно отсутствовать в точке присутствия и затем присутствовать в точке отсутствия. Так возникает иллюзия непрерывности дискретного.

Целью хайдеггеровского доклада является не апология Парменида и Зенона сама по себе, а изменение картины мира. В докладе не случайно появляется фигура человека: три формы времени ведомы только ему, с ним и возможна игра. Игра состоит в том, что мыслящий человек никогда не знает, в какую эпоху он живет. Как сущее он в одной эпохе, как бытие — в другой. Или присутствует попеременно, а, может, и одновременно. Тогда и появляется представление об истине как «непотаенности» в «просвете бытия». Настоящее время «не есть»: оно «имеет место» в качестве исчезнувшего «былого». Прошлое и будущее присутствуют в настоящем своим отсутствием. Они, конечно, есть — в потаенности бытия. Когда в кабинете грозного начальника никого нет, это не значит, что там никого нет: там есть отсутствие присутствия начальника, причем, не менее грозное.

Для Хайдеггера представляется важным связать с бытием и временем некую тайну. Понятие присутствие по отношению к человеку тоже намекает на нечто потаенное. Например, говорят «присутствовал на приеме», не говорят «присутствовал на пляже». Присутствуют на событийных мероприятиях. Такое бытие-присутствие человека в мире называется экзистенцией. Вещи не экзистировать. Присутствие вещей (сущего) выражается в том, что до определенного времени их не было и после определенного времени не будет. Для человека бытие выступает событием, бытием со значением присутствия. Присутствие предполагает значимое событие, которым для человека оказывается время: человек присутствует при времени. Тогда снова возникает вопрос: «Где же время? Есть ли оно вообще...? Время явно не ничто» [1, с. 397].

Собирается ли М. Хайдеггер отвечать на поставленные им вопросы? Нет, не собирается. Не собирается, потому что ответ впечатан в рассуждения, в название доклада. Доклад называется «Время и бытие», но никак не наоборот. Это можно понять только с окончанием доклада, причем, несколько продолжая логику доклада самостоятельно. Хайдеггеру нравится присутствие ответа на вопрос в форме его отсутствия. Еще раз проследим за ходом мысли в докладе.

Вещи — термин «сущее»; бытие — не «есть», а присутствие. Присутствие предполагает событие. Событием является время в игре присутствия-отсутствия в вариантах прошлое-настоящее-будущее. Затем еще фигурируют «непотаенное» и «потаенное». В результате за всеми рассуждениями обнаруживается фигура умолчания, которая странным образом присутствует-отсутствует. Это время в его условно «четвертом измерении», причем не в формах настоящего, прошедшего и будущего, а именно присутствием отсутствия двух из них. Но, таким образом, существующее время всегда *рядом* с бытием, не будучи ничто, но и не будучи чем-то. Если перевести с дипломатического языка на русский, то это означает только то, что бог существует в соприкосновении с миром в форме времени. Отсюда хайдеггеровская мысль о времени: «Оно нам неведомо», — и это уже не шутка. Аристотель называл бога «перводвижителем» — он движет все, не будучи сам побуждаемым чем-либо. Точно так же проявляет себя время: время «движет все».

Хайдеггер знал и понимал Аристотеля лучше, чем кто-либо другой. Смысл доклада «Время и бытие» не в том, чтобы чем-то обогатить концепции времени по примеру теории относительности, а в том, чтобы создать «доказательство бытия бога» самому себе. Время измеряется движением, но не определяется им. Все существует во времени, но время недостижимо посредством любой физики. Как писал Мейстер Экхарт, «Бог к нам близко, но мы далеко. Бог внутри, но мы снаружи». Человек захвачен временем, потому всеобщий интерес к истории не случаен. Только захваченный временем человек оказывается в состоянии предстояния: он помнит былое, вопрошает и отвечает за него. В картине мира время выводится Хайдеггером за пределы физики. Время кажется близко, вот оно: какая иллюзия! Не мы измеряем время, а время измеряет нас. Время вездесуще, оно везде и во всем. Нет в физике ничего более физического, чем время, и ничего более далекого от физики, чем время.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. Москва: Республика, 1993. 447 с.

References

1. Khaidegger M. *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya*. Moscow: Respublika, 1993. 447 p. (In Russ.) (Heidegger M. *Sein und Zeit*. 1927. (In German))

Информация об авторе

Виктор Валентинович Костецкий — доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт имени И.Е. Репина при Российской академии художеств», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** kostavictor@yandex.ru

---

Information about the author

Victor V. Kostetckii — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts, Saint Petersburg, Russia. **E-mail:** kostavictor@yandex.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.А. КУТЫРЕВА «ЧЕЛОВЕК ТЕХНОЛОГИЙ, ФИЛОСОФИЯ ФАЛЬШИЗМА»

В.М. Маслов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Поступила в редакцию: 03.12.2022

В окончательном варианте: 27.01.2023

■ Для цитирования: Маслов В.М. Рецензия на монографию В.А. Кутырева «Человек технологий, философия фальшизма» // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 53–58. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.6>

Аннотация. В своей последней большой работе В.А. Кутырев продолжил отражать набирающий силу процесс самоотрицания человечества в пользу становящейся пост-вне-человеческой реальности. Серьезность ситуации — приближение невозвратной точки технологической сингулярности — требует формирования действенной философии сопротивления. Антропоконсерватизм должен отстаивать человеческое на практическом, политическом уровне.

Ключевые слова: антропоконсерватизм; философия сопротивления; философия фальшизма; жизненно-практическая философия; технологическая сингулярность; человеческое; пост-вне-человеческое; В.А. Кутырев.

THE REVIEW OF THE MONOGRAPH BY V.A. KUTYREV. MAN IS THE AGE OF TECHNOLOGIES, THE PHILOSOPHY OF FALSEHOOD

V.M. Maslov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

Original article submitted: 03.12.2022

Revision submitted: 27.01.2023

■ For citation: Maslov V.M. The Review of the Monograph by V.A. Kutyrev. Man is the Age of Technologies, the philosophy of falsehood. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):53–58. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.6>

Abstract. In his last major work, V.A. Kutyrev continued to reflect the growing process of humanity's self-denial in favor of the emerging post-outside-human reality. The seriousness of the situation — the approach of the irrevocable point of singularity — requires the formation of an effective philosophy of resistance. Anthropeconservatism should defend the human at the practical, political level.

Keywords: anthropeconservatism; philosophy of resistance; philosophy of falsehood; vital-practical philosophy; technological singularity; human; post-outside-human; V.A. Kutyrev.

Рецензируемая книга — последняя большая работа, исследование В.А. Кутырева (1943–2022). Отныне в ней находит завершение его последовательная и всесторонняя критика обнаруженной еще в конце 1980-х годов пост-человеческой тенденции современной культуры [2]. Теперь книга «Человек технологий, цивилизация фальшизма» выступает в роли своеобразного духовного завещания и призыва продолжать дальше слово и дело В.А. Кутырева.

Защита традиционной биосоциальной формы существования человечества принципиально невозможна на основе расхожих форм мыслительной деятельности, давно оторвавшихся от жизненного мира и прямо определяемых техногенным характером современного общественного развития. В противопоставлении этому жизнь познается только жизнью. Необходимо всемерно учитывать то, что «мышление — это продукт бытия» (М. Хайдеггер). Нужно держать себя открытым к той «очевидности», на которую указывали И. Гете, Ф. Ницше. Но все это не должно вести к чему-то только субъективному, мало основанному. В целом, базисные для данной работы методологические разработки В.А. Кутырева находятся в русле общемировых тенденций по созданию новой формы рациональности, адекватной современным вызовам и специфике постнеклассических объектов исследования. Предположим, что целый ряд новаций В.А. Кутырева в этом плане вполне может носить общезначимый характер. К примеру, есть все основания считать, что новая современная форма рациональности — это коммуникационная рациональность, всегда открытая и учитывающая необходимость взаимодействия, диалога с научным сообществом и обществом в целом [1]. У В.А. Кутырева коммуникационная составляющая его теоретических взглядов прямо представлена в каждой смысловой части (главе) его работы через параграф «Выбранные места из переписки с читателями», где автор отвечает на реальные вопросы по соответствующей проблематике его теоретических воззрений. Также весьма интересно и общезначимо выглядит авторское видение подключения эссеистики к изложению современной философской проблематики: «Когда теоретик опускается (поднимается?) до рассмотрения конкретных жизненных ситуаций, ткань его рассуждений естественным образом начинает дробиться, расчленяться на проблемные части, что в литературно-публицистическом плане предстает как эссе, этюды, афоризмы, то есть разного уровня размышления “за жизнь”. Мы не боимся такой квалификации предлагаемой читателю книги. Наоборот, считаем это особенностью духа времени и запросом к философии, которая, взяв на себя роль служанки науки и техники, их “оператора по клинингу” in toto оторвалась от реальных вопросов человеческого бытия» [3, с. 16]. В этом же контексте можно еще точнее и глубже согласиться с общим смыслом указания В.А. Кутырева на то, что в определенной части его новая книга есть «продолжение ранее опубликованных эссе и афоризмов в книге “Унесенные прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире”. СПб.: Алетейя, 2016. И не только продолжение, а частичное, по некоторым проблемам, их воспроизведение, только в новом контексте и при более жесткой идейной установке в оценке происходящего» [3, с. 18]. В этих строчках текста В.А. Кутырева все-таки слышится определенный учет (оправдание перед?) такого современного феномена, как проверка на анти-само-плагиат. Укажем, что строгое следование рекомендациям данных проверок могло привести в древние времена к запрету

высказывания «Карфаген должен быть разрушен!». Абсурдность последнего не просто разрешает, но даже требует постоянного повторения в новом контексте наиболее удачных, мощных эссе и афоризмов; это еще один шанс к тому, что «так продлимся».

Красной нитью (смысловым стержнем) последней книги В.А. Кутырева выступает идея, требование практической, политической защиты человеческого от пост-вне-человеческого. Это заявляется в самом начале работы: «Предлагается опыт жизненно-практического философствования (*field philosophy*) в условиях, когда судьба человека стала определяться технологиями... Общий девиз идеологии сопротивления самоапокалипсису человечества: *Науку и технологии — под контроль общества. Этический и законодательный, постоянный, жесткий! Тогда продлимся...*». Это, так или иначе, затрагивается во всех частях книги. Этим заканчивается труд В.А. Кутырева, где название последней части «Антропоконсерватизм: науку и технологии — под контроль общества» [3, с. 4, 14, 226].

Практико-политическая нацеленность работы В.А. Кутырева, с одной стороны, связывает все содержание книги в единое смысловое целое, с другой стороны, выражает в очень яркой теоретико-эмоциональной форме. Последнее обусловлено очень удачной общей структурой основного содержания книги. Первая часть посвящена техносу, его все возрастающей мощности, распространности и субъектности. Вторая, третья, четвертая части работы посвящены идущей техногенной трансформации природы, общества, человека. В пятой части нарастающая техногенная угроза предстает как что-то привлекательное и желанное — «фальшизм как идеология трансгуманизма». Соответственно, шестая часть книги — где формируется требование поставить науку и технологии под человеческой контроль общества — воспринимается как ожидаемая и закономерная форма спасения.

Все шесть разделов книги В.А. Кутырева представляют собой дальнейшее уточнение и развитие теории и практики защиты человеческого от пост-вне-человеческого. В первой части работы — «Технос решает все(x)» — нам видится два смысловых центра. *Первый* смысловой центр имеет в основе ответ на вопрос «какая самая большая ложь прогрессированной цивилизации?»: «Вера, что для благополучной и счастливой жизни человечеству не хватает средств. Все наоборот. К началу XXI века на одного человека вещей и благ приходилось в 100 раз больше, чем он имел к началу века XX. Не говоря уже о тысячелетиях великой доиндустриальной истории» [3, с. 20]. Эти вопрос и ответ разрывают воспринимаемую как самоочевидную связь между смыслом жизни, человеческой деятельностью и ее обеспечивающим техногенным развитием. Соответственно, обнаруживается во многом бессмысленное постоянное прогрессивное увеличение и расширение.

Многочисленные примеры, приводимые В.А. Кутыревым в подтверждение этого вывода, ценны как сами по себе, так и в плане закономерного выхода на второй смысловой центр этой части работы, который указывает на растущую субъектность техногенного развития: «"Крот истории", как говорили раньше, копает самостоятельно. В эпоху Просвещения, в марксизме уповали на него, полагая, что он копает в пользу человека, ради его лучшей жизни... Сейчас видно, что крот-то техногенный» [3, с. 25]. Сегодня открывается, что

собственное техногенное развитие представляет собой растущую взаимосвязь таких высоких технологий, как нанотехнологии, искусственный интеллект, робототехника [4, с. 73, 91]. В связи со всем этим, считаем, что рост субъектности техногенного развития — важнейшей объект дальнейшего и постоянного теоретического осмысления.

В центре второй части книги — «При-род(ин)а или смерть» — тема фактического исчезновения природы как природы, замены природы «природоподобными изделиями»: «Природа, в точном смысле слова... уже погибла. Газоны, парки, каналы, соотносясь с потребностями человека и выступая в функции природы, не имеют самостоятельного значения» [3, с. 62]. В плане затрагивания темы биосоциальной природы человека, В.А. Кутырев набрасывает очень значимое для современной теории и практики общее видение ситуации с современной медициной: «достижения медицины громадны», но «побеждая многие тяжелые болезни, она высвобождает место для более тяжелых. Налицо явный прогресс: в углублении болезней и сложности их лечения; все болезни становятся хроническими; в отсрочке смерти и болезненности жизни; вместо здоровья или смерти бытие в “третьем состоянии”» [3, с. 83].

Третья («О прекрасно деградирующая цивилизация») и четвертая («Про(сти)щай, Человек») части книги нацелены на всестороннее освещение проблемы нарастающей постчеловеческой трансформации общества и человека. Очевидно, что В.А. Кутыреву очень важно показать здесь, наряду с очевидными проявлениями постчеловеческого, что многие и многие возмущающие гуманистически настроенных людей феномены современности, в конечном счете, способствуют становлению пост-вне-человеческой реальности. «Переход к машинной проверке знаний, которая с очевидностью ведет к примитивизации мышления, лишению его кре-а(к)тивного, творческого компонента, к потере образности и ассоциативности. К оглуплению, механизации сознания» [3, с. 83]. Подобному «механизированному сознанию» уже комфортней вступать в коммуникацию не с человеком, а с венцом «механизированного сознания» — искусственным интеллектом, со всеми вытекающими из известной диалектики раба и господина последствиями. К несомненным достижениям всего этого изложения являются исторические экскурсы, параллели, личные воспоминания и ощущения, именно — человеческого существования (здесь, действительно, авторские годы реальной жизни — «его богатство»). «Если человеку в XIX веке сказали, что люди перестанут петь и плясать, они вряд ли поверили бы. Посчитали невероятным. Так мы сейчас не верим, что к концу XXI века люди перестанут разговаривать живыми словами. Хотя к этому все идет, к этому стремятся — к цифровизации и электронным коммуникациям, а потом к коммутации: «от мозга к мозгу». Над ней “работают ученые”» [3, с. 141].

В.А. Кутырев критикует трансгуманизм с самого начала его появления. В пятой части работы — «Фальшизм как идеология трансгуманизма» — критика трансгуманизма выводится на новый качественный уровень и прямо соотносится с современным этапом развития общественной жизни. Идентифицируя современную философию трансгуманизма как философию фальшизма, В.А. Кутырев указывает на то, что многие сторонники трансгуманизма либо лукавят, либо, действительно, не понимают того, что они поддерживают

трансгуманизм, пост-вне-человеческое. В своем общем виде фальшизм — это когда: «провозглашая конец эволюции живого на Земле, одновременно продолжают называть некое возникающее вместо него “технологическое нечто” Homo sapiens-ом». Обвинение в фальшизме — требование внесения ясности в свою позицию в вопросе принципиальной разницы между человеческим и пост-вне-человеческим. Снятие обвинения в фальшизме основывается на однозначном выборе либо человеческого, либо пост-вне-человеческого. В этом случае особо неприятны «силы и люди, предпочитающие ничего опасного не замечать. Когда им указывают на факты и прямые самопризнания адептов “отмены человека”, отделиваются фразой: это эмоции, вы слишком пессимистичны» [3, с. 11, 13].

В шестой, заключительной части книги — «Антропоконсерватизм: науку и технологии — под контроль общества» — речь идет о практической составляющей теории защиты человеческого от пост-вне-человеческого. В целом, для В.А. Кутырева и, скорее всего, для всех вдумчивых читателей его работы очевидно, что в условиях приближения к точке технологической сингулярности бороться с пост-вне-человеческим нужно не только на теоретическом, но и на практическом, политическом уровнях. В плане дальнейшего собственного развития теории В.А. Кутырева здесь можно предположить следующее. Все творчество В.А. Кутырева свидетельствует о том, что он понимал реальную силу научно-технического развития, которое сейчас прямо нацелено на создание собственной пост-вне-человеческой реальности. В связи с этим, насколько мы понимаем, В.А. Кутырев не исключал вариант того, что человеческое может проиграть в борьбе с пост-вне-человеческим: «Смысл жизни — бороться за ее сохранение. Надеясь на Черного Лебедя или даже без надежды, победить. Так живут смертные индивиды. Так должно жить состоящее из них общество». Но в книге есть и более оптимистические, обнадеживающие для человеческого строки-требования: «*Науку и технологии — под контроль общества. Этический и законодательный, постоянный, жесткий! Тогда продлимся...*» [3, с. 261]. Из них вытекает, что может быть создана специфическая посттехногенная цивилизация, которая смогла бы, с одной стороны, сохранить все положительное, связанное с научно-техническим развитием, с другой стороны, постоянно купировать опасные выходы в сторону формирования пост-вне-человеческой реальности. Возможно, что мысль В.А. Кутырева склонялась к последнему. Необходимо, чтобы так было в действительности человеческого настоящего и будущего.

Список литературы

1. Пружинин Б.И., Антоновский А.Ю., Воронина Н.Н., и др. Коммуникация в науке: эпистемологические, социокультурные, инфраструктурные аспекты. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. Т. 11. С. 23–57.
2. Кутырев В.А. Универсальный эволюционизм или коэволюция // Природа. 1988. № 8. С. 4–10.
3. Кутырев В.А. Человек технологий, цивилизация фальшизма. Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. 288 с.
4. Маслов В.М. Философия техники: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021. 119 с.

References

1. Pruzhinin BI, Antonovskii AYu, Voronina NN, et al. Communications in Science: Epistemological, Sociocultural and Infrastructural Aspects. Materials of the Round Table. *Voprosy Filosofii*. 2017;11:23–57. (In Russ.)
2. Kutyrev VA. Universal'nyi ehvolyutsionizm ili koehvolyutsiya. *Priroda*. 1988;(8):4–10. (In Russ.)
3. Kutyrev VA. *Chelovek tekhnologii, tsivilizatsiya fal'shizma*. Saint Petersburg: Aleteiya, 2022. 288 p. (In Russ.)
4. Maslov VM. *Filosofiya tekhniki: uchebnoe posobie*. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii gosuniversitet im. N.I. Lobachevskogo, 2021. 119 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Вадим Михайлович Маслов — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия. **E-mail:** maclov@bk.ru

---

Information about the author

Vadim M. Maslov — professor of the Department of Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia. **E-mail:** maclov@bk.ru

УДК 141.5

DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.7>

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ С.Ю. КОЛЧИГИНА «ПЕРЕД СВЕТОМ (ОЧЕРК ФИЛОСОФИИ РОССИИ XIX–XXI ВЕКОВ)»

В.Т. Фаритов

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 11.01.2023

В окончательном варианте: 28.02.2023

■ Для цитирования: Фаритов В.Т. Рецензия на монографию С.Ю. Колчигина «Перед светом (Очерк философии России XIX–XXI веков)» // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 59–64. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.7>

Аннотация. Рецензия посвящена новой монографии доктора философских наук, профессора, заведующего отделом онтологии и теории познания Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан Сергея Юрьевича Колчигина «Перед светом (Очерк философии России XIX–XXI веков)», вышедшей в свет в 2021 году.

Ключевые слова: русская философия; русский космизм; мистика; евразийство.

THE REVIEW OF THE MONOGRAPH BY S.YU. KOLCHIGIN “BEFORE THE LIGHT (ESSAY ON THE PHILOSOPHY OF RUSSIA OF THE 19TH – 21ST CENTURIES)”

V.T. Faritov

Samara State Technical University, Samara, Russia

Original article submitted: 11.01.2023

Revision submitted: 28.02.2023

■ For citation: Faritov V.T. The Review of the Monograph by S.Yu. Kolchigin “Before the Light (Essay on the Philosophy of Russia of the 19th – 21st Centuries)”. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):59–64. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.7>

Abstract. The review is devoted to the new monograph of Sergei Yu. Kolchigin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Institute of Philosophy and Political Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, “Before the Light (Essay on the Philosophy of Russia of the 19th–21st Centuries)”, published in 2021.

Keywords: Russian philosophy; Russian cosmism; mysticism; Eurasianism.

История отечественной философской мысли характеризуется неоднозначными, противоречивыми и взаимоисключающими оценками в научно-исследовательской практике. Вопрос об отношении русской религиозной философии к наследию европейской мысли в целом до сих пор сохраняет проблематичный характер. Можно выделить две крайние позиции. С одной стороны, утверждается тотальная детерминированность русской мысли западными источниками и образцами, вплоть до отрицания ее самобытности и оригинальности. С другой стороны, русская религиозная философия рассматривается в качестве полностью несводимой к европейскому влиянию. В одном случае русская философия наделяется статусом продолжения или ответвления, порождения европейской. В другом — она полностью изолируется от западной традиции.

Русская мысль как источник национально-культурного самосознания пробуждается в ситуации кризиса метафизической парадигмы европейской философии, который имеет своим содержанием исчерпанность потенциала западной метафизики и культуры. Европейская метафизика Средних веков представляет собой выражение духа католицизма, метафизика Нового времени — выражение духа протестантизма. Соответственно, противоречия двух западных ветвей христианства получают непосредственное отражение в западной метафизике. Но не получают своего разрешения. Европейская метафизика гибнет вместе с европейской цивилизацией — данный пункт станет ясным в начале XX столетия с появлением главного труда О. Шпенглера. Возможный путь преодоления кризиса — это движение мысли в сторону Востока. Но это путь уже не европейской, а русской философии и культуры.

В точке слома и краха западной мысли начинает формироваться русская мысль. Указание на это дается в программной работе В.С. Соловьева «Кризис западной философии», датированной 1874 годом. Ф. Ницше в это время только автор «Рождения трагедии» и «Несвоевременных размышлений». Высоты своей мысли он еще не достиг, и тем более не пришла пора его популярности и влияния. Но уже известны результаты мысли Э. фон Гартмана и А. Шопенгауэра, знаменующие обращение европейской философской мысли по ту сторону собственной культуры — от Запада к Востоку. В этой связи В.С. Соловьев отмечает: «И тут оказывается, что эти последние необходимые результаты западного философского развития утверждают, в форме рационального познания, те самые истины, которые в форме веры и духовного созерцания утверждались великими теологическими учениями Востока (отчасти древнего, а в особенности христианского). Таким образом, эта новейшая философия с логическим совершенством западной формы стремится соединить полноту содержания духовных созерцаний Востока» [1, с. 177].

Западная философия развивалась на основе теологических учений католичества и протестантизма. Кант и Гегель остаются в рамках духа протестантизма, преодолевая границы лишь схоластической метафизики. Наследие восточного христианского богословия не было воспринято европейскими метафизиками. Эта область — подлинная *terra incognita* западной мысли. Пройдя свой путь, достигнув своих пределов и горизонтов, европейская философия и культура интуитивно и бессознательно подошли к тому, что столетия назад было высказано отцами Православной Церкви. У этой черты западная

философия останавливается, устремляя свой взор к другим берегам, для нее недостижимым. Или она движется по пути своего разложения в различных ответвлениях позитивизма и «постмодернизма», в философии без метафизики.

Новый импульс метафизика получит в русской религиозной философии, путь которой есть, с одной стороны, усвоение и одновременно преодоление «логического совершенства западной формы», а с другой стороны, раскрытие философского и культурообразующего потенциала восточного богословия. Путь этот еще не пройден, по сути, мы стоим лишь в его начале. И в русской философской мысли это содержание восточного богословия подчас лишь еще с большим трудом пробивается сквозь формы западной логики и онтологии. Одно только усвоение этой формы стоило нам немалых усилий, еще больше силы потребуется, чтобы преодолеть это ученичество, которое нередко приобрело у нас характер европейской псевдоморфозы.

В свете приведенных выше соображений обращает на себя внимание монография С.Ю. Колчигина «Перед светом (Очерк философии России XIX–XXI веков)», опубликованная в 2021 году. Как отмечает сам автор, «эта книга — не столько теоретический трактат, сколько эссе, очерк, эскиз. Это свободное размышление над проблемами, взятыми из опыта мыслителей и духовных наставников России как общей родины великого множества народов» [2, с. 3]¹. В предлагаемой вниманию читающей публике книге автор ставит задачу эксплицировать единую линию эволюции и содержания русской философской мысли, вбирающей в себя все ее многообразные и гетерогенные пути и искания: «Во всяком случае, несмотря на множество метаний русского человека, необходимо и возможно рассмотреть философию России как единую линию. Линию не столько исторической преемственности, сколько преемственности в духе, в вертикали главных истин бытия человека в мире» [2, с. 8]. Проблема, согласно автору, состоит в том, что «история русской мысли при поверхностном взгляде предстает как пестрая мешанина, калейдоскоп идей, направлений, персоналий. Как постичь эту историю в целом, объять ее в главных чертах и, быть может, в некоем едином направлении движения, пускай, и со многими ответвлениями?» [2, с. 9].

С первых страниц профессор С.Ю. Колчигин отвергает применение критериев западной философии: «Тогда перед нами онтология и гносеология, феноменология и персонализм и т. д. Но все они суть направления именно западной, а не русской, философии. Хотя все они имели место в России, выражает ли подобная классификация специфику русской мысли?» [2, с. 9]. Проблема сформулирована верно. Сложно не согласиться, что имевшая место многоаспектная рецепция русской философской мыслью наследия европейской философии не выражает сущностных характеристик самой русской философии. Хотя в исследовательской литературе встречаются и противоположные точки зрения, основанные на тенденции сведения русской философии именно к рецепции западного наследия. Но данное обстоятельство лишь указывает на сложность и неоднозначность проблемы. Автор монографии, на наш взгляд, несколько торопится с ответом на поставленный вопрос, формулируя уже

¹ Цитаты приводятся по изданию: Колчигин С. Перед светом (Очерк философии России XIX–XXI веков). — Алматы: СаГа, 2021. — 224 с.

в самом начале работы тезис, что именно «вопрос о всеобщей гармонии и каждой отдельной душе человеческой был поставлен в начале того пути, который проделала русская мысль за последние столетия» [1, с. 10]. В такой формулировке содержится соблазн свести русскую философию целиком и полностью к проблематике этического характера и утвердить одностороннюю антитезу: европейская мысль — онтология и гносеология, русская — этика. Европейская мысль абстрактна, русская — конкретна. Подобная оппозиция несправедлива именно в силу своей отвлеченной односторонности. Русская философская мысль онтологична не в меньшей степени, чем западная. И решение вопросов этического характера отнюдь не оттесняет на задний план онтологию. Этика в русской философии представляет собой результат онтологических изысканий — нередко носящих характер систематических логических построений. Но онтология в русской философии иная, чем в европейской. Она не отсутствует, не является предметом пренебрежения в силу приоритетности этической проблематики, но происходит из другого источника, нежели онтология западной мысли. Проблема осложняется тем, что онтология русской философии находится в сложных взаимоотношениях притяжения-отталкивания с онтологией европейской. Тщательно разработанный категориально-понятийный аппарат, высокий концептуально-методологический уровень оказывали на многих русских философов подчас гипнотическое воздействие. И вместе тем с тем русская философская мысль в лице своих наиболее значимых представителей всегда двигалась в направлении преодоления «европейской псевдоморфозы» и поиска собственных путей. Влияние западной традиции прослеживается преимущественно на уровне формы мысли (категории, методы, подходы), в то время как на содержательном уровне в русской философии формируется онтология принципиально иного типа [3].

Но вернемся к книге. После размышлений о духовных поисках Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого автор обращается к центральной для русской философии идее всеединства. «Но что же не так с идеей всеединства? А то, что “все едино” может значить “все равно”, “безразлично”. И эту опасность надо всегда иметь в виду, когда речь заходит о всеедином» [2, с. 62]. С.Б. Колчигин поясняет свою мысль с помощью музыкальных метафор: «...всеединство не должно быть всеядностью или всеобщим равнодушием. В этом случае оно — неполное всеединство и какофония. А должно быть — симфонией, гармонией духа. Полифонией в единой для всех голосов тональности. И даже когда тональность меняется, то это означает, что в новый тон одновременно переходят и все составляющие симфонию инструменты и мелодии» [1, с. 61]. Автор монографии рассматривает позиции таких мыслителей, как В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и С.Н. Булгаков, М.М. Бахтин.

Второй раздел монографии посвящен уже русскому космизму. Проблема размежевания русской мысли с наследием запада здесь одна из основных: «Когда Федоров пишет о Канте, то критикует, по сути, саму сердцевину философии Запада. Критика Канта (в смысле несогласия с Кантом) у Федорова мощная по всем пунктам. Хотя, конечно, с перехлестами» [2, с. 76]. Через учения Федорова, Циолковского и Вернадского автор приходит к актуальным проблемам современной эпохи, связанным с «с идеей инновационных технологий, с развитием искусственного интеллекта, роботизацией» [2, с. 133].

Заглавие третьего раздела монографии представляет собой латинский вариант заглавия всей книги: “Ante lucem”. Здесь автор обращается в основном к русским поэтам и мистикам. Снова в центре внимания проблема всеединства и — на этот раз — преимущественно мистические варианты ее разрешения. Склонность к мистическому представляется в качестве одной из существенных черт русской философской мысли: «Мы уже видели, что вся русская религиозная философия проникнута не просто интеллектуальными разговорами о Боге и душе — она вся проникнута мистическими и религиозными озарениями и откровениями, пророчествами и видениями, встречами с небожителями и нисхождением высшей, поистине небесной мудрости» [2, с. 174].

Завершающий раздел посвящен размышлениям о значении и судьбе русского народа. От мистики Даниила Андреева автор обращается к концептуальному горизонту еврейства: «Следовательно, методологический подход к исследованию феномена евразийства должен быть сегодня примерно следующим. Необходимо рассмотреть: что на планете Земля сохраняется для будущего, какие территории, природные богатства, доселе скрытые неосвоенные ниши — те, в которых можно будет укрыться в случае любых катаклизмов. А также: какие новые формы общежития появятся в мире и Евразии и что ставится во главу угла этих новых форм» [2, с. 210]. Автор резюмирует: «При этом Освальд Шпенглер, Петр Данилевский, Григорий Распутин, Петр Савицкий, Эдгар Кейси говорили о том, что центр мировой цивилизации, скорее всего, переместится во внутреннюю Евразию, а именно — в Сибирь. Евразийский континент станет колыбелью нового человечества, тогда как многие другие части планеты Земля исчезнут или станут непригодны для жизни в силу природных и техногенных катаклизмов. Собственно, роль Сибири и, во многом, Казахстана в будущем человечества очевидна, поскольку это одни из немногих огромных по территории регионов, чьи таежные и степные пространства остаются экологически почти нетронутыми и малонаселенными» [2, с. 212]. И вывод: «Будущее — за Россией и, шире говоря, внутренней Евразией как метаисторической территорией и как новым человечеством, заселяющим ее геостратегически перспективную часть» [2, с. 216].

Таково содержание новой книги Сергея Юрьевича Колчигина, доктора философских наук, профессора, заведующего отделом онтологии и теории познания Институт философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан. В целом монография представляет собой авторские размышления на тему русской философии и культуры. Размышления глубоко личностны, часто даны от первого лица и со ссылкой на личный опыт. Текст написан простым и одновременно научным языком. Достоинством книги является тесная связь теоретических положений с конкретной практикой научного познания. Антропологическая, онтологическая и этическая проблематика русской философской мысли изложены просто и ясно. Книга будет полезна и интересна не только философам, но и широкому кругу читателей, поскольку может послужить хорошим введением в живой и актуальный контекст русской философской мысли от Ф.М. Достоевского до современности. Уже сам факт обращения к подобной теме весьма знаменателен в современной ситуации, когда значительная часть исследований в области философии сосредоточена

на особо «злободневных» и «актуальных» темах. Но диалог в вечности возможен всегда.

Список литературы

1. Соловьев В.С. *Философское начало цельного знания*. Минск: Харвест, 1999. 912 с.
2. Колчигин С. *Перед светом (Очерк философии России XIX–XXI веков)*. Алматы: SaGa, 2021. 224 с.
3. Фаритов В.Т. Кризис западного богословия: идея «смерти Бога» в учениях Х. Яннараса и Т. Альтицера // *Вестник Самарского государственного технического университета*. Серия: Философия. 2022. Т. 4, № 4. С. 11–20. DOI: 10.17673/vsgtu-phil.2022.4.2

References

1. Solov'ev VS. *Filosofskoe nachalo tsel'nogo znaniya*. Minsk: Kharvest, 1999. 912 p. (In Russ.)
2. Kolchigin S. *Pered svetom (Ocherk filosofii Rossii XIX–XXI vekov)*. Almaty: SaGa, 2021. 224 p. (In Russ.)
3. Faritov VT. The crisis of western theology: the idea of the «death of God» in the teachings of H. Yannaras and T. Altitser. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2022;4(4):11–20. (In Russ.) DOI: 10.17673/vsgtu-phil.2022.4.2

Информация об авторе

Вячеслав Тависович Фаритов — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия. **E-mail:** vfar@mail.ru

---

Information about the author

Vyacheslav T. Faritov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, Samara, Russia. **E-mail:** vfar@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.А. БАЖАНОВА «КУЛЬТУРНЫЙ МОЗГ – НЕЙРОНАУКА – МАТЕМАТИКА. ПРИСЛУШИВАЯСЬ К И. КАНТУ»¹

Р.О. Исаев

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 11.01.2023

В окончательном варианте: 20.02.2023

■ Для цитирования: Исаев Р.О. Рецензия на монографию В.А. Бажанова «Культурный мозг – нейронаука – математика. Прислушиваясь к И. Канту» // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 65–68. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.8>

Аннотация. В течение последних 20–25 лет в отечественной философии и методологии науки произошли значительные перемены: философы науки активно исследуют новые способы решения проблем, стоящих перед современной методологией, привлекая все больше новых предметных сфер науки. Вместе с тем опыт исследований, накопленный в предыдущий период, продолжает оказывать серьезное влияние на нынешнее состояние философии науки в нашей стране. Автор монографии умело соединяет классические гностические подходы Канта и современные контексты, тем самым раскрывая проблематику социоцентризма. Апелляция в тексте работы к эстетическим областям человеческого знания выглядит абсолютно логично, учитывая избранный автором контекст изучения культурного мозга.

Ключевые слова: когнитивные исследования; нейронаука; методология; гносеология; математика.

THE REVIEW OF THE MONOGRAPH BY V.A. BAZHANOV “CULTURAL BRAIN – NEUROSCIENCE – MATHEMATICS. LISTENING TO I. KANT”

R.O. Isaev

Samara State Technical University, Samara, Russia

Original article submitted: 11.01.2023

Revision submitted: 20.02.2023

■ For citation: Isaev R.O. The Review of the Monograph by V.A. Bazhanov “Cultural Brain – Neuroscience – Mathematics. Listening to I. Kant”. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):65–68. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.8>

Abstract. Over the past 20–25 years, significant changes have taken place in the Russian philosophy and methodology of science: philosophers of science are actively exploring new ways to solve the problems facing modern methodology, attracting more and more new subject areas of science. At the same time, the research experience accumulated in the previous period continues to have a serious impact on the current state of the philosophy of science in our country. The author of the monograph skillfully combines the classical gnostic approaches of Kant and modern contexts, thereby revealing the problems of sociocentrism. The appeal in the text of the work to the aesthetic areas of human knowledge looks absolutely logical, given the context of the study of the cultural brain chosen by the author.

Keywords: cognitive research; neuroscience; methodology; epistemology; mathematics.

¹ Бажанов В.А. Культурный мозг – нейронаука – математика. Прислушиваясь к И. Канту. — М.; СПб.: Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив, 2021. — 194 с. — (Приложение к журналу «Кантовский сборник»).

Проблема рецепции и последовательного развития кантианской исследовательской программы в современной нейронауке вызывает существенный интерес в профессиональном сообществе и имеет особую значимость — в свете роли этой интеллектуальной традиции в различных исследовательских коллективах, давших миру выдающихся мыслителей (Э.Г. Целлер, Ш.Б. Ренувье, Э. Кассирер и др.). Предмет изучения В.А. Бажанова сегодня столь же актуален, сколь и необходим для активного обсуждения, учитывая, что зарубежная традиция рассмотрения данной интеллектуальной традиции в современном идейном контексте в большей степени тяготеет не к онтологической проблематике, а к проблематике социальной философии, что существенно ограничивает возможный предмет анализа. Автор ищет ответы на ряд принципиальных вопросов, среди которых: каков эвристический потенциал критической философии; чем отличается процедура абстрагирования от абстракции как таковой; возможно ли числовое познание, если учитывать, что концептуальные основания уже давно интегрированы в современную картину мира и кажутся абсолютно естественными; как нейронаука может быть связана с кажущейся эфемерной сферой музыки; могут ли быть соотнесены гедонистические основания искусства и когнитивные интенции познания? И наконец: каковы условия, при которых исследовательские программы вообще могут демонстрировать свою жизнеспособность в текущей научной традиции?

Следует подчеркнуть, что ряд аспектов проблемы, избранных автором для обстоятельного изучения, были достаточно основательно проработаны в рамках современных когнитивных исследований и прежде всего в рамках социальной и культурной нейронауки. Однако лишь инструментарий философии способен оказать решающую помощь в деле анализа данной проблемы, представляя для этого мировоззренческие основания и методологические средства. Так, к примеру, онто-гносеологический подход позволил автору рассмотреть феномен «культурного мозга», включив эту тему в более общую тему законов развития научного знания в контексте культуры и социума.

Монография, на мой взгляд, отличается тщательно продуманной структурой. Работа состоит из четырех разделов. Первый («Кантианские мотивы в науке о мозге») посвящен, по сути, заглавной теме — тенденциям, с помощью которых оформляется упомянутый выше «культурный мозг». Здесь автор обращается к кантианской традиции работы с мышлением. В работе обосновывается мысль, что ментальные конструкции в социальном отношении не всегда можно соотнести с этапом протонауки, в рамках которой связь между программами познания не была институализирована.

Второй раздел монографии («Нейронаука и математика») достаточно обширен с точки зрения не только объема, но и содержания. В нем убедительно демонстрируются глубокие познания автора в части связывания математической и языковой рациональности. Необходимо отметить, что представленная в данном разделе историческая справка (со ссылками на работы различных зарубежных авторов) оформлена на высшем академическом уровне.

Появление третьего раздела («Нейронаука и музыкальное творчество») в академической монографии, если можно так выразиться, является достаточно неожиданным. Дискуссии о том, каким образом музыкальная составляющая соотносима с природным миром, особенно актуальна в последнее десятилетие.

С одной стороны, это связано с развитием нейросетей и технологий, позволяющих фиксировать обучаемость машин за счет, например, обучения музыкальной культуре. С другой стороны, идеи, согласно которым, музыка является творческим отражением математической логики, уже стали в какой-то степени классическими. С моей точки зрения, данный раздел является наиболее дискуссионным в монографии, особенно в части обсуждения формирования музыкальной ментальности. Подобные интенции возвращают нас в дискурс XX века, где развитие техники преимущественно рассматривалось через связь с искусством (в смысле «технэ»), но мощная методологическая традиция (будь то отечественная методологическая школа во главе с Г.П. Щедровицким, или же зарубежная, включающая И. Лакатоса) уже показала нам, что лучше не смешивать понятия воспроизводства и развития в рамках бытия человека.

По сравнению с предшествующими трудами В.А. Бажанова заметны рост и усложнение идейного наполнения его концепции нейронауки в плане выявления функциональных свойств идейных концептов натурализма и социоцентризма, а также потенциальной возможности их интеграции. В этой связи особое внимание следует обратить на 4-й раздел монографии — «Ипостаси социоцентризма — эвристическое значение и когнитивные ловушки: нейронаука, эпигенетика, генетика». Кроме новых, теоретико-философских положений, она имеет особую ценность для организации практической — юридической, политической, образовательной — деятельности таких научных структур, какими являются высшие учебные заведения и академические институты, инициативные исследовательские группы и фонды.

С целью прояснения нюансов, связанных с идейными «ловушками», как их называет сам автор, монография предлагает достаточно тонкую дифференциацию социоцентристских подходов. Являясь «зонтичным» понятием, интенция социоцентризма направляет мысль автора, приводя к результатам разных уровней абстрактности — от сущностно глубоких до номиналистски богатых. При этом нужно помнить, что и онтологические феномены, в частности когнитивная способность познающего субъекта, являются социально детерминированными. Отметим, что для заключительного раздела больше характерен подход номинализма — основной идейный тренд социологии знания да и в целом всей англо-саксонской мысли.

Знакомясь с монографией, нельзя не обратить внимание на богатый фактический материал, на котором основаны выводы и рекомендации автора. Автор провел обширную исследовательскую работу, позволившую ему вернуть философии ее онтологическое место в рамках современной картины мира, где техногенное развитие ставит множество сложных вопросов, требующих адекватных философских ответов.

Обобщая изложенное выше, отметим, что монография В.А. Бажанова «Культурный мозг — нейронаука — математика. Прислушиваясь к И. Канту» представляет собой заметное явление в современной философской литературе. Исследование отличается междисциплинарностью и демонстрирует эвристическую плодотворность такого подхода.

Список литературы

1. Бажанов В.А. Культурный мозг – нейронаука – математика. Прислушиваясь к И. Канту. Москва; Санкт-Петербург: Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив, 2021. 194 с.

References

1. Bazhanov VA. *Kul'turnyi mozg – neironauka – matematika. Prislushivayas' k I. Kantu*. Moscow; Saint Petersburg: Petroglif, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2021. 194 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Роман Олегович Исаев — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия. **E-mail:** romanceisaev@gmail.com

---

Information about the author

Roman O. Isaev — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, Samara, Russia. **E-mail:** romanceisaev@gmail.com

УДК 091

DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.9>

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА В.С. СТЕПИНА. МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В МИНСКЕ

М.Р. Дисько-Шуман

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 03.12.2022

В окончательном варианте: 28.12.2022

■ Для цитирования: Дисько-Шуман М.Р. Памяти академика В.С. Степина. Международная конференция в Минске // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 69–74. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.9>

Аннотация. Публикация представляет собой обзор международной конференции, прошедшей 24 ноября 2022 года в Минске (Республика Беларусь) и посвященной памяти академика В.С. Степина.

Ключевые слова: международное сотрудничество; Минская философско-методологическая школа; академическое сообщество; традиции и новации.

IN MEMORY OF ACADEMICIAN V.S. STEPIN. MINSK INTERNATIONAL CONFERENCE

M.R. Dzisko-Schumann

Belarus State University of Informatics and Radio Electronics, Minsk, Belarus

Original article submitted: 03.12.2022

Revision submitted: 28.12.2022

■ For citation: Dzisko-Schumann M.R. In Memory of Academician V.S. Stepin. Minsk International Conference. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):69–74. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.9>

Abstract. The paper presents a review of the international conference, that was held on November 24, 2022 in Minsk (Republic of Belarus) and dedicated to the memory of Academician V.S. Stepin.

Keywords: international cooperation; Minsk Philosophical and Methodological School; academic community; traditions and innovations.

На факультете философии и социальных наук Белорусского государственного университета, совместно с кафедрами философии и методологии науки и философии культуры, при поддержке Института философии НАН Беларуси и Совета молодых ученых БГУ, 24 ноября 2022 года была проведена международная научная конференция памяти академика Вячеслава Семеновича Степина «Академик В.С. Степин и исследовательские традиции Минской философско-методологической школы». Академик В.С. Степин является знаковой фигурой для кафедры философии и методологии науки — будучи заведующим кафедрой с 1981 по 1987 гг., он стал основателем и идейным вдохновителем Минской философско-методологической школы. Под его непосредственным научным руководством были защищены кандидатские и докторские диссертации, идеи и научные открытия которых легли в основу философской концепции Минской школы. Несмотря на то что с 1987 года Вячеслав Семенович уже работал в Москве, его влияние на развитие философских исследований в Белгосуниверситете оставалось весьма значимым. Научная конференция стала результатом совместных усилий белорусских и российских исследователей. В программный комитет конференции вошли выдающиеся ученые: представители Института философии РАН, Института философии и Института социологии НАН Беларуси, ведущих учебных заведений Российской Федерации и Республики Беларусь.

Декан факультета философии и социальных наук БГУ, доцент В.С. Сайганова, открывая пленарное заседание, отметила выдающуюся роль академика В.С. Степина в развитии философских традиций университета, и его огромное влияние на формирование проблематики философско-методологических исследований на факультете. В память и в честь заслуг Вячеслава Семеновича на факультете учреждена премия его имени для молодых ученых, студентов и аспирантов, первые лауреаты которой определены конкурсной комиссией уже в 2023 году.

Директор Института философии НАН Беларуси Лазаревич А.А., выступая с приветственным словом, подчеркнул необходимость исследования национального философского наследия, в котором фигура академика В.С. Степина, безусловно, занимает особое место. Сотрудники Института философии НАН Беларуси успешно разрабатывают вопросы, связанные с изучением истории становления белорусской национальной философии, равно как и касающиеся тенденций развития современной философской мысли. Продолжается работа над многотомным изданием «Истории философской и общественно-политической мысли Беларуси» (в 6 томах), четыре из которых уже опубликованы. Творческое наследие академика В.С. Степина, как одного из цитируемых современных философов, его биография, жизненный и профессиональный путь станут предметом энциклопедической статьи в следующих томах. Также была подчеркнута необходимость развития и углубления связей академического и студенческого сообществ и привлечения молодых ученых, студентов и аспирантов в научные темы, проекты, исследования.

На кафедре философии и методологии науки Белгосуниверситета при поддержке Совета молодых ученых БГУ с 2005 года организуется научно-теоретический семинар студентов, аспирантов и молодых ученых. В этом году проведение семинара было приурочено к конференции и прошло под актуальной

темой «Инновационные стратегии в современной социальной философии». Как отметила доцент кафедры философии и методологии науки В.В. Анохина, автор концепции и многолетний куратор семинара, вовлечение студентов в научно-исследовательскую жизнь кафедры, обучение их нормам исследовательской работы и научной коммуникации, трансляция «подлинного духа» академического сообщества — вот те основные задачи, которые должен был решить научно-теоретический семинар. Организованный вначале в рамках кафедры философии и методологии науки, уже с 2010 года семинар стал проводиться в международном формате, участие в котором в течение многих лет принимают молодые исследователи из стран СНГ и ближнего зарубежья. Актуальность и необходимость проведения такого семинара отметила в своем приветственном слове и председатель Совета молодых ученых БГУ А.И. Киселевич.

Конференция была организована в ставшем уже привычным аудиторно-дистанционном формате, который позволяет в сложившихся условиях рисков пандемии, не прерывать многолетних связей научных коммуникаций. Участники конференции активно обсуждали различные актуальные вопросы современной эпистемологии, философии и методологии науки, социальной философии, истории философии и философии культуры. Тематика пленарных докладов касалась различных аспектов развития научного знания в контексте современных социальных трансформаций.

На пленарном заседании, в онлайн-формате, выступили представители российского академического сообщества, доктора философских наук, Борис Исаевич Пружинин и Татьяна Геннадьевна Щедрина. В их совместном докладе, посвященном проблеме становления и развития феномена экспертизы в современном научном познании, был обоснован особый статус экспертной деятельности в науке, которая в силу своей специфики зачастую обусловлена социальными контекстами, вследствие чего теряется ее объективность. Различия между фундаментальными и прикладными исследованиями детерминируют направленность экспертной деятельности, прежде всего на результаты прикладных исследований, в то же время необходимое включение результатов фундаментальных исследований в качестве оснований экспертной деятельности позволит сделать ее более эффективной и соответствующей современному этапу развития научного познания, объектами которого становятся сегодня «человекообразные» системы. Вячеслав Семенович Степин в своих работах всегда подчеркивал ведущую роль фундаментальных исследований в развитии научного знания, без результатов которых построение сложных теоретических моделей объяснений в принципе невозможно.

Профессор кафедры философии и методологии науки А.И. Зеленков, возглавивший кафедру после отъезда Вячеслава Семеновича в Москву, в своем пленарном докладе отметил необходимость присутствия харизматичного лидера научной школы, такого лидера, который является как выдающимся научным исследователем, так и эффективным организатором, или в современной терминологии «креативным менеджером». Формирование научной школы в рамках дисциплинарно-организованного научного сообщества является процессом сложным, результат которого зависит от множества как внеучных, так и внутринаучных интеллектуальных факторов. Вячеславу Семеновичу успешно удавалось найти баланс между данными факторами, которые

порой имели различные векторы развития. В рамках философско-методологического анализа становления и развития институализированного научного познания весьма значимо исследование процесса формирования научных школ и экспликация механизмов трансляции научной традиции. В своем докладе профессор А.И. Зеленков обозначил три этапа в истории развития Минской философско-методологической школы. «Условно, в истории становления и функционирования Минской философско-методологической школы можно выделить три этапа» [1, с. 155].

Первый этап приходится на 60–70-е гг. XX века, в этот период происходит смена парадигмы философского мышления, перспективным направлением исследований становится философия и методология науки. Такая трансформация стала возможной благодаря совместным исследованиям философов и физиков. В.С. Степин в цикле бесед-интервью профессору И.Т. Касавину «Важно, чтобы работа не прекращалась...», которые посвящены его 70-летию юбилею, следующим образом характеризует эту веху своей творческой биографии: «Я думаю, что ядро Минской методологической школы складывалось не тогда, когда у меня появились аспиранты и неформальные ученики. Началом Минской методологической школы, если угодно — ее зародышем, были мои дискуссии с физиками Белорусской академии наук, а затем и совместная работа. Методологическую концепцию структуры научного знания и его динамики в первом приближении я уже имел. Поскольку она апеллировала к физическому материалу, физикам это было интересно. Ну и, конечно, многое определялось доверием, дружескими отношениями — ведь обсуждал я свои идеи с Л.М. Томильчиком, его коллегами и аспирантами» [2, с. 201].

Второй период — это период, в который Вячеслав Семенович возглавлял кафедру философии гуманитарных факультетов Белгосуниверситета. «Этот этап моей работы в более или менее завершенном виде относится ко второй половине 80-х годов. Это был интересный период в моей жизни. С 1981 года я стал заведующим кафедрой философии в Белорусском университете. В середине 80-х годов кафедра работала очень продуктивно. Наша работа вызвала в то время не то что зависть, хотя это тоже было, но подозрение. За мной тянулся шлейф старых историй, что, мол, Степин — скрытый диссидент. Но на кафедре возникло дружное сообщество, коллектив... На базе кафедры мы проводили круглые столы «Вопросов философии», которые печатались в этом журнале. В то время было совершенно нетривиально, чтобы в таком престижном журнале печатались люди из провинции. Издавали коллективные монографии, в которых участвовали известные философы страны и куда попадали лучшие работы сотрудников кафедры» [2, с. 71]. Профессор А.И. Зеленков отметил, что результаты работы кафедры на этом этапе оформились в защиты кандидатских и докторских работ. «Среди этих исследований в первую очередь следует назвать работы В.Ф. Беркова, А.Н. Елсукова, А.И. Зеленкова, Е.В. Петушковой. Несколько позднее докторские диссертации защитили Я.С. Яскевич, Л.Ф. Кузнецова, П.С. Карако» [1, с. 156].

Третий этап в истории Минской философско-методологической школы — это период, начавшийся с отъездом Вячеслава Семеновича в Москву и продолжающийся до настоящего времени. Период, в котором идеи академика В.С. Степина получили дальнейшее развитие как в рамках кафедры

философии и методологии науки, так и в рамках современной белорусской философии. Коллективу кафедры удалось сохранить не только научно-исследовательский потенциал кафедры, но и ее «особый дух», творческую атмосферу, которая позволяет растить научные кадры и обеспечивает преемственность традиций Минской философско-методологической школы. Безусловным аргументом в этом стало выступление аспиранта кафедры философии и методологии Е.Л. Терехина с докладом «Релятивизация научной рациональности в постнеклассической эпистемологии». Актуальность философско-методологической рефлексии постнеклассической науки, постнеклассического типа рациональности и концептуального синтеза трансдисциплинарных исследований обусловила активное обсуждение тезисов выступления, которое продолжилось в рамках работы одной из секций конференции «Постнеклассическая наука и перспективы трансдисциплинарного синтеза». В рамках работы конференции были организованы еще две секции — «Философская концепция культуры В.С. Степина и проблема сохранения исторической памяти в эпоху постсовременности» и «Сценарии социокультурного развития современных обществ в условиях геополитической нестабильности». В работе всех секций были представлены выступления и доклады студентов факультета философии и социальных наук, аспирантов и молодых ученых кафедры философии и методологии науки и кафедры философии культуры, а также кандидатов и докторов наук научно-исследовательских и образовательных учреждений Российской Федерации и Республики Беларусь.

Международная научная конференция памяти академика В.С. Степина, проведенная совместно с междисциплинарным научно-теоретическим семинаром студентов, аспирантов и молодых ученых, содействовала трансляции ключевых идей концепции выдающегося ученого, приобщению к философской традиции Минской философско-методологической школы новых поколений исследователей, поддержанию духа академической философии и популяризации идей и ценностей научно-философского мировоззрения.

Список литературы

1. Зеленков А.И. Минская философско-методологическая школа как феномен научной традиции // Сборник научных статей и материалов Международной научной конференции памяти академика В.С. Стёпина: «Академик В.С. Стёпин и исследовательские традиции Минской философско-методологической школы» и XVI междисциплинарного научно-теоретического семинара: «Инновационные стратегии в современной социальной философии»; ноябрь 24, 2022; Минск. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/289536>
2. Человек. Наука. Цивилизация. К 70-летию академика Российской Академии наук В.С. Стёпина / под ред. И.Т. Касавина. Москва: Канон+, 2004. 816 с.

References

1. Zelenkov AI. Minskaya filosofsko-metodologicheskaya shkola kak fenomen nauchnoi traditsii. Proceedings of the international science conference in memory of academician V.S. Stepin: «Akademik V.S. Stepin i issledovatel'skie traditsii Minskoi filosofsko-metodologicheskoi shkoly» and proceedings of the XVI interdisciplinary science and theoretical seminar: «Innovatsionnye strategii v sovremennoi sotsial'noi filosofii»; 2022 Nov 24. Minsk: Available at: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/289536> (In Russ.)

2. Kasavin IT, editor. *Chelovek. Nauka. Tsivilizatsiya. K 70-letiyu akademika Rossiiskoi Akademii nauk V.S. Stepina*. Moscow: Kanon +, 2004. 816 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Мария Робертовна Дисько-Шуман — кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: mdzisko@gmail.com

Information about the author

Marya R. Dzisko-Schumann — PhD in Philosophy, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of Culture (postdoctoral student), Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus. **E-mail:** mdzisko@gmail.com

ПУБЛИЧНОЕ И ПРИВАТНОЕ В РЕАЛЬНОМ И ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.В. Почикаева

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 19.01.2023

В окончательном варианте: 21.02.2023

■ Для цитирования: Почикаева А.В. Публичное и приватное в реальном и виртуальном пространстве // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 75–82. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.10>

Аннотация. В статье рассматривается то, как публичные и частные сферы жизни представляются в двух пространствах: в реальном и виртуальном. Анализируются концепции публичного и частного как классических авторов, так и современных. Акцент в рассмотрении проблематики публичного и частного делается на проявлении данных феноменов в виртуальном пространстве, где работают те же механизмы, что и в реальном пространстве, но с особой спецификой, включающей влияние различных агентов.

Ключевые слова: публичное; частное; реальность; информационное пространство.

PUBLIC AND PRIVATE IN THE REAL AND VIRTUAL SPACE

A.V. Pochikaeva

Samara State Technical University, Samara, Russia

Original article submitted: 19.01.2023

Revision submitted: 21.02.2023

■ For citation: Pochikaeva A.V. Public and Private in the Real and Virtual Space. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):75–82. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.10>

Abstract. The article examines how the public and private spheres of life are presented in two spaces: in real and virtual. The concepts of public and private both by classical authors and modern ones are considered. The emphasis in considering the issues of public and private is on the manifestation of these phenomena in the virtual space, where the same mechanisms operate as in the real space, but with special specifics, including the influence of various agents.

Keywords: public; private; reality; information space.

В современном обществе вопрос о границах публичной и приватной сфер жизни приобретает особенный статус — границы данных сфер становятся все более размытыми. Казалось бы, личная жизнь человека должна оставаться неприкосновенной. Однако мы наблюдаем обратную картину — люди с удовольствием делятся с другими актуальной информацией в отношении происходящего в их личной жизни, привнося публичное пространство в свое приватное, задействуя при этом различные информационные ресурсы. Это можно пронаблюдать, обратив внимание на современные социальные сети, где практически каждый третий индивид примеряет на себя роль блогера и с неподдельным удовольствием делится различными фрагментами своей приватной жизни. В данном контексте действия, совершаемые человеком, которые раньше имели отношение к приватной сфере, проникают в публичную, пронизывая ее облием личностных убеждений, ценностей, выгод, которые, по большей части, носят не всеобщий, а разрозненный характер. Такая взаимопроницаемость наблюдается в обоих пространствах жизни личности.

Е.О. Труфанова в одной из своих статей приходит к выводу о том, что в современном обществе личность живет в двух мирах: в мире реальном и в мире виртуальном, которые различаются в своем функционировании [9, с. 16]. Отчасти использование информационных технологий сейчас оказывается неизбежным, поскольку достаточно большая часть функционала реального мира релевантна и для мира виртуального, например, общение — сейчас мы можем общаться совершенно с любым человеком в любой точке мира, не соприкасаясь с ним в реальности. Отчасти интернет-общение компенсирует общение в реальности, что имеет свои последствия, например, упрощение коммуникации как таковой, упрощение слов и способов выражения мысли.

«Все течет, все движется» — сказал однажды Гераклит, и этот афоризм применим к динамике развития публичной и приватной сфер как в пространстве реальном, так и в пространстве виртуальном.

К примеру, в своей работе «Падение публичного человека», Р. Сеннет достаточно подробно описывает динамику развития публичной и приватной сфер жизни, связывая этот процесс с развитием общества, а также с урбанизацией поселений и индустриализацией. Он показывает, что в XIX веке было совершенно недопустимо выражать свои чувства и эмоции на публику, ценилась сдержанность и скрытность в поведении. Проявление своей подлинности и искренности было допустимо лишь в приближенном кругу, например, в семье. «Публичное было творением человека, приватное — условиями его существования» [7, с. 111]. Творением человека в том смысле, что в публичном пространстве всегда действовали нормы и правила, ограничивающие проявление искренности и чувственности. Иными словами, публичная сфера соотносилась с культурой, а сфера приватного с природой. Или же, если говорить словами И. Гофмана, то пространство публичного представляет собой «сцену театра», а пространство приватного — «кулисы», где индивиды осваивают определенные социальные роли, базовые нормы поведения и правила, чтобы потом выходить на «сцену» подготовленными. Неспроста его концепция зовется «теория драматургической социологии», где любые социальные пространства обладают своими зрителями и своими актерами. Иными словами, взаимодействия людей сродни спектаклю в театре, где каждый, надевая маски, играет свою роль.

Притом, количество ролей всегда сопоставимо с количеством спектаклей, в которых человек участвует. Согласно данной концепции, пространство социума включает в себя приватную зону (задний план) и публичную зону (передний план), в которых применяемые правила и стратегии поведения достаточно сильно различаются. В зависимости от зоны, в которой находится человек, поведение и социальные роли, маски сменяются [10, с. 68].

Публичная сфера (передний план) является тем местом, где личность, как правило, демонстрирует социально приемлемое поведение, соблюдает общественные правила и порядки. Важно отметить, что в переднем плане практически нет места искренности, человеку иногда приходится прикладывать большие усилия для того, чтобы соответствовать ожиданиям отдельных людей и социума в целом для поддержания уже существующего порядка вещей в обществе. В качестве примера можно рассмотреть феномен «идеальной семьи», где все члены семьи якобы являются идеальными.

Приватная сфера (задний план) связана с поддержкой безопасности личности, это место, где можно показать свое истинное Я, перестать поддерживать различные социальные роли — просто быть собой, вне зависимости от того, как честное и искреннее поведение будет оценено обществом в целом [3, с. 186–188]. Передний план (публичная зона) и задний план (приватная зона) всегда разделяются достаточно жесткой границей. Это своеобразная дверь в дом, одна сторона которой выходит на улицу — ухоженная, светлая и с витражными стеклами, а другая сторона — выходящая в дом — покрытая пылью, темная и с заклеенными витражными стеклами.

Сфера приватного — это та сфера, в которой может и должна проявляться интимность. Под интимностью понимается способность и необходимость выстраивать искренние и доверительные отношения с другими людьми. Большое внимание интимности в контексте публичного и приватного уделяет Э. Гидденс. Согласно Э. Гидденсу интимность претерпевает такие изменения, которые в своей сущности имеют крупномасштабную демократизацию межличностной сферы, то есть выстраивание таких отношений, которые подразумевали бы свободу. «Бог умер, все потаенное и сакральное, не предназначавшееся ранее для публичного обращения, обнаружится в глобальном масштабе, со скоростью звука и света» [6, с. 212]. Здесь речь как раз идет о том, как части приватного проникают в публичное, привнося за собой изменения разного рода. «Эмоциональная самореализация и экспрессия личности становится осью социального мира. Изменения в интимной сфере отражают изменение внешних условий, но развиваясь, и сами диктуют курсы изменений социальной системе» [1, с. 229]. Автономия индивида подразумевает реализацию рефлексивного проекта самости. Автономия означает способность индивидов быть само-рефлексивными и само-детерминируемыми: обдумывать, судить, выбирать и действовать различными возможными способами действия. Ю.Д. Андриевская в своей работе подчеркивает, опираясь на труды Э. Гидденса, что интимность приобретает через прохождение процесса социализации, то есть, социализируясь, личность научается выстраивать границы между тем, что должно оставаться в пределах приватного, а что можно выносить в сферу публичного. Современный человек, по большей части, проявляет меньше интереса к общественной жизни, увлеченно погружаясь в свои переживания, самопознание и размышления.

В актуальных реалиях можно проследить снижение интереса личности к общественным проблемам и делам. Отчасти это обусловлено тем, что людям теперь приходится самостоятельно упорядочивать свою жизнедеятельность, обеспечивать чувство определенности, что не всегда является возможным. Здесь, возвращаясь к понятию «здорового эгоизма», следует упомянуть, что, кроме индивида, никто не сможет позаботиться о его благополучии, комфорте. Исходя из этого, людям приходится надеяться только на себя, самостоятельно решать проблемы, преодолевать страхи и болезни. Например, при условии, что индивид испытывает некоторые трудности, которые ухудшают его физиологическое и психологическое состояние, при обращении за помощью к другим, скорее всего, он столкнется с тем, что будет обесценен, да и вообще, нужно поработать, и все пройдет. Очевидно, если человек обращается за помощью к другим и не получает ее, то с большой долей вероятности, он станет таким же безразличным, как и те самые другие. Все это реализуется также в более глобальном формате: люди перестают проявлять интерес к общесоциальным проблемам как в своей стране, так и в мире в целом, но при этом человек может пытаться решать свои личные трудности и проблемы за счет других.

Подобные размышления актуализировались в работе Х. Арендт, где она определяет публичную сферу в ее классическом первичном виде, как «вторую жизнь» человека, вышедшего из сферы частной повседневности. Для философа идеальным публичным пространством являлись площади греческих полисов, несущие функцию концентрации граждан для обсуждения и решения актуальных вопросов, а также для получения публичного признания; места, где каждый мог высказаться. Публичное пространство связано с взаимодействием людей. Это арена действия людей (*vita activa*). В основе — взаимоотношения слова (речи) и действия. Это модусы, в которых человек раскрывает себя и свою уникальность («выступает в явленность») [2, с. 25]. В данном контексте Р. Сеннет утверждает, что существует необходимость избавления от тирании интимности во благо развития индивидуальности и избавления от страха безличной жизни. По его мнению, такое положение вещей позволит развивать публичные пространства, где будут обсуждаться важные вопросы. Города как публичные пространства трансформируются в места, где будет возможно единение людей близ личностного сближения, что в итоге позволит объективно подходить к решению актуальных проблем, избегая субъективных суждений и личностных предпочтений [7, с. 390].

В виртуальном пространстве также есть проявления приватности и публичности, но выглядит все это немного по-другому. Многие авторитетные авторы говорили и говорят о том, что сферы публичного и приватного претерпевают трансформационные качественные изменения, которые касаются не только реального пространства. Сущность трансформационных изменений в сфере публичного и приватного заключается в размытии их границ, когда аспекты приватного проникают в публичное, и наоборот. Проницаемость границ между данными сферами будет лейтмотивом в дальнейшем исследовании.

Несмотря на то, что на данный момент есть возможность ограничивать информацию, которая будет попадать в публичное поле, тем самым делая виртуальное пространство более персонифицированным и удобным для собственного пользования, некоторые люди этим пренебрегают. Например, выставляют

личную информацию и свои контакты в социальные сети, или же выкладывают комментарии, которые потенциально могут разгневать других людей и в итоге привести к неприятному спору с переходом на личности. И даже если человек в итоге удалит опубликованную информацию, то в связи с гипертекстуальной природой виртуальной реальности ничто не исчезает бесследно. Стоит вспомнить пример, когда певица Бейонсе потребовала удалить одну из своих фотографий из интернета — де юре это оказалось возможным, де факто — нет, и копии фотографии продолжают распространяться до сих пор.

Одна из ключевых проблем в размытии границ между публичным и приватным в виртуальном пространстве заключается в том, что люди воспринимают свои страницы в социальных сетях и в других медиа как продолжение своего приватного пространства, где они спокойно могут делиться своими мыслями и позволять себе любое поведение. Если же человек воспринимает свои страницы в виртуальной реальности как продолжение своего приватного пространства, то он не будет ожидать непрошенных гостей, которые будут нарушать границы, однако вторжения все же происходят, поскольку виртуальная реальность не всегда работает по законам реального пространства.

В пространстве реальности человек, как правило, взаимодействует с людьми, которых допускает в свое приватное пространство, или с теми, кто принадлежит к какой-либо социальной группе, а в пространстве виртуальном человек может столкнуться с людьми, которые не относятся к привычной ему социальной группе, реакцию которых невозможно предугадать. Человек оказывается более открытым перед миром, в отличие от реальности, где он взаимодействует только с людьми, принадлежащими к определенной социальной группе. В итоге человек оказывается ответственен одновременно перед всем миром. В.А. Лекторский, говоря о последствиях развития значимости виртуального пространства, полагает, что могут возникнуть некоторые негативные последствия, которые связаны с расширением возможностей вмешательства в приватную жизнь, поскольку любые действия в сети оставляют след, как мы выяснили ранее. При этом человек перестает быть владельцем информации о своей жизни, приватное пространство становится как бы взломанным и становится объектом управления для других людей [5]. Однако в реальном пространстве приватная информация может распространяться примерно таким же образом, но со своей спецификой. Например, разговор о личных делах в каком-либо публичном месте теряет свою приватность, поскольку так или иначе другие люди становятся его свидетелями, и могут вырывать из контекста услышанное, формируя различные сплетни и слухи. Отчасти разница тут лишь в масштабах, так как в пространстве реальном люди также могут делать замечания, если будут не согласны с услышанным.

На данный момент множество авторов, исследующих феномены публично-го и приватного в виртуальном пространстве, обозначают такую проблему, как безопасность. Например, Е.О. Труфанова в заключении одной из своих статей, говорит о том, что несмотря на наличие правил поведения в сети интернет, которые могли бы обеспечить приемлемый уровень безопасности пользователя, многие люди продолжают игнорировать их. По ее мнению, вероятность того, что большая часть пользователей будет соблюдать нормы поведения в сети, практически сводится к нулю. Это касается не только межличностного

общения, но и возможности отслеживать действия пользователей в виртуальном пространстве.

В век современных технологий, в том числе технологий, связанных с сетью интернет, данная проблема становится все более актуальной. Отслеживание активности пользователей интернета может предотвращать различные опасные социальные явления. Однако также отслеживается активность так называемых “regular users”, которые не совершают правонарушений. Ключевую роль в этом процессе, как правило, занимает государство и инструменты, которыми оно пользуется для того, чтобы собирать данные от пользователей сети интернет. В данном контексте считаю справедливым обозначить такое понятие, как «Старший брат», упомянутое в известном романе Дж. Оруэлла «1984». «Большой брат» как раз и является метафорой наблюдающего государства, которое пытается контролировать активность не только потенциально опасных личностей, но и обычных пользователей (“regular users”), исходя из мотива обеспечения безопасности общества.

Данное понятие подвергается критике, поскольку на сегодняшний момент можно говорить о нескольких «Маленьких братьях», которые, как правило, работают сообща, передавая необходимые данные по запросу государства [11, с. 3]. Ограничивает ли это свободу пользователей сети? Вопрос спорный, и пока на него нет достаточно точного ответа. В России в качестве таких наблюдателей выступают агенты, задействованные в работе «пакета Яровой». Под «пакетом Яровой» подразумевается совокупность законодательных инициатив, направленных на противодействие террористической угрозе. Часть этого пакета подразумевает факт того, что данные трафика пользователей сети интернет должны храниться на протяжении некоторого времени — в течение полугода [4]. С одной стороны, подобная инициатива действительно позволяет предотвратить противоправные действия путем прослеживания динамики развития контента некоторых пользователей или организаций, с другой стороны — “regular users” могут испытывать определенный дискомфорт, понимая, что вся информация, выдаваемая ими в интернете, хранится некоторое время — здесь мы сталкиваемся с нарушением личных границ, когда другие попадают в зону приватности, не получая приглашения. Во всяком случае это так воспринимается, даже не смотря на соглашение о политике конфиденциальности, с которой должен согласиться каждый пользователь, вероятно, даже не читая его. Мнения в отношении принятия данного пакета законов разнонаправленные, некоторые эксперты признавали, что часть инициатив не может быть исполнена, так как потенциально может привести к возникновению угрозы для кибербизнеса. Например, эксперты из Mail.ru group утверждают, что поправки будут неэффективными и даже бесполезными [8, с. 106].

В статье Н.К. Sætra под названием “Privacy as an aggregate public good”, приватное рассматривается в качестве всеобщего общественного блага, и именно этим тезисом может оправдываться вмешательство государства в частную жизнь не только в сети интернет, но и в реальности. Автор обосновывает тезис о том, что индивидуалистический подход к определению приватности, когда личность самостоятельно определяет, что необходимо выставлять на всеобщее обозрение, а что оставлять в зоне приватности, является несостоятельным, поскольку существует большое количество неконтролируемых факторов и переменных, которые провоцируют утечки персональной информации [11, с. 4].

Прежде всего, приватность — то благо, которое должно быть гарантировано каждому человеку, обеспечивая неприкосновенность частной жизни и несанкционированные вторжения в личные пространства людей. Задача государства в данном случае заключается в создании таких условий, которые обеспечивают безопасность и сохранность приватности. Данная роль может реализовываться через контроль организаций, занимающихся хранением и сбором персональной информации, что не всегда может привести к хорошим последствиям. Например, было много случаев, когда камеры видеонаблюдения оказывались выключенными или же вовсе не записывали видео; поэтому возникала спутанность при необходимости доказывания факта правонарушения, как правило, не в пользу «правонарушителя». Подобные случаи требуют дополнительных способов регулирования и обеспечения оптимального функционирования. Несмотря на все подводные камни и несовершенства, включенность государства в процесс обеспечения оптимального и комфортного уровня приватности необходима в связи с рассредоточенностью и долгосрочным характером последствий вторжений в частную жизнь. Однако в данном случае необходимо определение оптимального уровня вмешательства и контроля государством аспектов, связанных с приватной жизнью личности. Это может быть реализовано при помощи общественных обсуждений, где разные группы населения могли бы выражать свою точку зрения по этому поводу, что способствовало бы определению необходимого уровня приватности, которое будет обеспечивать государство.

Мы видим, что любые попытки противопоставить публичное приватному отчасти терпят неудачу, поскольку получается так, что публичное (общественное) обеспечивает корректную работу приватного (личного). Размытие границ здесь можно рассматривать не как их нарушение и слияние двух сфер, а, скорее, как синергетическое взаимодействие, где одно обеспечивает функционирование другого. Но есть ряд вопросов во взаимодействии публичного и приватного, касающихся безопасности, обеспечения оптимального уровня приватности и публичности — эти вопросы могут носить морально-этический характер и требуют достаточно детальной дальнейшей проработки.

Проявление публичного и приватного в виртуальном пространстве требует большого внимания. Потребность в приватности в сети остается актуальной, одновременно с этим есть потребность выставлять свою жизнь на всеобщее обозрение, привнося закономерности, которые работают в реальности, в виртуальное пространство. Предположительно, такое положение вещей может быть связано с потребностью проявлять большую активность в общественной жизни в реальности, что иногда оказывается совершенно невозможным, поэтому аспекты приватной жизни попадают в публичное пространство сети интернет.

Список литературы

1. Андриевская Ю.Д. Интимность как свойство социокультурного феномена приватности // Социологический альманах. 2014. № 5. С. 287–296.
2. Арентс Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. Москва: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 304 с.
4. tass.ru [Электронный ресурс]. Как работает «пакет Яровой». Доступ по ссылке: <https://tass.ru/ekonomika/5335719>

5. Лекторский В.А. Трансформация индивидуальной и коллективной памяти в контексте глобальной цифровизации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, № 9. С. 17.
6. Мансурова В.Д. Онлайн-социальность поколения СИ: феноменология «публичной интимности» // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-1. С. 211–214. DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.1-40
7. Сеннет Р. Падение публичного человека. Москва: Логос, 2002. 424 с.
8. Тигранян Е.А. «Антитеррористический пакет» Яровой: реакция российских и зарубежных изданий // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2018. Т. 37, № 1. С. 103–112. DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-103-112
9. Труфанова Е.О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3, № 1. С. 14–38. DOI: 10.46539/gmd.v3i1.130
10. Чеснокова Л.В. Приватность и тайна: право на контроль над личной информацией. Публичное/частное в современной цивилизации. 2020. С. 65–70.
11. Sætra H.S. Privacy as an aggregate public good // Technology in Society. 2020. Vol. 63. P. 10–19. DOI: 10.1016/j.techsoc.2020.101422

References

1. Andrievskaya YuD. Intimnost' kak svoistvo sotsiokul'turnogo fenomena privatnosti. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2014;(5):287–296. (In Russ.)
2. Arendt Kh. *Vita activa, ili O deyatel'noi zhizni*. Moscow: Ad Marginem Press, 2017. 416 p. (In Russ.)
3. Gofman I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni*. Moscow: KANON-press-TS, 2000. 304 p. (In Russ.) (Goffman E. *The presentation of self in everyday life*. 1956. 163 p.)
4. tass.ru [Internet]. Kak rabotaet «paket Yarovoi». Available at: <https://tass.ru/ekonomika/5335719> (In Russ.)
5. Lektorsky VA. Transformation of individual and collective memory in the context of digitalization. *Istoriya*. 2020;11(9):17. (In Russ.)
6. Mansurova VD. «Generation C» online sociality: phenomenology of public intimacy. *Izvestiya of Altai State University*. 2014;(2-1):211–214. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.1-40
7. Sennet R. *Padenie publichnogo cheloveka*. Moscow: Logos, 2002. 424 p. (In Russ.) (Sennet R. *The Fall of Public Man*. New York: W.W. Norton and Company, 1992. 416 p.)
8. Tigranyan EA. «Antiterroristicheskii paket» Yarovoi: reaktsiya rossiiskikh i zarubezhnykh izdaniy. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya*. 2018;37(1):103–112. (In Russ.) DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-103-112
9. Trufanova EO. Private and Public in the Digital Space: Blurring of the Lines. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021;3(1):14–38. (In Russ.) DOI: 10.46539/gmd.v3i1.130
10. Chesnokova LV. Privatnost' i taina: pravo na kontrol' nad lichnoi informatsiei. *Publichnoe/chastnoe v sovremennoi tsivilizatsii*. 2020. P. 65–70. (In Russ.)
11. Sætra HS. Privacy as an aggregate public good. *Technology in Society*. 2020;63:10–19. DOI: 10.1016/j.techsoc.2020.101422

Информация об авторе

Анастасия Владимировна Почикаева — аспирантка кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия.
E-mail: pochastardust@gmail.com

Information about the author

Anastasia V. Pochikaeva — postgraduate student of the Department “Philosophy and Social Sciences and Humanities”, Samara State Technical University, Samara, Russia. **E-mail:** pochastardust@gmail.com

УДК 165.0

DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.11>

КОНСТРУКТ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА

Э.Б. Савенков

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 20.01.2023

В окончательном варианте: 20.02.2023

■ Для цитирования: Савенков Э.Б. Конструкт в контексте эволюции современной картины мира // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 83–86. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.11>

Аннотация. Актуальная картина мира обладает множеством названий: «цифровая», «пост-неклассическая», «информационная», «телекоммуникационная» и т. д. Однако все они не могут в полной мере ухватить дефиницию мира, что приводит к мысли о том, что задача обоснования картины мира не может быть связана только лишь с интерпретацией через технологический прогресс или количественные изменения вещного мира. Отправной точкой рассуждений автора в представленной статье служит тезис о том, что цифровая картина мира — это поле конструктов, а значит, это поле не может быть чисто эмпирическим. Другими словами, открываются возможности для обсуждения реальности с точки зрения ее конструктивности, а не виртуальности. Данная статья носит обзорный характер, ее цель — указать на новые области развития философии.

Ключевые слова: конструкт; конструктивизм; картина мира; онтология; методология.

THE CONSTRUCT IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF THE MODERN PICTURE OF THE WORLD

E.B. Savenkov

Samara State Technical University, Samara, Russia

Original article submitted: 30.11.2022

Revision submitted: 20.12.2022

■ For citation: Savenkov E.B. The Construct in the Context of the Evolution of the Modern Picture of the World. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):83–86. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.11>

Abstract. The current picture of the world has many names: “digital”, “post-non-classical”, “information”, “telecommunications”, etc. However, all of them cannot fully grasp the definition of the world, which leads to the idea that the task of substantiating the picture of the world cannot be connected only with interpretation through technological progress, or quantitative changes in the material world. The starting point of the author’s reasoning in the presented article is the thesis that the digital picture of the world is a field of constructs, which means that this field cannot be purely empirical. In other words, it opens up opportunities for discussing reality in terms of its constructiveness, not virtuality. This article is of an overview nature and is intended to indicate new areas of development of philosophy.

Keywords: construct; constructivism; worldview; ontology; methodology.

---

*«И если ты долго смотришь в бездну, то бездна
тоже смотрит в тебя»
Ф. Ницше*

Данное высказывание немецкого философа зачастую употребляется в мистическом смысле, но в данном контексте оно хорошо передает ту проблему, с которой столкнулись многие ученые в XXI веке. Она заключается в том, что долгое и настойчивое смотрение (анализ) в эмпирический опыт ставит ученого в положение постоянного обязательства констатировать факты, однако такой подход не может привести к превращению последних в знание. Перефразируя смысловую позицию Ф. Ницше, эмпирический опыт стал настолько фундаментальной основой для некоторых сфер гуманитарного знания, что они сами не замечают, как теряют свои оригинальные и уникальные методологии обоснования не эмпирического опыта. Если опыт трактовать в данном случае как некоторое естество, то в современном мире у любого естества должна быть пара с искусственным. Для этого, очевидно, необходим еще один искусственный, то есть идущий от творческого начала человека шаг в сторону создания определенной единицы, облегчающий работу мышления. В научном познании это конструкты, то есть искусственные образования со служебными функциями. Онтологизация конструкта (при одновременной его логической и языковой акцентировке) преобразует его в концепт. В таком случае концепт современной картины мира формируется согласно принципу замещения конструкциями, описанному Б. Расселом, и касается тех объектов, которые являются для науки перспективными [2]. Другими словами, перед современным философом-исследователем стоит задача осмысления мира в его уникальных характеристиках за счет привлечения знаково-знаниевых конструкций из доступных сфер культуры человечества.

В новой философской энциклопедии конструкт связывают с методологией науки, и его определение дает В.С. Швырев: *«Понятие современной методологии науки, подчеркивающее активность, конструктивность работы научного сознания при введении в состав концептуальных структур научного знания специфически научных понятий и соответствующих терминов в язык науки. Понятие теоретического конструкта получило распространение в связи с осознанием в рамках стандартной концепции науки невозможности редукции теоретических терминов к терминам, фиксирующим эмпирически наблюдаемые признаки»* [1, с. 321–322]. Таким образом, «конструкт» стал связующим элементом или же фиксирующим звеном, например, для ненаблюдаемых сущностей типа элементарных частиц в физике, структур химических соединений, генов в биологии, характерологических типов в психологии, типов общественных структур в социальном знании, домохозяйств в структуре повседневности и пр. Примечательно, что охарактеризовать конструкт в данном случае не получится, если использовать эмпирическую интерпретацию, так как его специфика раскрывается только в концептуализации теорий или же типологий. В этом случае возникает вопрос, связанный с соотношением конструкта и реальности. В частности, значительное распространение получило инструменталистское истолкование конструктов, согласно которому последние рассматривались как формальные искусственные

языковые средства, которые способствуют решению задач на уровне научной эмпирии, обеспечивая контакт знания с реальностью. Анализируя современную методологию, следует сказать, что конструкт все же связан с реальностью в том смысле, в каком он позволяет к этой реальности подобраться за счет внедрения понятийного анализа, выражающегося в индикаторах, индексах и других формах, отражающих процедуру перевода некоторых полученных данных в структуру знаков. Если рассмотреть данное определение в широком смысловом контексте, то конструкты могут выступать в качестве «пешеходного моста» от эмпирического опыта к теории деятельности. Сразу же поставим вопрос, о какой конкретно деятельности идет речь? Конструктивно-технической, если в область познания попадают такие объекты, как, например, блокчейн-платформы [3]. С одной стороны, это языковая спекуляция, основанная на том, что слово «конструкт» и «конструкция» (и производные от него) созвучны. Латынь предоставляет нам культурную опору в виде “*constructio*”, то есть деятельности составления и построения. С другой стороны, это тематическая попытка уйти от технического или же самой философии техники в чистом виде, так как обсуждение конструктов и их положения внутри социотехнических систем может дать другой результат, чем обсуждение искусства их создания и внедрения в сферы производства и потребления [4].

Таким образом, мы предполагаем, что процесс онтологизации через конструкт продуктивен для области новых наук и предметов, использующих конструкты не только для зрительной интерпретации, но и для снятия и сохранения специфических и уникальных смыслов.

Список литературы

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2 / под ред. В.С. Стёпина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина, и др. Москва: Мысль, 2010. 634 с.
2. Розанова М.С. Современная философия и литература. Творчество Бертрана Рассела / под ред. Б.Г. Соколова. Санкт-Петербург: Издательский дом СПбГУ, 2004. 160 с.
3. Савенков Э.Б. Зеленые сертификаты и блокчейн в контексте философского познания современной картины мира // Сборник статей X Международной научно-практической конференции: «Теория и практика современной науки». Пенза, 2022. С. 60–62.
4. Bachelard G. *The New Scientific Spirit*. Beacon Press, 1986. 214 p.

References

1. Stepin VS, Guseinov AA, Semigina GYu, et al., editors. *Novaya filosofskaya ehntsiklopediya: v 4 t. T. 2*. Moscow: Mysl', 2010. 634 p. (In Russ.)
2. Rozanova MS. *Sovremennaya filosofiya i literatura. Tvorchestvo Bertrana Rassela*. Sokolova BG, editor. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom SPbGU, 2004. 160 p. (In Russ.)
3. Savenkov EhB. Zelenye sertifikaty i blokchein v kontekste filosofskogo poznaniya sovremennoi kartiny mira. *Proceedings of the X International science and practice conference: «Teoriya i praktika sovremennoi nauki»*. Penza, 2022. P. 60–62. (In Russ.)
4. Bachelard G. *The New Scientific Spirit*. Beacon Press, 1986. 214 p.

Информация об авторе

Эдуард Борисович Савенков — аспирант кафедры вычислительной техники ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия.
E-mail: savenkov39@yandex.ru

Information about the author

Eduard B. Savenkov — Postgraduate student of the Department of Computer Engineering, Samara State Technical University, Samara, Russia. **E-mail:** savenkov39@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ МЕДИА НА СОВРЕМЕННУЮ РЕАЛЬНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИАФИЛОСОФИИ И МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

С.В. Ромаданова

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 20.12.2022

В окончательном варианте: 31.01.2023

■ Для цитирования: Ромаданова С.В. Влияние медиа на современную реальность: теоретические аспекты медиафилософии и медиареальности // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 87–92. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.12>

Аннотация. Современность характеризуется проникновением медиа практически во все сферы жизни человека. Медиа развиваются молниеносно, меняя реальность, уже существует термин «медиареальность». Работа посвящена философскому осмыслению влияния медиа на современную реальность, их способности трансформации взглядов и позиций в обществе. Затронуты теоретические аспекты медиареальности и медиафилософии.

Ключевые слова: медиа; информация; медиафилософия; медиареальность; коммуникация.

THE INFLUENCE OF MEDIA ON MODERN REALITY: THEORETICAL ASPECTS OF MEDIA PHILOSOPHY AND MEDIA REALITY

S. V. Romadanova

Samara State Technical University, Samara, Russia

Original article submitted: 20.12.2022

Revision submitted: 31.01.2023

■ For citation: Romadanova S.V. The Influence of Media on Modern Reality: Theoretical Aspects of Media Philosophy and Media Reality. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):87–92. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.12>

Abstract. Modern stage of society development is characterized by media penetration into almost in all spheres of life and human activity. Media develops rapidly and changes reality. There is a concept called “media reality”. Article is devoted to philosophical understanding of media influence on modern reality, their ability to transform attitudes in society. Theoretical aspects of modern media theories and media philosophies are considered.

Keywords: media; information; media philosophy; media reality; communication.

Сегодня жизнь людей переполнена информацией. Слишком большой объем, а иногда переизбыток различных сообщений поглощает человека настолько, что иногда он не успевает даже анализировать и осознать информацию. Философские понятия все чаще стали употребляться с приставкой «медиа», например, медиареальность, медиасубъект. Это служит знаком времени и приводит к необходимости рассмотрения и осмысления нового философского подхода. Медиа выступают посредником, с помощью новых технологий они позволяют человеку не размышлять, проделывая работу за людей и создавая видимость снятия информационной нагрузки.

Слово “media” в переводе с английского языка означает «средства массовой информации», «пресса», «носитель» и «мультимедиа». С латинского языка “media” определяется как «средний», то есть интерпретируется как «посредник». Медиа — широкое понятие, которое включает в себя и средства коммуникации, и способы передачи информации, но и, кроме этого, ими образуемую среду — медиaprостранство, а также служит инструментом построения общественного мнения. А развитие технологий формирует проблемы для изучения такой дисциплины, как медиафилософия. В целом рефлексия медиафилософии должна быть нацелена на осмысление влияния медиа на общество, то есть на то, как они могут управлять чувствами и эмоциями людей, как буквально конструируют взгляды и позиции в обществе, создавая медиареальность.

Появление термина «медиафилософия» связано с немецким исследователем Рудольфом Фитцем. Впервые он ввел это понятие в 1992. В том же году Юрген Хабермас применяет термин «медиафилософия» как научный, и пишет, что медиафилософия — инструкция для правильного и продуктивного использования медиа. Выделить же ее как дисциплину предложил Франк Хартман. Большое внимание уделяется медиафилософии в таких странах, как Австрия и Германия [2]. В 2005 году в Германии Ламберт Визинг представил в виде шести ответов определение медиафилософии. В ответах она определялась такими шестью значениями, как рефлексия понятийных проблем, связанных с появлением новых медиа; работа с понятием медиа; расширение к «медиальному повороту»; основной дискурс культурологических и медиадисциплин; философия, осуществляемая через медиа, шестым ответом являлось суждение, что медиафилософии и вовсе не существует [3]. Уже наблюдается тенденция, когда задачи академического характера медиафилософии берут на себя исследовательские коллективы и объединения, а не отдельные авторы. Среди мировых исследовательских образований известен Междисциплинарный центр исторической антропологии Свободного университета (г. Берлин, Германия), Институт массовых коммуникаций и медиаисследований (г. Цюрих, Швейцария), Институт языка и коммуникации (Медианаука) Технического университета (г. Берлин, Германия), Центр культуртехники им. Германа фон Гельмгольца Университета им. Вильгельма фон Гумбольдта (г. Берлин, Германия). В России — представители самарской школы медиаисследований, таганрогской школы медиаобразования. В Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург) работает Центр медиафилософии, при Российской Экономической Школе (г. Москва) создан Центр изучения интернета и общества, который ведет работу в области исследования интернета, новых медиа и общества в местном, глобальном и сравнительных контекстах.

Аудитория медиа взаимодействует с окружающим миром, используя контент, являющийся интерпретацией действительности. Встреча с ситуациями, в которых конкретного человека никогда не было и никогда не будет, стала вполне обыденным явлением благодаря медиа, например, при общении человека с чат-ботами. Люди больше не привязаны в восприятии и общении к ситуации телесного пребывания. Медиаальный опыт становится переживанием телесно недостижимого мира в пределах телесно достижимого мира. В настоящее время для человека является повседневной рутиной, когда он выходит за рамки своего физического присутствия, например, когда выходит в прямой эфир в социальных сетях или смотрит видеоролики в формате 3D. А реальная ситуация все больше и больше теряет вес перед ситуацией, сформированной медиа. Они создают новые реалии, но не путем отмены действительности, а посредством ее изменения: путем открытия возможности почти всегда позволять быть в ситуациях, в которых мы не находимся. Качественно и профессионально созданный образ чего-либо с помощью медиа способен поддержать необходимое настроение, сформировать определенные взгляды на жизнь, поменять ценности людей.

Существование человека определяется совокупностью разновидностей реальности: мир физических состояний — материальный (объективная реальность) и мир психических состояний — мир сознания, внутренний мир человека (субъективная реальность). В процессе познания окружающего мира человек «преломляет» реальность через призму своего сознания. Серьезную деформацию в структуру образа реальности вносят эмоции, опыт, установки человека, составляющие в совокупности внутренние предпосылки перцептивного процесса. Ограниченность восприятия, определяемая своеобразием строения органов чувств, также приводит к приблизительному соответствию образа реальности. Через эту призму с использованием медиа как средства создается новая реальность. Они заменяют большую часть настоящей реальности, трансформируя способы взаимодействия с ней. Рассмотрим более подробно конструирование реальности с помощью медиа с учетом психологического инструментария — некоторых психологических корреляторов, таких как восприятие, воображение, язык, общение (см. таблицу).

При использовании медиа возникает онтологическая размытость. Не всегда бывает понятно, что это за образ транслируется с экрана телевизора или гаджета. Спектр варьируется от простого изображения и простого звука до множества способов модифицирующего воспроизведения вещей, событий и ситуаций, что образует новую реальность. В таблице в качестве медиа представлены категории системы средств массовой коммуникации, к медиа также можно отнести нейросети, гаджеты, видеоигры и многое другое. В результате анализа, приведенного в таблице, можно говорить о том, что медиа дополняют и расширяют реальность человека и общества в целом. Путем влияния медиа, в том числе через психологические корреляторы, конструируется, создается новая реальность — медиареальность. Более того, человек может сам менять свою реальность, используя медиа и расширяя собственную картину мира.

Со временем методов воздействия на реальность путем использования медиа становится все больше, формируется цепь коммуникативных действий, в которых участвуют разные люди, и важно научиться ими пользоваться. Сегодня людям, работающим с информацией, нужно определиться с образом будущего, и это возможно, если качественно и конструктивно подходить к вопросу конструирования медиареальности.

Анализ конструирование реальности с помощью медиа с учетом психологических корреляторов

№	Медиа	Психологические корреляторы	Анализ	Влияние медиа на общество. Формирование новой реальности
1	Сайты, группы, сообщества компаний/организаций в социальных сетях	Восприятие	<p>Реальность такова, какой нам представляется. Реальность, которая вне сознания человека, не эмпирична. Человек наделяет чувством реальности все, что наблюдает, воспринимаем. Таким образом, восприятие можно понимать как сформированный образ реальности чего-либо, так, например, официальный сайт организации — это чаще всего первое, с чем знакомятся человек, если он стоит перед выбором услуг различных организаций. Через медиа человек получает информацию об организации, сотрудниках, услугах, иногда даже может посетить 3D-тур по подразделениям компании, не выходя из дома. Качественная картинка, с хорошим разрешением может «переместить» человека в медиапространство организации</p>	<p>С помощью правильно оформленного сайта или групп, сообществ в социальных сетях компании специалисты в области веб-разработки, PR, Social Media Marketing в соответствии с ценностями и целями организации создают информационный ресурс. Через этот ресурс клиенты или потенциальные клиенты через восприятие информации на сайте получают и впечатление об организации. Что им позволяет сделать выбор в пользу той или иной организации</p>
2	Печатные средства массовой информации, интернет-издания, группы, сообщества в социальных сетях	Воображение	<p>Медиа влияют на воображение, создавая образы, идеи. Воображение является актом духовной субстанции и сопряжено с актом интуиции и сознанием. Психические акты человека обеспечивают целостность сознания, активность духовной субстанции в обнаружении врожденных идей, их осознание выступает существенной причиной самоосуществления индивиду в мире.</p> <p>Д. Юм, анализируя принцип связи между идеями, подчеркнул, что существует так называемая сила притяжения или принцип ассоциаций, который по средствам воображения объединяет идеи и дает целостность человеческой природе и целостность мира, при этом не очень важно существование ли этот мир на самом деле [7]. Человек с помощью воображения оказывается в собственной реальности с учетом идей и образов, которые ему предложили медиа</p>	<p>На сегодняшний день основным контентом в СМИ, социальных сетях являются новости. Именно из новостей люди получают большую часть информации. Они в буквальном смысле слова создают реальность общества. Это та информация, которая, по мнению СМИ, несет в себе ценность для общества.</p> <p>Журналисты отбирают информацию, руководствуясь форматом издания или паблика в социальных сетях, редакционной политикой, законодательством страны и своего личного восприятия. Получатели же сообщения, в данном случае новостей, лучше всего запоминать то, что актуально, уникально, вызывает сильные эмоции и то, что распространено повсюду. Важной составляющей процесса данной коммуникации является и то, что новость, как правило, направлена на «определенного» адресата, целевую аудиторию издания или паблика. В противном случае, если человек сталкивается с информацией, которая абсолютно не совпадает с его уже сформированным по этому вопросу мнением или ему просто совсем не интересна данная тема, он может ее проигнорировать, так как информация не отвечает взглядам человека. Новости не могут кардинально поменять мнение человека, но способны к усилению или его ослаблению</p>

3	Блоги для изучения иностранных языков, подкасты	Язык	<p>Язык — это один из компонентов формирования медиаальности. Человек использует язык, чтобы передать тот или иной смысл, при этом добиваясь какой-то определенной цели. Мартин Хайдеггер говорил, что люди обретают «человеческую форму» при использовании языка, что именно благодаря языку появляется человек и благодаря языку он начинает существовать. Язык зависит от людей, которые активно что-то делают, другими словами, активно в нем участвуют [8, с. 22–23]. Медиапространство в этом смысле является достаточно важной средой для такой активности, предоставляя ресурсы для человека в виде медиа</p>	<p>Во-первых, язык может задавать тон сообщению, которое направлено на целевую аудиторию, тем самым создавая новые образы в реальности. Например, человек, который является преподавателем иностранного языка ведет блог в социальных сетях, транслируя при этом с помощью языка ценности, традиции страны, в которой этот язык употребляется, формируя тем самым у подписчиков блога новую реальность. Подписчик, возможно, никогда не был в стране, язык которой изучает, но посредством блога может оказаться в новой для себя реальности и выучить иностранный язык. Еще одним примером являются подкасты. Это отдельный сегмент медиа. Аудиопрограммы, блоги, которые позволяют выполнять, допустим, домашнюю рутину по уборке квартиры и при этом слушать интересную информацию. Способствуют формированию информационного поля на различные тематики. Из-за своей доступности и ощущения близости (приятный голос, четкая дикция и хороший звук, могут создать ощущение близости с человеком) подкасты могут изменить реальность человека по тем или иным вопросам. Слушая истории других людей, человек может через аудио услышать о новом опыте по тому или иному вопросу и расширить за счет этого какие-либо представления о себе, о мире</p>
4	Социальные сети, блоги лидеров мнений (инфлюенсеров)	Общение	<p>На сегодняшний день общение в онлайн также реально, как и общение вне сети. Присутствие подменяется социальными сетями, телевидением. Человек выходит за рамки физического присутствия, оказываясь в медиареальности. Такая коммуникация затрагивает изменение онтологических характеристик межличностной коммуникации. Как таковой характерistik отсутствует, чаще он заменяется виртуальным сообщением, то есть переходит в общение с гаджетом. В общении онлайн необходима анализа мыслительной деятельности в большей степени исчезает из-за сиюминутности взаимодействия</p>	<p>Сегодня есть возможность задавать вопросы онлайн различным специалистам и получать ответы в тот же момент. Человек может не выходить из дома, а с помощью сетей интернета пообщаться с экспертами или друзьями. Возможности технологий социальных сетей, например, не ограничиваются только процессом обеспечения общения. При общении с человеком в прямом эфире создается впечатление присутствия в другом реальном месте (конференц-зале, на выставке, на производстве), формируется новая реальность</p>

Список литературы

1. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2012. 350 с.
2. Очеретяный К.А., Ленкевич А.С. Медиафилософия: российский контекст // Вопросы философии. 2016. № 12 [дата обращения: 20.11.2022]. Доступ по ссылке: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1548&Itemid=52
3. mediaphilosophy.ru [Электронный ресурс]. Визинг Л. Шесть ответов на вопрос «Что такое медиафилософия?» [дата обращения: 20.11.2022]. Доступ по ссылке: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/vizing_mediaphil/
4. Жилавская И.В. Медиаобразование молодежи: монография. Москва: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013. 243 с.
5. Чельшева И.В. Социокультурное поле медиа: реальность, коммуникация, человек. Москва: МОО «Информация для всех», 2016. 178 с.
6. mediaphilosophy.ru [Электронный ресурс]. Савчук В.В. Неизбежность медиафилософии [дата обращения: 20.11.2022]. Доступ по ссылке: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability/#footnote-1
7. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Москва: АСТ, 2021. 800 с.
8. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. 2-е изд. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр» (О.В. Гритчина), 2017. 264 с.

References

1. Savchuk VV. Mediafilosofiya. Pristup real'nosti. Saint Petersburg: Izd-vo RKHGA, 2012. 350 p. (In Russ.)
2. Ocheretyany KA, Lenkevich AS. Mediaphilosophy: Russian Context. *Voprosy Filosofii*. 2016;(12) [cited 2022 Nov 20]. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1548&Itemid=52 (In Russ.)
3. mediaphilosophy.ru [Internet]. Vizing L. Shest' otvetov na vopros «Chto takoe mediafilosofiya?» [cited 2022 Nov 20]. Available at: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/vizing_mediaphil/ (In Russ.)
4. Zhilavskaya IV. Mediaobrazovanie molodezhi: monografiya. Moscow: RITS MGGU im. M.A. Sholokhova, 2013. 243 p. (In Russ.)
5. Chelysheva IV. Sotsiokul'turnoe pole media: real'nost', kommunikatsiya, chelovek. Moscow: МОО «Informatsiya dlya vsekh», 2016. 178 p. (In Russ.)
6. mediaphilosophy.ru [Internet]. Savchuk VV. Neizbezhnost' mediafilosofii [cited 2022 Nov 20]. Available at: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability/#footnote-1 (In Russ.)
7. Yum D. Traktat o chelovecheskoi prirode. Moscow: AST, 2021. 800 p. (In Russ.) (Hume D. A Treatise of Human Nature. London, 1739.)
8. Matison D. Media-diskurs. Analiz media-tekstov. 2-e izd. Kharkiv: Izd-vo «Gumanitarnyi Tsentri» (O.V. Gritchina), 2017. 264 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Светлана Васильевна Ромаданова — аспирантка кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки», ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия.
E-mail: s-romadanova@yandex.ru

Information about the author

Svetlana V. Romadanova — graduate student of the Department of Philosophy and Social and Humanities, Samara State Technical University, Samara, Russia. **E-mail:** s-romadanova@yandex.ru

НАШИ АВТОРЫ

ДИСЬКО-ШУМАН Мария Робертовна — кандидат философских наук, доцент, докторантка кафедры философии культуры Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь. *E-mail:* mdzisko@gmail.com

ИСАЕВ Роман Олегович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. *E-mail:* romanceisaev@gmail.com

КОРСАКОВ Сергей Николаевич — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт философии РАН, Москва. *E-mail:* snkorsakov@yandex.ru

КОСТЕЦКИЙ Виктор Валентинович — доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт имени И.Е. Репина при Российской академии художеств», Санкт-Петербург. *E-mail:* kostavictor@yandex.ru

КРИВОЛАП Алексей Дмитриевич — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств, Минск, Республика Беларусь. *E-mail:* email2krivolap@gmail.com

МАСЛОВ Вадим Михайлович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород. *E-mail:* maclov@bk.ru

ПАНТЫКИНА Марина Ивановна — доктор философских наук, доцент, заместитель директора гуманитарно-педагогического института по учебно-методической работе ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», Тольятти. *E-mail:* pantikina@tltsu.ru

ПОЧИКАЕВА Анастасия Владимировна — аспирантка кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. *E-mail:* pochastardust@gmail.com

РОМАДАНОВА Светлана Васильевна — аспирантка кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. *E-mail:* s-romadanova@yandex.ru

САВЕНКОВ Эдуард Борисович — аспирант кафедры вычислительной техники ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. *E-mail:* savenkov39@yandex.ru

ТЮГАШЕВ Евгений Александрович — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Новосибирск.
E-mail: filosof10@yandex.ru

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара.
E-mail: vfar@mail.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК САМГТУ. СЕРИЯ «ФИЛОСОФИЯ»

Все рукописи печатаются бесплатно. Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат».

В редакционный совет журнала «Вестник СамГТУ. Серия Философия» необходимо представить:

- файлы на информационном носителе (CD, DVD или др., по электронной почте):
  - скан рекомендации кафедры;
  - скан заполненного лицензионного договора.

- документы на листах формата А4 (1 экз.):
  - сведения об авторе(ах);
  - рекомендацию кафедры (научного подразделения) с указанием наименования тематического раздела, в котором предполагается опубликование материала;
  - заполненный лицензионный договор о предоставлении права использования произведения.

Сведения об авторе(ах) должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью, при наличии) автора.
2. Полное и сокращенное официальное наименование основного места работы (или учебы) с указанием структурного подразделения.
3. Должность (образовательный статус — напр. «аспирант»).
4. Ученую степень, ученое звание (при наличии).
5. Адрес личной электронной почты и телефон (для связи и переписки).

Автор может факультативно указать о себе иные дополнительные сведения. Следует указать, с каким автором (если их несколько) следует вести переписку. Все сведения печатаются в строку (без пунктов) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи:

1. Статья должна быть тщательно отредактирована, отвечать требованиям научной публикации.
2. Представляемая статья должна быть оригинальной и актуальной, иметь элементы научной новизны.
3. Материалы должны соответствовать профилю журнала.
4. Название рукописи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать ее содержанию.

4. Во введении к статье должны быть отражены актуальность темы, современное состояние исследований в рассматриваемой области, приведены необходимые ссылки на литературу.

5. Выбранные методы должны быть адекватны поставленным задачам.

6. Результаты исследования (выводы) должны быть обоснованы и корректны, их изложение должно быть ясным и четким.

7. За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несет автор(ры) статьи. Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.

8. Оформление рукописи должно соответствовать следующим правилам:

– текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97 (название файла со статьей дается по фамилии первого автора (например: Petrov_text.doc или Petrov_text.rtf);

– язык публикаций — русский. Перевод аннотации и ключевых слов должен быть сделан с учетом используемых в англоязычной литературе специальных терминов и правил транслитерации на английский язык. Возможен прием статей на английском языке с дублированием аннотации и ключевых слов на русском языке;

– формат бумаги А4;

– параметры страницы: поля — верхнее 3 см, левое и нижнее 2,5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;

– к публикации принимаются статьи объемом до 0,75 п. л., аналитические обзоры до 1 п. л., статьи аспирантов объемом до 0,5 п. л.; сообщения (краткая информация о научной проблеме, научной жизни, заметки о достижениях отдельных ученых или юбилейных датах, некрологи) в объеме от 0,2 до 0,4 п. л.; рецензии (до 0,5 п. л.).

Общий порядок расположения частей статьи

1. УДК (выравнивание по левому краю, 10 пунктов).

2. Название статьи на русском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов). Информация о грантовой поддержке (при ее наличии) дается на название статьи и выносится подстрочной ссылкой в конце первой страницы текста статьи (выравнивание по ширине, 10 пунктов).

3. Инициалы, фамилия автора(ов) (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).

4. Название основного места работы (учебы), город (выравнивание по центру, 11 пунктов).

5. Аннотация на русском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).

6. Ключевые слова на русском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).

7. Текст статьи (выравнивание по ширине, 12 пунктов). Текст должен быть тщательно отредактирован, все данные, цитаты и библиография выверены. Не используется более одного пробела между словами. Все лишние пробелы следует удалить из текста. Для удаления лишних пробелов используйте в Word опцию «Найти — Заменить». Подчеркивание в тексте не применяется

(смешивается с гиперссылками). Вместо подчеркивания используйте выделение курсивом или жирным шрифтом.

8. Благодарности (при их наличии) (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов).

9. Список литературы (выравнивание по левому краю, 11 пунктов), библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту начиная с первого, выполненное по Г.С. Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Номер ссылки в тексте заключается в квадратные скобки, в списке литературы нумеруется арабскими цифрами без скобок. Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей — 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются).

10. Название статьи на английском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов).

11. Инициалы, фамилия автора(ов) на английском языке (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).

12. Название учреждения(ий) на английском языке (выравнивание по центру, 11 пунктов).

13. Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).

14. Ключевые слова (Keywords) на английском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).

15. Сведения об авторах на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы с указанием организационно-правовой формы учреждения, адреса (юридического) и почтовый индекс, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).

Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала.

**ПОДПИСКА – 2023
НА ЯНВАРЬ – ДЕКАБРЬ**

в «каталоге «Газеты и журналы – 2023»,
и на сайте «ООО Урал-Пресс Округ»
<http://www.ural-press.ru/>

Уважаемые читатели!

Обратите внимание, что с 1 сентября 2022 г. проводится
подписная кампания на журналы Самарского государственного
технического университета на 2023 год

**18106 Вестник Самарского государственного технического университета.
Серия «Технические науки»
Промышленность. Энергетика. Строительство. Транспорт.**

**18108 Вестник Самарского государственного технического университета.
Серия «Физико-математические науки»
Образование. Наука.**

**70570 Градостроительство и архитектура
Промышленность. Строительство.**

**18107 Вестник Самарского государственного технического университета.
Серия «Психолого-педагогические науки»
Образование. Педагогика. Религия. Философия. Социология. Психология.**

**41340 Вестник Самарского государственного технического университета.
Серия «Философия».
Образование. Педагогика. Религия. Философия. Социология. Психология.**

Условия оформления подписки Вы найдете
на сайте <http://www.ural-press.ru/>